

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Богиня
радуги
поселилась
в России

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ИНТЕРВЬЮ

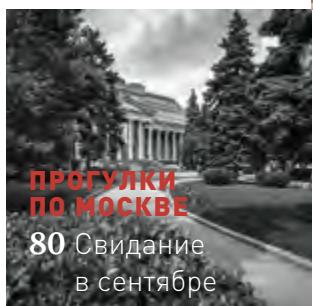

12 «Современная русская литература развивает образ человека, завещанный ей классикой»

НАСЛЕДИЕ

48 Роза Елизаветы и крест Марии

СИТУАЦИИ
10 Поговорим?

38 Сожженные страницы

ИСТОРИЯ

20 Хроники Древней Руси

56 Цветение северной орхидеи

64 Наследник «Оперного дома»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Александр АЛИМОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Над номером работали:

Артем АРГУНОВ
Александр БУРЫЙ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Алина ГРИН
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Наталья ЗОЛОТАРЕВА
Алексей КАРПОВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Алексей МАКЕЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Наталья ТАНЬШИНА
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр «Гlamour-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: +7 (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжели Бушуевой

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ
ВИТОРОВИЧ**
Министр
иностранных
дел РФ
(председатель
попечительского
совета фонда)

**КРАВЦОВ
СЕРГЕЙ
СЕРГЕЕВИЧ**
Министр
просвещения РФ
(заместитель
председателя
попечительского
совета фонда)

**ЛЮБИМОВА
ОЛЬГА
БОРИСОВНА**
Министр
культуры РФ

**ФАЛЬКОВ
ВАЛЕРИЙ
НИКОЛАЕВИЧ**
Министр науки
и высшего
образования РФ

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**АЛИМОВ
АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ**
Директор
Департамента
по многстороннему
гуманитарному
сотрудничеству
и культурным
связям МИД РФ
(председатель
правления фонда)

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ / РИА НОВОСТИ

**РАССУХАНОВ
УСМАН
АБДУЛ-АЗИЕВИЧ**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
и связей
с общественностью
Минпросвещения
РФ

**ТРИНЧЕНКО
КСЕНИЯ
ОЛЕГОВНА**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
Минобнауки РФ

**КУЗНЕЦОВ
АНТОН
АНДРЕЕВИЧ**
Заместитель
директора
Департамента
музеев
и внешних связей
Минкультуры РФ

**ШЕВЦОВ
ПАВЕЛ
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
руководителя
Россотрудничества

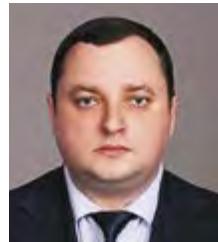
СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ЯМПОЛЬСКАЯ
ЕЛЕНА
АЛЕКСАНДРОВНА**
Советник
президента РФ
(председатель
наблюдательного
совета фонда)

**ПАНКИН
АЛЕКСАНДР
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
иностранных дел РФ
(заместитель
председателя
наблюдательного
совета фонда)

**ГРИБОВ
ДЕНИС
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
просвещения РФ

**МАЛЫШЕВ
АНДРЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ**
Заместитель
министра
культуры РФ

**МАСЛОВ
ИГОРЬ
ВЕНИДИКТОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по межрегиональ-
ным и культурным
связям с зарубеж-
ными странами

**МОГИЛЕВСКИЙ
КОНСТАНТИН
ИЛЬИЧ**
Заместитель
министра науки
и высшего
образования РФ

**НЕВЕРОВ
ИГОРЬ
СВЯТОСЛАВОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по внешней
политике

**ПРИМАКОВ
ЕВГЕНИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Руководитель
Федерального
агентства по делам
Содружества
Независимых
Государств,
соотечественников,
проживающих
за рубежом,
и по между-
народному
гуманитарному
сотрудничеству
(Россотрудничество)

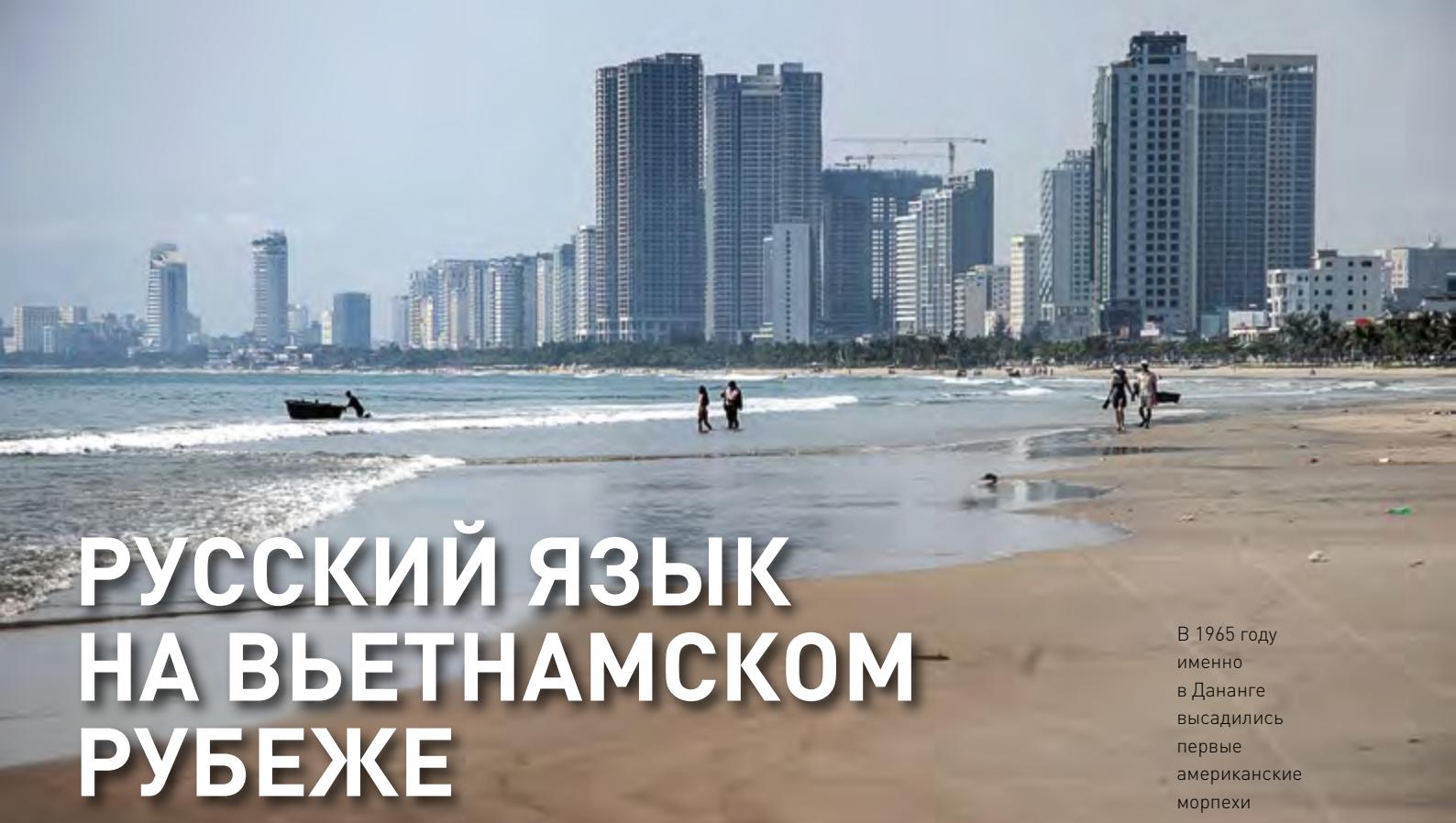
**ФИЛАТОВ
АЛЕКСЕЙ
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по приграничному
сотрудничеству

**ЧЕРКЕСОВА
БЭЛЛА
МУХАРБИЕВНА**
Заместитель
министра
цифрового
развития, связи
и массовых
коммуникаций РФ

**ТОРКУНОВ
АНАТОЛИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**
Ректор Московского
государственного
института
международных
отношений
(университет)

РУССКИЙ ЯЗЫК НА ВЬЕТНАМСКОМ РУБЕЖЕ

В 1965 году
именно
в Дананге
высадились
первые
американские
морпехи

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

СЛОЖНО ПОВЕРИТЬ, ЧТО ДО 1991 ГОДА РУССКИЙ ЯЗЫК БЫЛ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ПРЕДМЕТОМ ПОЧТИ ВО ВСЕХ ШКОЛАХ ВЬЕТНАМА. ПОТОМУ ЧТО НА УЛИЦЕ ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО ВЬЕТНАМЦЕВ, ОКОНЧИВШИХ ЭТИ ШКОЛЫ, НИ ОДНОГО СЛОВА ПО-РУССКИ НЕ СКАЖУТ, КАК НИ ПРОСИ. И ВСЕ ЖЕ РУССКИЙ ЯЗЫК ВО ВЬЕТНАМЕ ЖИВ. ВЕЛИКИЙ И МОГУЧИЙ ИЗУЧАЮТ В ШКОЛАХ И УНИВЕРСИТЕТАХ НЕ ТОЛЬКО В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ – ХАНОЕ И ХОШИМИНЕ, НО И В ПРИБРЕЖНОМ ДАНАНГЕ.

Час это уже черта города. Родители мечтали, чтобы я получил хорошее образование – это был шанс на благополучную жизнь. В 15 лет меня отправили поступать в языковую спецшколу при Ханойском институте иностранных языков. Из 2 тысяч претендентов выбрали 66 школьников. К счастью, я оказался в их числе. Правда, сначала меня зачислили в группу английского языка, но мой учитель по математике советовал мне изучать русский,

Хиен Ван Нгуен –
гостеприимный
декан факультета
русского языка
Данангского
университета
иностранных
языков

Мы договорились встретиться с деканом факультета русского языка Данангского университета иностранных языков Хиеном Ван Нгуеном. Ехали в университет (здесь его по старинке называют «институт») на традиционном вьетнамском средстве передвижения – велосипедах. День для велопутешествия оказался неудачный, на половине пути нас накрыл такой ливень, что не выручили даже дождевики.

«После дождей будет светло», – встретил нас вьетнамской поговоркой Хиен. Как мы заметили, местные привыкли к молниеносным данангским ливням, промокнуть не боятся и даже зимой пьют кофе «по-вьетнамски» – со льдом.

ПОКОЛЕНИЯ РУСИСТОВ

На встречу собрались несколько сотрудников факультета разных поколений. Меня в первую очередь мучил вопрос о русском языке – обязательном предмете во вьетнамских школах. «Действительно, такое было, – подтверждает Хиен. – Но мы на уроках учили в основном лозунги. «Я люблю русский язык, потому что это язык Ленина, язык мира!» могли сказать, а «дайте воды» – нет. По-настоящему языку стали изучать с развитием русистики, в спецшколах. Первых преподавателей русского языка начали готовить в 1960-е годы. Они ездили на обучение в Советский Союз, преодолевая долгий путь на поездах через Китай и Сибирь. Я родился в 1965 году в небольшой деревне под Ханоем. Сей-

и в итоге я добился перевода в класс русского языка, хотя русская грамматика гораздо сложнее английской. Времена, спряжения, окончания – все этоказалось непреодолимым. Во вьетнамском языке для обозначения времени мы просто добавочное слово используем. В русском же нужно много знать, еще больше чувствовать, догадываться. Но в изучении русского языка главное – мотивация, он требует полной самоотдачи. И никакой искусственный интеллект в этом не поможет. У нас на первом курсе студенты это понимают и уходят, если не готовы много трудиться. К слову, из моего класса в спецшколе только я один работаю русистом. Из 33 человек – один».

После школы Хиен поступил на факультет русского языка Ханойского педагогического института иностранных языков. «Там, конечно, расклад был уже иной, – продолжает он, – большинство были готовы связать свою жизнь с русским языком. Главное – стажировка в России, эта поездка меняла студентов. Я свою очередь заслужил в 1985-м, меня направили на год в Минский пединститут имени А.М. Горького. Это было как полет на другую планету. А как там кормили! В общежитии в Ханое мы постоянно жили впроголодь, риса не хватало, ели корни маниока. За год в Минске я 10 килограммов набрал! Испытал настоящий языковой и культурный шок. Вокруг белокожие люди с голубыми глазами... Поначалу нам казалось, что все они на одно лицо, сложно было их различать.

В Дананг я попал по распределению. После войны и объединения Вьетнама русский язык на юге страны делал первые шаги, преподавателей не хватало. Рубеж между севером и югом проходил немного севернее Дананга. В 1985 году в Данангском институте иностранных языков открылась кафедра русского языка, впоследствии ставшая самостоятельным факультетом. Я здесь работаю с 1988 года».

Центральный вход в университет украшает каменный глобус и статуи средневековых вьетнамских просветителей

«РУССКИЙ ЯЗЫК – МОЙ ХЛЕБ»

Дольше Хиена – с 1987 года – в институте работает только Лиля (Нгуен Тхи Чинь Лыонг). Она родом из Дананга. Здесь она поступила в русскую спецшколу, после уехала в Хюэ (старая императорская столица Вьетнама) учиться в педагогическом институте, а затем вернулась домой. Интересно, что со своим школьным другом Николаем (Нгуен Дык Хунг) они прошли весь этот путь вместе. Учились в одном классе, вместе решили поступать в спецшколу, отправились в Хюэ, вместе ездили на стажировку в Россию и вернулись в Дананг. Лиля и Николай защитили кандидатские диссертации в Институте русского языка имени А.С. Пушкина в Москве. Кстати,

Лиля (Нгуен Тхи Чинь Лыонг), талантливый лингвист, преподаватель и кулинар

Лиля прекрасно готовит блюда русской кухни, она уготала нас настоящим черным хлебом. Ее любимая фраза: «Русский язык – мой хлеб, моя любовь». А Николай был деканом факультета русского языка в 2010–2020 годах. Он искренне влюблен в русскую культуру, обоих своих сыновей отправил учиться в Россию.

Пик развития русского языка во Вьетнаме пришелся на 1980-е годы. Открывались новые спецшколы, появились десятки кафедр в разных вузах. С 1983 года в Ханое работает филиал Института русского языка имени А.С. Пушкина. Русский язык более десяти лет уверенно занимал позицию самого востребованного иностранного языка во Вьетнаме. Общее число учащихся спецшкол и вузов достигало 580 тысяч человек.

В начале 1990-х произошел настоящий крах системы изучения русского языка в стране. В общеобразовательных школах исчез предмет «русский язык», число целенаправленно изучавших великий и могучий сократилось почти в 30 раз – до 20 тысяч человек.

«Степень популярности иностранного языка определяется уровнем экономического и культурного сотрудничества между странами, возможностью трудаустройства, – считает Хиен. – В 1990-е всего этого не стало. Из 4500 преподавателей

лей русского языка продолжали работать по специальности около 250. Это настоящие герои! У нас на факультете наступили тяжелые времена, работы не было, многие ушли из профессии. И все же мы всеми силами старались сохранить кафедру, брали людей хотя бы на четверть ставки. Теперь ситуация значительно улучшилась, сотрудничество между Россией и Вьетнамом в разных сферах крепнет с каждым годом. Русский язык сейчас изучают в одиннадцати спецшколах и десяти вузах. А число преподавателей продолжает сокращаться, сейчас нас чуть более 200 человек по всей стране. Государственная поддержка невелика, симпатии нашего правительства на стороне английского языка. И все же русский язык сейчас востребован. Наши выпускники находят работу в туризме, торговой сфере, занимаются переводами. И если уходят из русского языка, то делают хорошую карьеру в бизнесе или на госслужбе. В институте о нашем факультете шутят: «Учишься на русском языке – руководителем будет». Мы особенно рады молодым преподавателям. Это поколение будет держать факультет».

Мы прошлись по факультету. Здесь же расположен Кабинет фонда «Русский мир» или, как его ласково называют сотрудники, «русский уголок». Студенты на занятиях оживились, с удовольствием позировали, смело пытались общаться с нами по-русски. Сам «уголок» оформлен очень красочно.

«Наш уголок очень нравится и студентам других факультетов, – говорит Хиен, – они частенько заходят к нам в гости. Наши студенты очень активные, сами организуют разговорные вечера, разучивают песни, готовят танцевальные номера. Несколько раз в год мы отмечаем русские праздники, проводим их очень весело. Нашей дружности и умению веселиться завидуют в институте, такого на других факультетах нет». Могу подтвердить: атмосфера здесь замечательная. Мне дове-

Студенты факультета также активно участвуют в создании русскоязычного контента на университетском канале YouTube

лось побывать на праздновании Нового года на факультете. Приурочено торжество было к старому Новому году и... немного к вьетнамскому Новому году – Тету, отмечаемому в конце января – начале февраля. Дракон – символ Тета-2024, вьетнамский новогодний пирог с салом и яркие веера на удивление органично сочетались с Дедом Морозом, блинами и матрешками. Как мне показалось, больше всего студентам-руссистам нравится петь. Все с вдохновением пели и русские, и вьетнамские песни – хором, дуэтом, сольно.

БОЛЬШАЯ ВЬЕТНАМСКАЯ СЕМЬЯ

На факультете мы встретили Елену Валерьевну Катышевцеву – волонтера из города Глазова Удмуртской Республики. Елена – кандидат исторических наук, раньше работала доцентом Ижевского государственного технического университета. Уже восемь лет она живет в Дананге.

«В Дананг я приехала по приглашению Университета Зюйтан, куда меня пригласили читать лекции по курсу «История мировых цивилизаций», – говорит Елена. – Первые полгода были непростыми. Сложно было привыкнуть к вьетнамскому климату, тем более что приехала я в самый разгар сезона дождей. Как раз в то время был убит российский посол в Турции Андрей Карлов, погиб самолет с ведущими артистами Хора имени Александрова во главе с главным дирижером. Печальные новости из России переживала очень тяжело. Решила пойти в генеральное консульство РФ в Дананге – просто поговорить на родном языке, так как русских здесь в то время практически не было. У самых ворот генконсульства раз-

Елена Катышевцева, волонтер факультета русского языка, здесь у нее работа для души

говорилась с внимательным и чутким человеком, который сказал, что знает, как сделать мое пребывание во Вьетнаме полезным для нашей Родины: начать волонтерскую деятельность на факультете русского языка в Институте иностранных языков при Данангском университете. Так я тогда познакомилась с генеральным консулом РФ в Дананге Андреем Петровичем Броварцом, получила моральную поддержку с его стороны и познакомилась с дорогим теперь моему сердцу факультетом русского

языка и его преподавателями. Декан факультета, доктор Нгуен Хиен, доктора Кыонг, Дык Хунг и Лыонг, Там, Ан, Тхао, Нга – преподаватели старшего поколения; Линь, Ми, Тинь, Ви, Тан, Винь, Бэ, Чан – преподаватели молодого поколения. Все они стали мне не только замечательными коллегами, добрыми друзьями, но и моей большой вьетнамской семьей. На факультете я встречаю общие праздники, делюсь радостями и проблемами, многому учусь у своих вьетнамских товарищей».

Библиотека университета по-прежнему полна студентов, так что и коридор приспособили под рабочее пространство

Там и Елена.
Основной транспорт во Вьетнаме давно уже не велосипед, а мотоцикл

ТХАНЬ ТАМ – «ЧИСТАЯ ДУША»

Елена Валерьевна организовала нам встречу со своей подругой Там, бывшей в числе первых преподавателей в Институте русского языка в 1986 году, а ныне пребывающей на заслуженном отдыхе. Сама Там полна энтузиазма, блестяще владеет русским языком, но с выходом на пенсию в госучреждениях Вьетнама строго: исполнилось 55 лет – значит, отправляйся на заслуженный отпуск. Кстати, полное имя Там – Тхань Там, что означает «чистая душа». Так и отрекомендовала нам Елена свою подругу.

Встретились мы 9 мая, праздновали День Победы, ели испеченные Еленой блины. Для Вьетнама это блюдо экзотическое и, скажем так, непривлекательное, но Там считает Россию второй родиной и была в восторге от угощения. Горячие блины запивала кофе со льдом и вспоминала молодость. «Печально, что русский язык растерял свои позиции в стране, – говорит Там. – Что значил русский язык в наше время? Книг на русском было много, а на других языках почти не было. Чтобы знать что-то о внешнем мире, надо было знать русский язык. Тогда русский был обязательным предметом почти во всех общеобразовательных школах, но реально изучали язык в спецшколах и вузах. Акцент тогда делался на чтение и перевод, с разговорным русским было сложней. Мой брат, который старше меня на семь лет, учился в Ташкентском университете на геолога и прекрасно читал по-русски. Он первый, кто посоветовал мне читать русские книги – для образования, общего развития, а также для души. Советовал читать каждый день. Сначала, говорил, будешь мало понимать, потом все больше и больше. Так я и приучилась к чтению. Моеей первой прочитанной книгой на русском был «Герой нашего времени» Лермонтова. Поднятые в ней темы нам были особенно близки: мы – дети войны. Думаю, тогда на меня больше всех повлиял Лермонтов, его размышления о смысле жизни».

«РОЖДЕСТВЕНСКИЕ БОМБАРДИРОВКИ» И ОПУСТЕВШИЙ МОНАСТЫРЬ

Родители Там приехали в Ханой из деревни после войны за независимость от Франции. Там родилась уже в Ханое. Жила семья в центре города, когда началась новая война – вьетнамская. Там хорошо ее помнит, особенно «рождественские бомбардировки» вьетнамской столицы американской авиацией в 1972 году.

«Это был ужас, двенадцать дней ада, – вспоминает Там. – В Ханое разбомбили один из главных госпиталей, было более тысячи погибших. Люди прятались где кто мог, укрытия сооружали даже в канализационных люках. Но мы умело защищались: за эти двенадцать дней сбили 34 стратегических бомбардировщика B-52. Во многом благодаря, конечно, советской помощи: зенитки, средства ПВО – все было из Советского Союза...»

Тогда столько глупостей было. Например, вшей у детей выводили гербицидами типа «оранж», который американцы сбрасывали с самолетов, чтобы уничтожить тропические леса (в 1962–1971 годах армия США распылила над Вьетнамом 77 миллионов литров «оранжа»). Помимо экологического ущерба жертвами химикатов стало около 3 миллионов вьетнамцев, сегодня многие из них –

инвалиды. – Прим. авт.). До сих пор помню, как мама мне гербицидами голову натирала.

Потом детей из-под бомбёжки начали вывозить за город, в интернаты. Меня вместе с детским садом отправили в деревню в 30 километрах от Ханоя. Жили мы в буддийской пагоде. Как сейчас помню: полумрак, золоченые лики Будды смотрят из темноты... Таинственно и страшно. В те годы религию не жаловали, храмы закрывали, религию представляли как суеверие. Мои родители рано в компартию вступили, провозглашалось, что не надо думать о Боге, нужно верить в себя, в коммунизм, в Хо Ши Мина. Размышлять, сомневаться в бытии – вредно. При этом на кульг предков не покушались. Во все времена существовали родословные книги. В деревне, откуда родом мои предки, построена общинная часовня, где они хранятся».

Старая буддийская пагода «Ан Лонг» в центре Дананга

«Рождественские бомбардировки» в Ханое. 1972 год

ТАЛОНЫ, ОЗЕРО И СНЕГ

«В русисты я попала довольно неожиданно, – продолжает Там. – После седьмого класса друзья советовали поступить в спецшколу иностранных языков. Это сулило некоторые преференции, большую стипендию. Решила вместе с подругами подать документы, а в итоге получилось, что только меня и взяли. Не жалела об этом никогда, такой выбор открыл мне целый мир русской культуры. И друзей много новых появилось. Ну, и повышенная стипендия нашей семье очень помогла. Тогда ведь продукты были по карточкам. Моя стипендия составляла 15 донгов. На один донг можно было купить 2,5 килограмма риса. Полагалось 13 килограммов риса в месяц на человека, студенты получали талоны на 17 килограммов в месяц, рабочим отпускали 21 килограмм. Карточки на мясо были мизерные: 100–300 граммов на месяц, сотрудникам государственных учреждений – до 500 граммов. А книга на русском языке стоила около одного донга.

Дальше мой путь был предрешен: я поступила на преподавателя русского языка в педвуз, при котором была наша школа. Замечательное было время. Мы учились, открывали мир через русские книги, работали, по студенчески веселились. На летних каникулах работали. Так, нас подрядили копать знаменитое озеро Нгок Кхань в Ханое. Каждому студенту полагалось выкопать столько-то кубометров земли. Первое лето сами копали лопатами. У кого были ухажеры – тому легче, ребята часто за девчонок копали. А в следующее лето мы уже догадались скинуться на экскаватор, чтобы он за нас положенное количество земли выкопал.

В 1984 году нас отправили в Волгоградский университет на стажировку. Россия впечатлила и полюбилась навсегда. Снег кругом! Вьетнамцы ведь очень любят снег. Зимой едут в горы, в Сапу. Снег там мокрый и быстро тает, а в России – такая благодать! И весна чудесная. Было

Новый год на факультете. CNN – аббревиатура групп русского языка в университете

все серое, и вдруг столько зелени и цветов! Мы быстро приспособились к жизни в России. Там же и русскому разговорному языку учились. Первое время чувствовала себя как немая. Спросит прохожий на улице что-то, я знаю, что ответить, но сказать не могу. Во Вьетнаме нас больше натаскивали в грамматике, чтении, а разговорного языка мы почти не знали. Сейчас, надо сказать, перекос в другую сторону – упор на разговорный язык. У нас студенты уже на первом курсе смело говорят, но с грамматическими ошибками.

Конечно, нужен баланс, хороших учебных материалов сейчас достаточно».

«В Москве я была в 1999 году, затем в 2012-м, – вспоминает Там. – В 2014 году тоже ездила в Россию, была в Петербурге, в Туле, где у меня дочь училась. В 2015-м я еще раз приехала в Москву, участвовала в Международном конкурсе «Лучший учитель русской словесности зарубежья». Я решила участвовать в нем, когда узнала, что победители заочного тура поедут в Москву для участия в финале: мне так хотелось хоть на несколько дней побывать в сто-

Зимний лес в «русском уголке» стоит круглый год – вьетнамцы очень любят снег

лице России. К счастью, я попала в финал и провела несколько счастливых дней в Москве. Там я познакомилась с преподавателями из разных стран: Индии, Молдавии, Болгарии, Китая, Белоруссии, Казахстана... Мы обменялись опытом, ходили на экскурсии, подружились.

Заметно, конечно, что люди в России поменялись. Старое поколение близко нам по менталитету, люди проявляют сочувствие, заботу. После войны немало вьетнамских сирот обрели приемных родителей в Советском Союзе. Общее у нас то, что вьетнамцы и русские не боятся трудностей, тягот жизни. Как говорил Хо Ши Мин: «Мы не боимся бедности, невыносима несправедливость». В этом мы близки. Есть, конечно, и отличия. Вьетнамцы более жизнерадостные, улыбчивые. Мы считаем, что надо улыбаться, даже если тяжело, быть на позитиве – это очень поднимает настроение. После войны нас ободряли мысли, что становится лучше, хоть понемногу. А сейчас темп такой, что и сравнивать нечего. Мы оптимисты. Поэтому верим, что и русский язык во Вьетнаме станет популярным. Мы пережили самые трудные времена, не дали закрыть факультет. Дальше будет только лучше, русский язык займет свое достойное место в стране».

Чтение русской литературы очень помогло Там найти себя после войны в новой, мирной жизни

ПОГОВОРИМ?

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

В АВГУСТЕ СЕРВИС «ЯНДЕКС-ПЕРЕВОДЧИК» ВКЛЮЧИЛ ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК В СПИСОК ЯЗЫКОВ, ДОСТУПНЫХ ДЛЯ ПЕРЕВОДА. ИНЫМИ СЛОВАМИ, КОРПУС ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА ВЛИЛСЯ В НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА – ЦИФРОВОЙ ОНЛАЙН-КОРПУС РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ.

KОНЦУ 2024 ГОДА еще три языка народов России – коми, тувинский и чеченский – также появятся в списке языков, доступных для перевода. Еще восемь языков народов России будут оцифрованы в 2025 году, а к 2032-му в «Яндекс-переводчике» появятся 100 из 275 родных языков и диалектов народов нашей страны. Это – программный ответ России на вызовы Международного десятилетия языков коренных народов, объявленного ООН и стартовавшего в 2022 году.

ЧТО У «ЦИФРЫ» НА ЯЗЫКЕ

«Цели десятилетия простые и сложные одновременно: сохранить родные языки и дать им новую жизнь, – говорит заместитель руководителя Федерального агентства по делам национальностей Станислав Бедкин. – Для этого мы формируем новые подходы к изучению языков коренных народов, выстраиваем политику так, чтобы языковые сообщества хотели и испытывали хозяйственную и культурную потребность говорить на родных языках».

Первым шагом вхождения России в программу Международного десятилетия языков коренных народов стало утверждение в 2024 году Концепции государственной языковой политики. Одним из ключевых инструментов ее реализации определены информационные технологии, включая цифровизацию языков.

Правда, сразу же выявились проблемы: далеко не все языки народов России обеспечены базовыми цифровыми инструментами: шрифтами, раскладками компьютерной клавиатуры, машинными переводчиками, системой онлайн-распознавания, проверкой орфографии, синтезаторами речи и т.д. И решить ее в течение десятилетия языков коренных народов – задача трудно выполнимая. За неполных два года пока удалось собрать пул лингвистов и IT-специалистов по каждому из конкретных языков. Дом народов России (начал работу в 2020 году, основная цель – создание условий для сохранения, возрождения и развития национальных культур и языков народов РФ. – Прим. ред.) развел сотрудничество с компанией «Яндекс» и наладил работу по расширению количества национальных языков в отечественном онлайн-переводчике. Первый результат – пополнение «Яндекс-переводчика» осетинским языком.

«УМНАЯ» КОЛОНКА ГОВОРИТ НА БАШКИРСКОМ

Пока лидером цифрового продвижения родного языка в стране остается Башкирия. Там разработали и внедряют языковую «умную» колонку – аналог уже известных российских «Алисы» и «Маруси». Башкирская «умная» колонка – как раз такая языковая модель искусственного интеллекта, которая учит языку на основе

КОЛЛАЖ: АНДРЕЙ БУШЕВОЙ

ПО ДАННЫМ ЮНЕСКО, В МИРЕ НАСЧИТЫВАЕТСЯ ДО 7 ТЫСЯЧ ЯЗЫКОВ, ОДНАКО КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ УМИРАЕТ ОДИН ЯЗЫК. АССИМИЛЯЦИЯ, УРБАНИЗАЦИЯ И МИГРАЦИЯ УСКОРЯЮТ СОКРАЩЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ЯЗЫКОВ.

ПО ПРОГНОЗАМ ООН, К СЕРЕДИНЕ ХХІ ВЕКА ИХ СТАНЕТ НА 50 ПРОЦЕНТОВ МЕНЬШЕ.

К КОНЦУ ХХІ ВЕКА И ВОВСЕ ОСТАНЕТСЯ ПРИМЕРНО 60–800 ЯЗЫКОВ, НО И ОНИ ПЕРЕЙДУТ В КАТЕГОРИЮ РЕДКИХ. ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ СУЗЯТ ДОМИНИРУЮЩИЕ 100–125 ЯЗЫКОВ.

корпуса башкирских текстов и живой речи. С ней можно разговаривать пока только на башкирском и русском. Она помогает знакомиться с достопримечательностями Башкирии, разбираться в основах традиционных религий и может научить готовить национальные башкирские блюда – зур-бэлиш, кулламу, чакчак или бешбармак.

«Однако не все так оптимистично, – делится опытом внедрения в языковую практику «умной» колонки ее автор, программист Айгиз Кунафин. – У башкир, как и у многих небольших народов, давняя и острыя проблема: дети не говорят на языке родителей. Везде YouTube, Rutube, компьютерные игры, где информация предоставляется на языке национального большинства страны – русском, а также на английском. У детей практически нет опыта общения на башкирском. Колонка задумана как собеседник и помощник для детей. Для этого мы разработали три профиля: для начинающих – на смеси русского и башкирского языков, для подготовленных – на смеси уже башкирского и русского и для уверенно говорящих – только на башкирском. Но на третий уровень пока никто не перешел».

Сейчас работают лишь пять колонок, к концу 2024 года их будет уже 250. Как надеется Айгиз Кунафин, это поможет переломить ситуацию и изменить ее к лучшему. В Федеральном агентстве по делам национальностей на основе обкатки pilotного башкирского проекта изучают возможность использования «умной» колонки для других национальных языков страны.

«Этот опыт, конечно, полезный, но не универсальный, – считает доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков Московского городского педагогического университета Лариса Викулова. – К сожалению, маловероятно, что проекты колонок для редких или мало распространенных языков будут успешными. Есть простая арифметика. По статистике Министерства науки и высшего образова-

ния, в современной российской системе образования используется 105 языков. По переписи 2020 года, свыше 30 миллионов человек считали родным языком помимо русского один из языков народов России. При этом языков, которые называют родными более 1 миллиона человек, в стране всего три: татарский, чеченский и башкирский. Для этих языков, где количественная составляющая определяет массовость и наработанность учебных программ, колонка в том виде, как она задумана, сгодится. Для более редких языков, думаю, она может быть полезна как один или несколько голосовых помощников, обученных сразу нескольким языкам: родному, обязательно – соседей, что актуально, например, в Дагестане или на Сахалине, где языки соседей схожи, и – русскому».

БУДУЩЕЕ ЗА «ИТ-СТОЙБИЩЕМ»

«Мы считаем, что будущее за подобными «умными» технологиями, – заявил на Международной научной конференции «Всемирная сокровищница родных языков: берегать и лелеять. Контекст, политика и практика сохранения языков коренных народов» заместитель председателя Межправительственного совета программы ЮНЕСКО «Информация для всех» Грин Кордел (Ямайка). – Меня впечатлили программные подходы России к развитию башкирского языка на основе искусственного интеллекта, созданию развивающей образовательной среды при обучении удмуртскому языку в условиях города, программа повышения квалификации преподавателей языков коренных народов Мексики, Индии и Бразилии, темпы и перспективы цифровизации языков российских народов Карачаево-Черкесии, Северной Осетии – Алании и Чечни. Эти пути сбережения и поддержки языкового многообразия следует транслировать в мир как опыт, который стоит перениматъ». Эта вторая конференция лингвистов, проведенная в рамках Меж-

дународного десятилетия языков коренных народов, собрала в Таврическом дворце Санкт-Петербурга более 150 ученых из 41 страны. Один из главных итогов дискуссий специалистов – вывод о том, что новые возможности для изучения, сохранения и развития языков коренных народов открывают цифровые технологии. Они позволяют перенести языковое наследие на современные цифровые носители. И Россия в этом процессе создает инновационные примеры работающих программ и технологий.

«Для нас естественным остается право получения образования на родном языке, – говорит ответственный секретарь Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, заместитель директора Департамента по многостороннему гуманитарному сотрудничеству и культурным связям МИД России Татьяна Довгаленко. – Однако мы исходим из данности: процесс урбанизации ускоряет и усиливает потребности говорения на русском и английском языках. Но вместе с исчезновением кочевья, архаичного землепользования и традиционных промыслов говорение на коренных и редких языках, например, народов Севера и Сибири утрачивается. Чтобы сохранять и развивать родные языки, помимо их переноса на цифровые носители в Ханты-Мансийском автономном округе запущен, а в Якутии, на Ямале и Чукотке готовится к запуску интернет-проект «ИТ-стойбище». Он позволяет детям, не покидая родных мест, с помощью интернета учить родной и русский языки, получать среднее образование. Открытию «ИТ-стойбищ» во многом способствовали долгие исследования языков коренных народов и создание их ресурсов в электронном и онлайн-форматах. Теперь эти языки постепенно будут представлены в цифровом пространстве и в быту. «Цифра» делает доступными технологии распознавания языка и устной речи, проверку правописания, онлайн-перевода и многое еще». ●

ИГОРЬ САМОЙЛОВ / РИА НОВОСТИ

«СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА РАЗВИВАЕТ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА, ЗАВЕЩАННЫЙ ЕЙ КЛАССИКОЙ»

БЕСЕДОВАЛ

АРТЕМ АРГУНОВ

ЧЕМ ДЫШИТ СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА?
ОПАСНЫ ЛИ ПОПЫТКИ ЗАПАДА «ОТМЕНИТЬ» РУССКУЮ КУЛЬТУРУ?
КАК ЧИТАТЕЛЮ НЕ ПРОПУСТИТЬ НОВЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ? ОБ ЭТОМ И МНОГОМ ДРУГОМ
«РУССКИЙ МИР.RU» БЕСЕДУЕТ С ИЗВЕСТНЫМ ПИСАТЕЛЕМ, ФИЛОЛОГОМ,
ПРОФЕССОРОМ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
АНДРЕЕМ АСТВАЦАТУРОВЫМ.

— А

НДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, КАК БЫ
вы охарактеризовали текущее
состояние отечественной ли-
тературы?

— Мне кажется, она очень бурно, интересно и интенсивно развивается. Развивается и московская литература, и петербургская, активно развивается региональная проза. Очень хорошо, по-моему, функционирует «АСПИР» — писательская ассоциация. Более или менее активно работают союзы писателей. Издаются книги, действуют премии. Но важно понимать и учитывать специфику текущего политического момента, связанного со специальной военной операцией (СВО) и определенной конфронтацией с Западом, которая из гибридной фазы перерастает в прямое противостояние. И в этом смысле происходят очень серьезные процессы в писательском мире. Присоединение Крыма и дальнейшие события, связанные с военными действиями в Донбассе, привели к серьезному расколу в среде литераторов. Существует линия так называемых либералов — я бы сказал, что это просто писатели или литературные деятели,

которые примыкают к западной либеральной повестке, и линия писателей консервативных или патриотических, которые поддерживают российскую государственность, поддерживают наши территориальные приобретения и СВО. Этот политический конфликт является очень важным. Часть писателей либерального толка уехала из страны с началом СВО, часть осталась в России. И важно понимать, что между этими лагерями современной литературы диалога нет. Принципиально существуют только взаимные обвинения. В каждом из лагерей обозначается враг, с ним не ведется разговор, но осуществляется целенаправленная дегуманизация. Вот это, мне кажется, важная специфика современной ситуации, и она находит свое отражение в тех дискуссиях, которые происходят вокруг разных писательских ассоциаций и литературных премий. Условно говоря, часть писателей говорит о том, что нужно сохранить все, что было, и существовать как раньше. А писатели, поддерживающие государственность, консервативно настроенные, решительно поддерживающие Донбасс, — они полагают, что

необходимо что-то кардинально менять в организации писательского процесса. И в отсутствии таких перемен они упрекают власти, книжный рынок, книжные издательства и премии. Я сейчас не даю никаких оценок, а просто обрисовываю ситуацию так, как она мне видится.

– *В чем могут выражаться назревшие реформы союзов писателей?*

– У меня нет какого-то личного интереса, связанного с Союзом писателей. У меня есть постоянная работа в университете, я, как писатель, заключаю договоры с крупными издательствами и не нуждаюсь в грантах и материальной помощи. Но, насколько понимаю, литераторы требуют больших программ, большего финансирования своих изданий и, главным образом, моральной поддержки тех писателей, литературных критиков и военкоров, которые освещают нынешние события в Донбассе и на фронте. Многие самоорганизуются в группы так называемой Z-поэзии, куда входят, на мой взгляд, очень интересные авторы. И, как им представляется, необходима определенная административная и финансовая поддержка со стороны властей и организаций, отвечающих за процессы в культуре.

– *А Союз писателей как институт сегодня еще актуален, он не изжил себя?*

– Мне представляется, что он себя изжил. Но это мое частное мнение. С другой стороны, надо помнить, что может прийти ему на смену. Пока не созданы какие-то внятные структуры, которые могли бы взять на себя эту функцию. Я, в общем, солидарен с консервативной критикой, которая говорит, что рынок не может определять развитие литературы, особенно в той критической ситуации, в которой мы находимся. Поэтому необходимы структуры, способные корректировать рынок. Но рынок должен существовать – это обязательно. Должны быть представлены яркие писатели, которые хорошо продаются, или просто массовые писатели, которые удовлетворяют какие-то, может быть, не самые утонченные потребности наших читателей. И должны существовать структуры, которые направляют развитие литературы. Вот есть институт премий – очень важный. Сейчас он в некотором кризисе, потому что премий как будто бы много, но ни одна из них ничего не решает. Они не мобилизуют, не организовывают авторов. Сегодня с этим художественно спрашивается Союз писателей. Но, я повторюсь, такая работа немного устарела. Это все-таки больше похоже на ситуацию 1970–1980-х годов. Да, в союзе существуют свои правления, свои секции, где люди собираются, что-то иногда обсуждают, если захотят. Союз – неплохая организация, они что-то действительно делают, распределяют гранты и путевки. Но в целом нужны определенные реформы. Сегодня это несколько неповоротливая организация.

– *Вы упомянули о необходимости корректировки рынка. Но не приведет ли это к жесткой цензуре и, как следствие, к отсечению интересных авторов, которые кому-то покажутся неугодными?*

– Я вижу ту же самую опасность, которую вы сейчас обозначили. Одно дело – существуют какие-то наши, условно говоря, идеологические противники, с которыми следует и необходимо всерьез говорить, серьезно спорить. Другое дело, когда кто-то получает власть или влияет на власть, – и это может стать способом сведения личных счетов. А личные счеты сводят с людьми заметными, талантливыми. Или каких-то писателей начинают упрекать в недостаточном патриотизме, в недостаточной поддержке государственности. Например, многие мои коллеги обрушились с критикой на замечательного писателя и критика, филолога Павла Басинского, который призывал всех к диалогу. Мне, честно говоря, было очень неприятно все это читать.

Рынок, то есть независимые от государства процессы, должен обязательно присутствовать. У рынка свои законы, свои правила. Но также должна быть определенная поддержка писателей. Скажем, поддержка писательской мобильности, чтобы они могли ездить, обмениваться опытом и так далее. В целом это худо-бедно происходит. Существуют поездки за счет государственных структур, действуют книжные фестивали и книжные ярмарки. Но, понимаете, кому-то всегда достанется меньше, кто-то будет обязательно недоволен, начнет возмущаться и писать жалобы.

– *Если вернуться к литературным трендам нескольких последних лет, то наблюдаются ли какие-то изменения в характерах персонажей произведений? События в Донбассе и в новых регионах как-то повлияли на образы главных персонажей?*

– Я сейчас состою в жюри «Большой книги», и мне предстоит ознакомиться примерно с двадцатью произведениями. К ноябрю я точно смогу ответить на этот ваш вопрос. Что касается прошлого сезона «Большой книги», то я не заметил, чтобы СВО каким-то образом повлияла на те фигуры литературного процесса, которые попали в шорт-лист. Но, насколько мне известно, это происходит по определенной причине. В стране нет всеобщей мобилизации, как это было во время Великой Отечественной войны. Ведь мобилизация – это не только обязанность населения отправляться на фронт, но и обязанность каждого гражданина работать на победу. Этого же нет сегодня в современной России. Люди живут своей частной жизнью: они ходят на работу, решают какие-то бытовые проблемы. Всерьез обеспокоены люди, которые находятся под угрозой воздушных атак. Это тревожит. Но в целом люди живут своей частной жизнью.

Однако существует и тренд, о котором вы говорите. Например, Герман Садулаев принципиаль-

СЕРГЕЙ ЕРМОХИН/РИА НОВОСТИ

но изменил характер своей прозы, а это очень крупный и интересный писатель. Он ушел от сугубо социальной тематики, и, начиная с романа «Земля. Воздух. Небо», у него в прозе присутствует батальная тема. Сейчас он работает военкором, и его новый роман, «Никто не вывозит эту жизнь», посвящен событиям специальной военной операции. Так что понемногу, по мере нарастания характера боевых действий, конечно, это будет в большей степени присутствовать – и как основная тема войны, и как отголоски: ощущение тревоги, ощущение беспокойства. Обязательно все это будет в литературе. Сейчас прошло еще слишком мало времени.

– В целом, если попытаться охарактеризовать героя нашего времени, это больше человек, занимавшийся духовным поиском, это предприниматель, создающий свой бизнес, это мажор, прожигающий отцовские деньги? Кто он, главный герой современной литературы?

– Современная русская литература очень многообразная. Существует, например, так называемый автофикашн – термин, под который подводят всю автобиографическую или псевдobiографическую прозу. Эта мода возникла, наверное, лет шесть назад. Имена все знают, я не буду лишний раз их называть. Я не в большом восторге от литературы, в которой расковырива-

ются какие-то травмы, в основном сексуального характера, какие-то патологии, потаенные комплексы и так далее. Вот это присутствовало в литературе. Ну и герой, который занят духовными поисками, герой батальный – это тоже присутствовало, разумеется, в прозе наших замечательных реалистов: и Михаила Елизарова, и Германа Садулаева, и Захара Прилепина, и Андрея Рубанова, да и очень многих других. Роман Сенчин описывает обычно человека труда, живущего в провинции, который завален какими-то проблемами бытового характера. Особые духовные поиски есть у персонажей Евгения Водолазкина, о чем свидетельствует его последний роман, «Чагин». В принципе, современная русская литература развивает образ человека, завещанный ей классикой. Но сейчас к ней, конечно, будет активно добавляться именно батальная тема. Вот мне интересно, что напишет, скажем, замечательный петербургский писатель Дмитрий Филиппов. Он ушел добровольцем на СВО, и мне будет очень интересно почитать, как изменится в этом смысле его проза. Или, скажем, проза моего коллеги Даниэля Орлова, который работает волонтером и возит помочь бойцам в зону СВО. Я представляю себе их поэтику, и мне действительно очень интересно, как она изменится в связи с тем опытом, который они получили на СВО.

СЕРГЕЙ ЕРМОХИН/РИА НОВОСТИ

— Вы упомянули литературные премии. Как считаете, можно ли по книгам авторов, попадающим в шорт-листы, судить о текущем разнообразии современной прозы? Или все-таки это неполная картина?

— Смотрите, премия — это очень хитрая вещь. В жюри находятся живые люди: писатели или критики, у которых есть друзья. Естественно, это влияет на их оценку. Разумеется, есть издательское лобби, и в каждой премии оно, безусловно, существует. Скажем, в премии «Национальный бестселлер», которая уже перестала существовать, это очень приятно присутствовало. Там, например, в финал всегда выходили книги издательства «Лимбус Пресс». Да и в других премиях то же самое. Кроме того, существует определенная премиальная инерция. Скажем, есть писатель, регулярно мелькающий в списках, и мы точно знаем, что он напишет роман и одну из премий «Большой книги» он обязательно получит. Вот что бы он ни написал, ему обязательно дадут «Большую книгу». А писатель, который, может быть, что-то более интересное написал, он даже не попадет в шорт-лист. Нет, на премии, к сожалению, нельзя ориентироваться. В принципе, шорт-лист любой премии — это, как правило, не так плохо, это интересно почитать. Что-то любопытное обязательно там будет. Но премия, безусловно, ни о чем не сигнализирует. Я уже не говорю о периферийных премиях, которых штук двести и кото-

рые дают непонятно за что и кому. Иной раз открываяшь книгу финалиста и, откровенно говоря, диву даешься: за что человеку дали премию? В целом же, повторюсь, шорт-лист премий «Ясная Поляна» и «Большая книга», скорее всего, будет неплохой. То есть это профессиональная литература, а не халтура. Но, конечно, общей панорамы литературы это не создаст. Так же, как и критика.

— Почему?

— Критика в России сейчас пребывает в ужасающем состоянии. Она никогда не была такой малоинтересной, скучной, тенденциозной, безграмотной и зачастую хамской. Хотя, безусловно, есть хорошие критики, с которыми интересно дискутировать. Но критика тоже не в состоянии создать целостную панораму современной литературы, чтобы мы понимали, кто где находится и что нам из этого следует выбрать. Потому что критики не заняты представлением литературы. Им кажется, что они заняты аналитикой, а на самом деле они преследуют одну важную цель: высказать свое собственное мнение по поводу книги. Причем это мнение может быть случайным, из разряда «понравилось — не понравилось». И это большая проблема.

— Есть какие-то перспективы ее решения?

— Нет, перспектив нет. Все лишь ухудшается. Я наблюдаю за процессом с нулевых годов. Может,

я становлюсь старше, может быть, я становлюсь ворчливее, с возрастом у меня портится характер – может быть и так. Но, честно говоря, я наблюдаю деградацию этого жанра. Хотя хорошие критики, повторюсь, есть.

Прежде всего критик должен иметь определенную эстетическую платформу, с точки зрения которой он будет оценивать те или иные произведения. У него должна быть эстетическая программа. Он должен сесть и сам себе ее сформулировать: что мне нравится, какого типа поэтика, какого типа система приемов, какого типа организация художественного пространства? И с этой точки зрения оценивать литературу. А мы наблюдаем какую-то отсебятину. Человек бранится, брызгая слюной, пишет банальности, острит тупым концом языка, старается, чтобы его заметили. Это задача всей современной критики: высказаться, предъявить какое-то свое мнение, непохожее на мнение окружающих. А еще лучше – написать какие-нибудь гадости, потому что аудитория больше реагирует на негатив. На позитив редко кто с энтузиазмом откликается. И в этих условиях, поскольку у критиков нет никакой эстетической программы, никакой позиции, получается отсебятина, желание выставить себя вперед, а не представить произведение. Несомненно, авторитет критика принципиально снизился. Когда-то у Льва Данилкина был такой авторитет, он был очень авторитетный критик. Мы с ним считались, мы с ним разговаривали, мы задумывались над тем, что он говорит. И сегодня есть интересные критики: Андрей Рудалев, Алексей Колобров, Алексей Татаринов, Анна Жучкова. Но в целом о литературе, как мне представляется, лучше пишут сами писатели, когда они оценивают произведения друг друга.

– Но если все так плохо с премиями и критикой, как тогда ориентироваться читателю, желающему найти действительно интересных авторов?

– Наверное, есть смысл почитать интервью современных писателей: что по поводу современной литературы скажет, например, Герман Садулаев или Александр Мелихов, Валерий Попов, Михаил Елизаров, Алексей Сальников. Вот эти люди входят в разные жюри, и желательно их послушать. Они – писатели. Почему я сказал, что лучше слушать писателей? Потому что у писателя есть ми-ровидение, есть эстетическая позиция. В отличие от современных критиков тут есть определенный взгляд, сквозь призму которого оценивается тот или иной автор. Павел Басинский редко, но очень интересно высказывает о современной литературе. У него есть эстетическая позиция как у писателя, он прекрасный филолог, и в свое время он был далеко не самым благожелательным критиком в отношении многих. Всегда интересно услышать его мнение.

Также есть у нас социальная критика. Например, мои коллеги Андрей Рудалев и Алексей Колобро-

дов. Но, мне кажется, слабость их в том, что они действительно заняты в большей степени социальными проблемами. Их беспокоит гражданская позиция – и персонажа, и автора. Их меньше волнует форма. Им кажется, что они в том числе говорят о форме и что вообще она – что-то вторичное. На самом деле это самое главное в литературе. Если позиция автора им близка, если произведение более или менее грамотно написано, то они такую книгу объявляют интересной, важной, принципиальной и так далее. Я с этим не до конца согласен. Одно дело, когда мы с человеком посидим и найдем общий язык, а другое дело – написать хорошую книгу. Пусть даже ее напишет идеологический враг – она от этого хуже не станет.

– А что происходит с современной поэзией? Насколько она востребована сегодня и каковы ее перспективы?

– Если бы вы задали мне этот вопрос лет десять назад, я бы ответил, что поэзия, в общем, играет незначительную роль, потому что ее место заняла проза.

Собственно, у поэзии есть главная социальная функция, давайте с этим разберемся. Ее главная социальная ответственность – это не гражданский пафос. И пусть со мной тут не согласятся мои коллеги, но, по-моему, главная социальная ответственность поэзии в том, чтобы оживлять слово, чтобы не дать ему деградировать.

Однако нынешние поэты тоже очень сильно дистанцировались друг от друга, политические события размежевали поэзию. Существуют замечательные Z-поэты, имена их всем известны. Это в том числе мои добрые знакомые Игорь Караполов и Александр Пелевин. Анна Долгарева тоже интересное явление в Z-поэзии. Они поддерживают СВО, у них есть четко выраженная гражданская позиция. Есть поэзия другого лагеря, которая издается за границей.

Но вообще, поэзия довольно интересно развивается. Существовала поэзия журнальная, традиционно рифмованная. Ее представляли поэты, печатавшиеся в толстых журналах, которые стали меньше читать. Еще – поэзия так называемых верлибристов и тех, кто занят поисками свободного стиха – такой сложной, хиткой формы. Условно говоря, было два журнала – «Арион» и «Воздух», – которые между собой выясняли отношения. И, наконец, третий план поэтов, которые традиционно выступают с эстрады, типа стендаперов. Народная поэзия, в общем, довольно посредственная с точки зрения литературы, мало интересная человечку, который действительно понимает, что поэзия – это поиск, а не просто тренъканье словами.

– А если взглянуть в сторону западной, в первую очередь англоязычной литературы, что там происходит? Каково ее нынешнее положение?

– Вы знаете, лет пятнадцать назад я очень активно мониторил всю литературу и хорошо знал со-

стояние англоязычной прозы. Сейчас мне сложно об этом говорить, потому что успеваю читать только самых крупных авторов, да и то не всех. Наверное, есть интересные фигуры. Скажем, Пол Линч – довольно показательный и парадигматический автор. У нас его начали активно переводить. Он писал и воспитательные, и экзистенциальные, и философские романы. Например, его роман «Песнь пророка», который переведен на русский язык. Это новый тип социальной антиутопии: как будто все происходит не в каком-то далеком будущем, а завтра. Роман о том, как западная демократия молниеносно превращается в фашистское государство. Важно понимать, что это не сиюминутный отклик, а отличный текст, очень хорошо написанный. На него, мне представляется, важно обратить внимание. Насколько понимаю, это тренд. Если посмотреть голливудские фильмы последних двадцати лет, то вот эта обеспокоенность, этот их страх перед глобалистской повесткой, это перерастание либеральной демократии в нечто противоположное – для них самая насущная тема. Они это очень хорошо понимают, предупреждают всех о подступающей угрозе. Мне кажется, это очень важный социальный поиск западной литературы. Но в центре литературного произведения все равно должен быть язык, поэтика и ее законы.

– А что вы думаете о попытках запретить российскую культуру в других странах? Чем чревато подобное стремление и для нашей культуры, и для культурного обмена в целом?

– Это личная проблема Запада. Пусть что хотят, то и делают, хоть на головах ходят, если им этого хочется. Нас это никак не касается. Другое дело, когда они хотят нас уничтожить, заставить ходить с низко опущенной головой, когда внушают нам, что мы пишем отвратительную литературу, создаем отвратительную музыку. Вот это – другое дело. Вот тут, пожалуй, можно реагировать. А то, что они делают у себя – их проблемы. Это в общем-то результат тоталитаризации Запада, которая неизбежно происходит, потому что либерализм является крайне неустойчивой системой, он всегда преображается в то, чем он не является. Либерализм – это всегда ненадолго, как Временное правительство в России в 1917 году. Его неизбежно сменят иные системы. Феномен неолиберализма и сползание западной демократии в скучные, бездарные, тоталитарные полурежимы – это естественный процесс.

Здесь очень важно понимать, что время либерализма и дискуссии для Запада закончилось. 1960–1970-е годы в Америке и Европе – это были годы напряженнейшей, интереснейшей дискуссии. Был социалистический лагерь, были его сторонники на Западе, были интеллектуалы, были те, кто неоднозначно воспринимал социалистический лагерь. Шли общественные дискуссии. Люди не соглашались друг с другом.

Несогласных приглашали в определенные университеты, чтобы они поделились своим мнением. Но с 1980-х годов все это начало активно сворачиваться, с того момента, когда глобалисты стали особо агрессивными. И вместо дискуссии возникает совершенно другое явление – игнорирование иного мнения или наклеивание ярлыков. Но не надо преувеличивать масштабы этой так называемой отмены. На Западе полно здравомыслящих людей, полно тех, кто любит русскую культуру. Вообще, американская литература с XIX века очень серьезно генетически связана с русскими писателями.

– Вы уже пять лет возглавляете Музей Владимира Набокова в Санкт-Петербурге. Что он собой сегодня представляет?

– Сегодня Музей Набокова – это интересный культурный центр. Здесь, во-первых, есть замечательное здание с интерьерами на Большой Морской, 47, куда мы всех приглашаем. Двери открыты для любого желающего. У нас есть своя собственная экспозиция. И хотя она довольно скромная, мне кажется, наши посетители не будут разочарованы, потому что в музее всегда проводятся какие-нибудь выставки. Кроме того, в нашем музее работает лекторий. У нас есть масса любопытных тем, связанных с творчеством Набокова, с современным литературным процессом, с проблемами современной западной литературы. У нас выступают очень известные лекторы: филологи, писатели, преподаватели Санкт-Петербургского университета, поскольку музей входит в его состав. В общем, музей живет достаточно интересной жизнью. Я надеюсь, в ближайшее время у нас наладятся связи с другими литературными музеями. В нашей стране их очень много. Мы уже вступили в Ассоциацию литературных музеев России и теперь собираемся со всеми контактировать, обмениваться экспонатами, придумывать новые выставки, новые проекты, чтобы радовать наших посетителей.

– Нынешние события, происходящие в мире, оказали какое-то влияние на перспективы развития музея, на его деятельность?

– Мы собираемся со следующего сезона активизировать работу нашего лектория в отношении современного литературного процесса. И, конечно, постараемся обсудить некоторые общие темы. Но тут, опять-таки, важно понимать, в чем состоит задача нашего музея и какая у него концепция. Мы стараемся предъявить Набокова, сделать его более популярным, вызвать к нему интерес, показать какие-то грани его творчества. А Набоков, как вы знаете, был человеком крайне далеким от всех турбулений, он был совершенно герметичным автором, который стремился максимально дистанцироваться от всех политических процессов. И концепция музея – стремление показать, чем был для писателя его дом на

СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ/РИА НОВОСТИ

Большой Морской. С одной стороны, это был технически оснащенный дом: с прогрессивной системой отопления, с гидравлическим лифтом и телефоном. А с другой стороны, это был как бы рай, который Набоков потерял. Вот нам важно эти концепции каким-то образом развивать. То есть наша задача все-таки связана в первую очередь с фигурой Набокова. В данном случае к происходящему в мире это не имеет прямого отношения. Но, безусловно, мы приглашаем современных писателей выступать в музее.

— Как бы вы оценили тот вклад в литературу, который внес Владимир Набоков?

— Он прежде всего разработал и осуществил целую систему очень важных приемов. У него необычные, очень интересные метафоры. Он умел искать аналогии между совершенно далекими явлениями, например между звуком и запахом. Умел показывать генезис художественного образа: как, условно говоря, из пятна образуется картинка. То есть человек изначально видит не картинку, он видит пятно или свет или даже цвет. А потом этот цвет концентрируется в определенную картинку. Он умел показывать, как создается художественное произведение. То есть показывал какие-то швы, обнажал их, вскрывал... Создавал работой периферийных образов «параллельные сюжеты» внутри повествования. Повторяющиеся образы, повторяющиеся

символы, повторяющиеся слова, близкие по звучанию — этим всем наполнены его тексты. Еще Набоков очень любил прием недостоверного рассказчика, ложный сюжетный ход. А литературу он научил не думать о социальных проблемах, о глобальных нарративах, о серьезных идеологиях. Он показал, что писатель может быть спонтанным, независимым интеллектуально. Всей этой системой приемов и в то же время металитературой, игрой в литературу — вот этим он был значим для русской, американской и европейской литературы.

— История, как известно, не имеет сослагательного наклонения, но все же: если бы Набоков остался в России, это как-то сказалось бы на его творчестве?

— Думаю, ничего хорошего не было бы. Сам он не исключал подобной возможности и однажды сказал об этом так: тогда, скорее всего, он был бы профессором-энтомологом, изучал бы бабочек. Его художественные тексты не были бы вос требованы в России. В 1930–1950-е годы они были очень герметичны, слишком литературны. А в то время в СССР требовалась совершенно иная литература. «Лолиту» вряд ли бы напечатали по понятным причинам. Очень симптоматично, что в Советском Союзе его романы были запрещены. Разрешена была только одна монография — книга о бабочках. ●

К.В. Лебедев. Свидание киевского князя Святослава с византийским императором Цимисхием. 1916 год.
Литография

ХРОНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ КАРПОВ

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ ПРОЕКТ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИМ ИЗЛОЖЕНИЕМ ИЛИ, ТЕМ БОЛЕЕ, КУРСОМ РУССКОЙ ИСТОРИИ. ЭТО ИМЕННО ХРОНИКА ИЛИ, ТОЧНЕЕ, ХРОНИКИ – АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ ТОГО ИЛИ ИНОГО ГОДА. ПРИЧЕМ АВТОР САМ ВЫБИРАЛ ТО СОБЫТИЕ ИЛИ ТЕ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ КАЗАЛИСЬ ЕМУ ИНТЕРЕСНЫМИ ИЛИ ЗНАЧИМЫМИ: ИНОГДА – НЕ САМЫЕ ЗАМЕТНЫЕ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД; ИНОГДА – ОЧЕНЬ ЗАМЕТНЫЕ И, В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ И НАРОДА.

ГОД 969-Й (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

...Перед возвращением на Дунай Святослав разделил Русь между тремя своими сыновьями. Киев уже формально стал лишь одним из уделов державы князя, доставшись его старшему сыну, Ярополку. Следующий по старшинству, Олег, получил Древлянскую землю – некогда разоренную Ольгой, но, видимо, в силу обычая, считавшуюся второй по значению в Русском государстве.

Владимир, третий сын князя, получил Новгород. Летопись содержит яркий рассказ о том, как это произошло, заодно сообщая подробности о происхождении Владимира. Будущий креститель Руси был сыном Святослава не от законной, «водимой» жены, а от Малушки – ключницы Ольги. Это не означает, что Владимир был незаконнорожденным в современном смысле этого слова. Нет, как «семя княжеское», он обладал всеми правами князя, о чем свидетельствует его княжеское имя-титул. Но обидное прозвище «робичич» долго будет преследовать его.

В том, что Владимир получил в княжение Новгород, решающую роль сыграл его дядя по матери, брат Малушки Добрыня. Самого Святослава Новгород, как видно, не интересовал. Похоже, он готов был совсем отказаться от Северной Руси. Киев и Поднепровье оставались «тылом», окраиной его Дунайской державы; то, что лежало еще севернее, выходило за пределы его геополитических интересов. А это грозило распадом Руси, предотвратить который и сумел хитроумный Добрыня.

Из «Повести временных лет»:
«...В то же время пришли люди новгородские, прося князя себе: «Если не пойдете к нам, то сами себе найдем князя!» И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказалась Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира» (Владимир же был от Малушки, ключницы Ольгиной;

она же была сестра Добрыни, а отец им был Мальк Любечанин, и был Добрыня дядя Владимира.)

И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира!»

Он же отвечал им: «Вот он вам!» И взяли новгородцы Владимира себе, и пошел Владимир с Добрынею, дядей своим, к Новгороду, а Святослав – к Переяславцу».

Итак, осенью 969 года Святослав вернулся в Болгарию. К этому времени болгары, пользуясь его отсутствием, сумели выбить русов из нескольких крепостей, в том числе из Переяславца.

Из «Повести временных лет»: «...Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И выступили болгары на битву со Святославом, и была битва великая, и стали одолевать болгары.

И сказал Святослав воинам своим:

- Уже нам пасть здесь! Проявим же мужество, братья и дружина!
- И к вечеру одолел Святослав, и взял город копьем. И послал к грекам, говоря:
- Хочу на вы идти и взять город ваш, как и сей!..»

Выступление болгар Святослав расценил как измену, ибо видел в них своих законных подданных. Ответом на измену стала немедленная жестокая расправа.

Из «Истории» Льва Диакона: «Сфендослав очень гордился своими победами над мисянами (болгарами). – Прим. авт.); он уже прочно овладел их страной и весь проникся варварской наглостью и спесью. Объятых ужасом испуганных мисян он умерщвлял с врожденной жестокостью; говорят, что, с боя взяв Филиппополь¹, он со свойственной ему бесчеловечной свирепостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей и тем самым смирил и обуздал всякое сопротивление и обеспечил покорность».

(Перевод М.М. Копыленко)

Число жертв филиппопольской резни, наверное, преувеличено греческим хронистом, но сам факт не вызывает сомнений. Город надолго обезлюдел. И, видимо, не он один. «И поиде Святослав... воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешняго дне пусты», – свидетельствует об этом периоде войны «Повесть временных лет».

Потопив в крови сопротивление болгар, Святослав был готов начать войну с Византией. К этому времени он заключил союз с одной из печенежских «фем» и привлек печенегов в свое войско. Такой же союз был заключен с венграми – еще одними давними врагами империи. И те, и другие были прирожденными всадниками. Это делало их особенно полезными Святославу, чья собственная дружина состояла в основном из пеших ратников. Насильно были привлечены в армию и покоренные болгары. Император Никифор также готовился к войне. Но сразиться со Святославом ему было не суждено... Император был убит в ночь с 10 на 11 декабря 969 года в собственной опочивальне во время сна. На византийский престол взошел новый узурпатор – Иоанн, прозванный Цимисхием (это прозвище, означающее в переводе с армянского языка «туфелька», он получил за свой небольшой рост). Формально Иоанн, как и убитый им Никифор, считался соправителем малолетних Василия и Константина. Теперь Святославу противостоял новый противник – и, пожалуй, более опасный.

Коронация
Иоанна
Цимисхия.
Миниатюра
из «Хроники»
Иоанна
Скилицы. XII век
(список XIII века).
Национальная
библиотека
Испании.
Мадрид

¹ Современный Пловдив.

ГОД 970-Й

Пытаясь выиграть время и оттянуть войну, Цимисхий начал с того, что вступил в переговоры с русским князем.

Из «Истории» Льва Диакона:
«...С катархонтом войска росов Сфендославом он (император Иоанн Цимисхий. – Прим. авт.) решил вести переговоры. И вот [Иоанн] отрядил к нему послов с требованием, чтобы он, получив обещанную императором Никифором за набег на мисян награду, удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору¹, покинув Мисию, которая принадлежит ромеям...»

«Мы недужи противу вам стати, но возьми дань на нас и на дружину свою» – так понял смысл предложения императора летописец. Правда, обещание дани «на дружину», оказывается, имело целью лишь узнать число воинов Святослава: «Говорили так греки, льстяче под русью (обманывая русь. – Прим. авт.); ибо льстивы греки и до сего дня». Но продолжим рассказ византийского автора.

«...Ромейским послам Сфендослав ответил надменно и дерзко: «Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мира с тавроскифами».

Угрозы Цимисхия начать полномасштабную войну и силой привести русов убраться восвояси («Я думаю, что и ты не вернешься в свое отчество, если вынудишь

Портрет
Иоанна
Цимисхия.
Миниатюра
из Codex
Mutinensis
graecus. XV век.
Библиотека
Эстенсе.
Модена

ромейскую силу выступить против тебя»), как и следовало полагать, не испугали Святослава.

«Это послание рассердило Сфендослава, и он, охваченный варварским бешенством и безумием, послал такой ответ:

«Я не вижу никакой необходимости для императора ромеев спешить к нам... мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия² и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встре-

тиим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови, которые оружием побеждают врага. Зря он по неразумию своему принимает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых страшат всякими пугалами».

«Хочу на вы идти и взять город ваш» – вот смысл ответа Святослава грекам, каким запомнили его на Руси. «Город ваш» – это Константинополь, столица Византийской империи.

За словами последовали дела. Русские вторглись на территорию Византии.

В Константинополе началась паника. Но император Иоанн действовал решительно. Из Малой Азии и других территорий империи к границам Болгарии уже стягивались войска. Во главе их император поставил известных военачальников – магистра Варду Склира (брата своей покойной жены) и патриархия Петра. В области, занятые Святославом, были направлены лазутчики из болгар; через них грекам становились известны планы русов и расположение их войск.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

¹ Киммерийский Боспор – Керченский пролив. Так же называлась и древняя античная крепость (Пантиканей) – будущий русский Корчев (Керчь).

² Античное название Константинополя.

Венгерский воин.
Фреска X века.
Аквилейская базилика.
Италия

ГОД 971-Й

Год большой войны между Русью и Византией.

Военные действия возобновились весной неожиданно для Святослава. К тому времени его союз с венграми и печенегами распался. Армия же Цимисхия, напротив, значительно усилилась. Византийские корабли заранее вошли в Истр (Дунай), чтобы воспрепятствовать возможному отступлению русов. Сам император прибыл в Адрианополь (современный Эдирне), ставший главной базой его войска.

В апреле византийская армия прошла сквозь незащищенные ущелья, отделявшие Болгарию от Византии, и внезапно очутилась у Преславы – столицы Болгарского царства. В течение двух дней, 12–13 апреля, Преслава была взята. По сообщениям византийских историков, лишь незначительная часть русов во главе со Сфенкелом, ближайшим сподвижником Святослава (может быть, Свенельдом?), сумела уйти к Доростолу, где находился сам князь. Бежал из города и Калокир, которого греки считали главным виновником своих бед. В руки византийцев попал юный болгарский царь Борис, находившийся в Преславе. Иоанн не стал наказывать его за сотрудничество с русами, но, объявив «законным владыкой булгар», воздал ему должные почести. Были отпущены на свободу и пленники-болгары, воевавшие на стороне Святослава.

Эти меры Иоанна, несомненно, способствовали переходу на его сторону населения Болгарии. Святослав же поступал как раз наоборот. Известие о падении Преславы привело его в ярость. Вновь последовали казни и расправы.

Отпраздновав 16 апреля в Преславе Пасху и переименовав город в честь победы в Иоаннополь, император Иоанн двинулся на Доростол. Этот хорошо укрепленный город, который славяне называли Дристрой (ныне – Силистрия), служил главной военной базой Святослава на Балканах. По пути ряд

К зиме 969/70 года русские захватили уже значительную часть Фракии – европейской части империи. Но в битве под Аркадиополем (современный Люлебургаз в Турции, примерно в 140 километрах к западу от Стамбула) натиск русов был остановлен. Главный удар Варды Склира пришелся по печенежским частям, попавшим в заготовленную ловушку и почти полностью истребленным. После этого сошлись основные силы русов и ромеев. Долгое время исход битвы оставался неясным. Однако в конце концов

русским пришлось отступить, потеряв множество воинов. После этого сражения в ходе войны установилось определенное равновесие. Русские утвердились в Восточной Болгарии. Их отряды периодически опустошали пограничную византийскую область Македонию. Но масштабного наступления против Византии Святослав уже не предпринимал. Вероятно, сложившееся положение его устраивало. В свою очередь, императору Иоанну приходилось мириться с господством русов в Болгарии – по крайней мере, временно.

Наконечник копья и наконечники стрел.
Х–XII века.
Железо.
ПГМЗ

болгарских городов (в том числе Плiska – первая столица Болгарии) перешли на сторону греков. В свою очередь, и Святослав выступил навстречу врагу. 23 апреля недалеко от Доростола войска сошлись; произошла кровопролитная битва.

И русы, и греки выказали беспримерное мужество.

Из «Истории» Льва Диакона:
 «...Воины сошлись врукопашную, завязалась яростная битва, и в первых схватках обе стороны долго сражались с одинаковым успехом. Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях, считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потерпят постыдное поражение от ромеев, и дрались, напрягая все силы... [Оба] войска сражались с непревзойденной храбростью; росы, которыми руководило их врожденное зверство и бешенство, в яростном порыве устремлялись, ревя как одержимые, на ромеев, а ромеи наступали, используя свой опыт и военное искусство. Много [войнов] пало с обеих сторон, бой шел с переменным успехом, и до самого вечера нельзя было определить, на чью сторону склоняется победа...»

К вечеру византийцы все же сумели отеснить русов к городу. Решающую роль сыграла конница, вовремя пущенная в дело Цимисхием. Русы по обыкновению сражались преимущественно в пешем строю; печенегов же и венгров среди них уже не было. Начались изнурительные бои за город, продолжавшиеся около трех месяцев. И каждый раз в ходе кровопролитных сражений греки заставляли русов отступать. В этих сражениях погибли главные военачальники русов: Сфенкел (?) и Икмор (русским источникам их имена неизвестны). В свою очередь, во время одной из вылазок русам удалось убить родственника императора Цимисхия – Иоанна Куркуаса,

Г.И. Семирадский. Тризна русских дружиныков после битвы под Доростолом в 971 году.
1884 год.
Государственный исторический музей

руководившего стенобитными орудиями. Из-за богатой одежды русы приняли его за самого императора. Кичась, они насадили отрубленную голову военачальника на копье и выставили ее над городскими стенами. Византийские хронисты вновь отмечают исключительное мужество и ярость воинов Святослава, не щадивших в бою ни своей, ни чужой жизни. Даже побежденные, они почти не сдавались в плен.

Из «Истории» Льва Диакона:
 «Когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убитые в сражении неприятелем, считают они, становятся после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страшась такого служения, гнущаясь служить своим убийцам, они сами причиняют себе смерть».

Последнее, решающее сражение произошло 21 июля. Накануне ночью русы вышли на равнину перед городом и подобрали тела тех, кто погиб днем. Мертвцевцов положили перед стенами и согнули, заколов предварительно

множество пленных мужчин и женщин. В числе принесенных в жертву были и грудные младенцы, рассказывает Лев Диакон. Той же ночью Святослав собрал военный совет, который должен был решить, как поступить дальше. Одни из вождей предлагали дождаться глубокой ночи и, погрузившись на ладьи, тайком ускользнуть от врага. Другие, считая это слишком опасным, настаивали на немедленных переговорах с греками и заключении мира. Тогда Святослав обратился к своим соратникам. Удивительно, но и враждебно настроенный к Святославу византийский историк Лев Диакон, и русский летописец схожими словами передают речь русского князя.

Из «Повести временных лет»:
 «И сказал Святослав: «Уже некуда деться нам. Волею или неволею – придется биться. Да не посрамим земли Русской, но ляжем kostьми – ибо мертвые сраму не имут! Если же убежим – срам будет нам. Так не побежим же, но станем крепко. Я же перед вами пойду – если моя голова падет, то позаботьтесь о себе сами». И отвечали воины Святославу: «Где ты главу свою – там и мы свои головы сложим!»

Из «Истории» Льва Диакона:
 «...Тогда Сфендослав глубоко вздохнул и воскликнул с горечью: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабощавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, которое завещали нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; мы должны либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, достойные доблестных мужей!»

Личное мужество Святослава не вызывает сомнений. В то же время ему чуждо было безрассудство. Свою жизнь он, безусловно, ценил. По словам византийского историка Иоанна Скилицы, император Иоанн предлагал русскому князю решить судьбу войны в личном поединке. Святослав не принял вызов и отвечал насмешливым отказом.

На заходе солнца русское войско выступило из города. Сражение началось небывалым натиском русов. В первых рядах бился князь Святослав. Византийские историки рассказывают о его единоборстве с богатырем Анемасом, сыном критского эмира. Тот прославился накануне убийством Икмора и теперь снова жаждал подвига. Анемас сумел выбить Святослава из седла, однако кольчуга и щит спасли князя. Анемас же, окруженный русами, погиб.

Лишь внезапно разразившаяся буря остановила натиск русского воинства. И вновь конница византийцев решила исход битвы. Сам император повел ее в бой. Варде Склиру и стратопедаржу Петру было поручено ударить с фланга по русскому войску и от-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

резать его от Доростола. Этот маневр также удался. Последняя попытка изменить течение войны успехом не увенчалась. Русы отступили. Сам Святослав, израненный стрелами и потерявший много крови, едва не попал в плен.

Но и грекам победа досталась дорогой ценой. На рассвете следующего дня Святослав отправил послов к императору Иоанну с предложением мира. Император принял их весьма благосклонно. По рассказу летописи, Святослав рассуждал так:

«Если не створим мира с царем, узнает царь, что мало нас – и, придя, обступят нас в граде. А Русская земля далека, а печенеги нам ратны, а кто нам поможет?»
 И люба была его речь дружине».

Гребень
с высокой
спинкой
и птичьими
головками.
Х век. Кость.
ПГМЗ

Бусы.
XI–XII века.
Стекло, золотая
фольга.
ПГМЗ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

По заключенному перемирию русы обязались уступить грекам Доростол, освободить пленных и покинуть Болгарию. В свою очередь, византийцы обещали пропустить своих недавних врагов на родину и не нападать на их корабли по дороге (руssкие опасались «греческого огня», истребившего в свое время корабли князя Игоря). По просьбе Святослава византийцы обещали также добиться от печенегов гарантий неприкосновенности русской дружины при ее возвращении домой. Добыча, захваченная в Болгарии, судя по всему, оставалась у побежденных. Кроме того, греки должны были снабдить русов продовольствием и действительно выдали по два медимна хлеба (около 20 килограммов) на каждого воина. В июле между двумя государствами был заключен мирный договор, текст которого сохранился в «Повести временных лет». Он почти на двадцать следующих лет определил взаимоотношения Руси и Византии.

«...Я, Святослав, князь Русский, как клялся, так и утверждаю договором этим клятву свою: хочу иметь мир и совершенную любовь со всяким¹ великим царем Греческим, с Василием, и Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца века; и так же – те, кто есть подо мною, Русь, бояре и прочие. Никогда же не стану замышлять на страну вашу и воинов собирать и иного народа не приведу на страну вашу, ни на те, что есть под властью Греческой, – ни на Корсунскую волость и сколько есть городов их, ни на страну Болгарскую. А если иной кто помыслит на страну вашу, то и я буду противник ему и буду воевать с ним. Как клялся царям Греческим, и со мною бояре и Русь вся, так и сохраним нерушимым договор; если же не сохраним то, о чем

¹ Очевидно, текст искажен. Вместо слов «со всяким» должно читаться: «с Иваном» или «с Цемьским» (Цимисхием).

сказано прежде, пусть я, и те, кто со мною, и те, кто подо мною, да будем прокляты от бога, в которого веруем, – в Перуна и в Волоса, скотьего бога, – и да будем исколоты, как золото, и своим оружием да иссечены будем. Будет же истинным то, что мы обещали ныне вам, и написали на хартии этой, и своими печатями запечатали».

После заключения договора Святослав предложил Цимисхию встретиться лично. Встреча произошла на Дунае. Святослав приплыл в лодке. Греков поразило, что князь грёб наравне с прочими воинами. Выражение лица его было мрачным и свирепым. Видом своим князь почти не отличался от приближенных. Это резко контрастировало с пышностью одеяний императора Иоанна, ожидавшего князя на берегу. Недавние враги побеседовали (содержание беседы осталось в тайне) и вскоре расстались. Во все времена разговора Святослав оставался в лодке и не поднимался со скамьи.

Так завершилась самая кровопролитная из всех русско-византийских войн. Из почти 60 тысяч человек, приведенных Святославом на Дунай, на Русь возвращалось лишь около 22 тысяч. Этим цифрам, которые сообщает Лев Диакон, можно доверять: число воинов лежало в основе расчетов количества продовольствия, выданного Святославу.

Впрочем, для Святослава война еще не была окончена. «Пойду на Русь, приведу еще больше дружины» – так, согласно летописи, рассуждал он, ни во что не ставя условия только что заключенного договора и, вероятно, понимая, что и греки не станут соблюдать его. Теперь Русь снова была нужна Святославу – как база для подготовки новой войны, нового похода на Царьград. Но и византийцы, вероятно, не считали борьбу полностью завершенной. В их распоряжении оставалась еще одна возможность нанести удар Святославу – может быть, смертельный. По услови-

Встреча Иоанна Цимисхия и Святослава. Миниатюра из «Хроники» Иоанна Скилицы. XII век (список XIII века). Национальная библиотека Испании. Мадрид

Набор амулетов. X век. ПГМЗ

ям договоренности между Русью и Византией греки должны были отправить посольство к печенегам и, в частности, просить их о беспрепятственном пропуске русской дружины через свою землю. Такое посольство было отправлено. Во главе его встал епископ Евхайтский Феофил. Печенеги согласились войти в число союзников империи и дали обязательство не переваряваться через Дунай и не нападать на Болгарию. Но вот по отношению к русам они заняли непримиримую позицию. Иоанн Скилица, от которого нам известно о результатах византийско-печенежских переговоров, полагал, что печенеги были раздражены тем, что Святослав заключил договор с ромеями. Но гораздо вероятнее, что Феофил и не настаивал на просьбе Святослава. Очень может быть, что он сам подсказал печенегам, как им следует поступить. Еще импе-

тор Константин Багрянородный указывал: «...Когда росы с ладьями приходят к речным порогам», они «не могут миновать их иначе, чем вытащив свои лады из реки и переправив, неся на руках». И «нападают тогда на них пачинакиты и легко – не могут же росы двум трудам противостоять – побеждают и устраивают резню» (перевод Г.Г. Литаврина). Это была не просто любопытная информация писателя, но рекомендация, обращенная к последующим правителям Византийской империи.

* * *

Осенью Святослав отправился в обратный путь. Он двигался на ладьях вдоль берега моря и затем вверх по Днепру по направлению к днепровским порогам. Надеялся ли Святослав, что печенеги пропустят его? Возможно, византийцы давали ему какие-то гарантии на этот счет, сознательно вводя его в заблуждение. Или он по-прежнему рассчитывал на свою силу, а вернее – на свое громкое имя? А может быть, просто понимал, что иначе ему не довезти до Киева захваченную в войне добычу. Последнее наиболее вероятно. Не простая жадность двигала князем, но стремление войти в Киев победителем, а не побежденным.

Свенельд – ближайший и наиболее опытный из воевод Святослава – советовал князю: «Обойди пороги на конях, ибо у порогов стоят печенеги».

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Печенеги убивают князя Святослава Игоревича. Миниатюра из «Хроники» Иоанна Скилицы. XII век (список XIII века). Национальная библиотека Испании. Мадрид

Но Святослав не послушал его. А Свенельд, конечно, был прав. Печенеги действительно ждали русских. По рассказу «Повести временных лет», о приближении русских печенегам сообщили «переяславцы» (надо понимать, болгары):

«Вот идет к вам Святослав на Русь, забрав у греков много добычи и пленных без числа. А дружины у него мало».

Дойдя до острова Хортица, который греки называли «островом Святого Георгия», Святослав убедился в невозможности дальнейшего продвижения — у брода Крария, находившегося перед первым на его пути порогом, стояли печенеги.

Надвигалась зима. Князь решил отступить и зазимовать в Белобережье, где имелось русское поселение. Возможно, он надеялся на помощь из Киева. Но если так, то его надеждам не суждено было сбыться.

Хлеб, полученный от византийцев, вскоре был съеден. Местное же население не имело запасов продовольствия, достаточных для того, чтобы прокормить остаток армии Святослава. Начался голод. «И платили за конскую голову по полугривне», — свидетельствует летописец. Это очень большие деньги. Но, очевидно, золота и серебра у воинов Святослава было гораздо больше, чем продовольствия. Трагедия случилась в начале уже следующего, 972 года.

ГОД 972-Й

Год смерти Святослава.

В конце зимы — начале весны 972 года князь предпринял отчаянную попытку прорваться к Киеву. Кончилась она трагически.

Из «Повести временных лет»:
«...И напал на него Куря, князь печенежский; и убили Святослава, и отрезали голову его, и сделали из черепа чашу, оковав череп, и после пили из него».

По сказанию поздних летописцев, на чаше была сделана надпись: «Чужих ища, своя погубих», или: «Чужих желая, своя погуби» — вполне в духе представлений самих киевлян о своем храбром князе.

А еще одна легенда гласила:

«...И есть чаша сия, и доныне хранима в казнах князей печенежских; пьют же из нее князья со княгинею в чертоге, егда поимаются, говоря так: «Каков был сий человек, его же лоб (череп. — Прим. авт.) есть, таков будет и родившийся от нас». Также и прочих воинов его черепа исковали серебром и держали у себя, пиюще из них».

Так закончилась жизнь князя Святослава; так закончилась жизнь многих русских воинов, того «молодого поколения русов», которое князь увел на войну. Печальную весть при-

нес воевода Свенельд, пришедший с «остаточными людьми» в Киев, к сыну Святослава Ярополку. Мы не знаем, каким образом удалось ему избежать гибели — вырвался ли он из печенежского окружения («збежа з бою», по выражению позднейшего летописца) или двигался другим, сухопутным путем, еще раньше оставив князя.

* * *

Раздел Руси летом 969 года оказался предсмертным завещанием Святослава своим детям. Смерть же его оборвала те незримые нити, которые связывали отдельные части Русского государства. Киев, Древлянская земля, Новгород теперь становились полностью самостоятельными и независимыми друг от друга. Кровное родство правителей этих земель, конечно, сохранялось, но исчезла та сила, которая в равной степени подчиняла их и делала послушными отцу.

Вероятно, еще при жизни Святослава от Киева отпали те территории, в которые он не посадил на княжение своих сыновей. Относительно некоторых земель мы знаем это наверняка: летописи сохранили имена самостоятельных князей Полоцка и Турова; сообщается в них об освобождении от Киева вятичей и радимичей. К 972 году единое Киевское государство распалось. ●

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЖЕНА

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

АВТОР
НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

С ИМЕНЕМ ГРАФА КАРЛА ВАСИЛЬЕВИЧА НЕССЕЛЬРОДЕ, ВОЗГЛАВЛЯВШЕГО РОССИЙСКОЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЕДОМСТВО НА ПРОТЯЖЕНИИ СОРОКА ЛЕТ И БОЛЕЕ ШЕСТИДЕСЯТИ ЛЕТ СОСТОЯВШЕГО НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ, СВЯЗАНА ЦЕЛАЯ ЭПОХА В ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ЭТО БЫЛО ВРЕМЯ НЕБЫВАЛОГО ПРЕСТИЖА РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ.

МЕЖДУ ТЕМ ЕЩЕ В XIX СТОЛЕТИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ сознании сформировалось практически карикатурное представление о Нессельроде как о «карлике» и «пройдохе», «беспримерном трусе», «изменнике-немце», последовательно предававшем российские интересы. Аналогичное мнение сформировалось и относительно его супруги – Марии Дмитриевны Нессельроде. Какими только оскорбительными эпитетами не награждали ее современники! Утверждали, что именно ей граф Нессельроде был обязан не только своим состоянием, но и карьерой и что Мария Дмитриевна оказывала непосредственное влияние на принимаемые мужем политические решения.

ДОЧЬ МИНИСТРА ФИНАНСОВ

Но начнем по порядку. Карл Васильевич Нессельроде и Мария Дмитриевна Гурьева поженились в январе 1812 года. Нессельроде шел 32-й год, и он был уже весьма опытным дипломатом. Он только полгода, как вернулся из Парижа, где занимал пост советника российского посольства при князе Александре Борисовиче Куракине. Дело шло к войне между Францией и Россией: в августе 1811 года отношения между двумя странами стали столь напряженными, что Александр I приказал Нессельроде покинуть Париж. Наполеон якобы сказал тогда князю Куракину: «Вы хотите вести дела, а единственный умный человек из вашего посольства, граф Нессельроде, собирается уехать от вас». Но умный Нессельроде был нужен Александру I в России. 26 октября 1811 года император назначил его своим статс-секретарем, то есть практически он стал исполнять обязанности главы внешнеполитического ведомства, хотя формально на этой должности продолжал числиться граф Николай Петрович Румянцев.

Мария Дмитриевна Гурьева по тогдашним меркам была немолодая: ей шел 26-й год. Однако она была одной из самых богатых и выгодных петербургских невест: ее отцом был влиятельный министр финансов Александра I Дмитрий Александрович Гурьев. Мария была близка ко двору, 2 ноября 1802 года стала фрейлиной, а к свадьбе ей был сделан еще один подарок: она была пожалована в кавалерственные дамы ордена Святой Екатерины.

Современники зачастую были несправедливы к Марии Дмитриевне, от них ей досталось не меньше, чем ее мужу. Как писал баварский дипломат французского происхождения Оттон де Брэ (в 1833–1835 годах он являлся советником баварского посольства в Петербурге, в 1843–1859 годах, с перерывом, занимал пост посланни-

ка), «приданое этой дамы составило основу того громадного состояния, каким владеет в настоящее время граф, а ее обширное родство немало способствовало тому, что ее мужу не повредило его иностранное происхождение».

Еще один современник, строптивый князь Петр Владимирович Долгоруков, излил немало желчи на графа Нессельроде. Он утверждал, будто именно семье Гурьевых Карл Васильевич был обязан не только своим состоянием, но и своей карьерой: «С 1812 по 1815 год при государе находился по делам дипломатическим статс-секретарь граф Нессельрод, определенный в эту должность сильным придворным влиянием искусственных интригантов, своих тестя и тещи, графа и графини Гурьевых». Однако следует добавить, что Долгоруков, прозванный «князем-республиканцем», был обижен на всех и вся. В 1842 году в Париже он опубликовал пасквиль о России, после чего оказался в ссылке и опале. При императоре Александре II он, не получив ожидаемый пост министра, эмигрировал в Европу, снова опубликовал в Париже работу под названием «Правда о России», за что был приговорен Сенатом к лишению княжеского титула, прав состояния и к вечному изгнанию. Невзлюбил Нессельроде и известный мемуарист Филипп Филиппович Вигель. Не пощадил он также ни тестя с тещей графа, ни Марию Дмитриевну. Ее он характеризовал так: «Зрелая, немного перезрелая дочь его (графа Гурьева. – Прим. ред.), Мария Дмитриевна, как сочный плод висела гордо и печально на родимом дереве и беспрепятственно дала Нессельроду сорвать себя с него. Золото с нее на него посыпалось, которое для таких людей, как он, то же, что магнит для железа». О том, с чем было связано такое отношение современников, мы еще поговорим, а пока вернемся к молодоженам.

Граф Дмитрий Александрович Гурьев (1751–1825), русский государственный деятель, третий министр финансов России. Портрет кисти Я. Ромбаэра

Карл Васильевич Нессельроде.
Литография 1810-х годов

«КАРМАННЫЙ МУЖ» И «БАБА-ЯГА»

Внешне Карл Васильевич и Мария Дмитриевна были очень разными. Мария Дмитриевна была высокой, полной женщиной, рядом с которой маленький Нессельроде казался «карманным мужем». Вероятно, это обстоятельство не слишком его смущало.

Многие современники находили Марию Дмитриевну очень некрасивой, но весьма умной. Первое утверждение – спорно, поскольку были и те, кто считал ее довольно привлекательной. Второе – очевидно, подтверждением чему являются письма графини Нессельроде, в которых проявился ее трезвый, скорее, мужской ум, точные и оструумные суждения о событиях и людях. Как писал внук супругов, Анатолий Дмитриевич Нессельроде, опубликовавший 11-томную переписку деда, «графиня Нессельроде порой была предвзята; особенно она замечала ошибки тех, кого не любила». Впрочем, как отмечал внук, суждения бабушки чаще были справедливы. Вот, например, отрывок из письма Марии Дмитриевны мужу от 13 апреля 1812 года, по которому мы можем составить представление об ироничном уме графини: «Ты очень хорошо сделал, женившись на старой 25-летней женщине, более молодая никогда в жизни не смогла бы любить с той же силой и с тем же постоянством». Что характерно, Мария Дмитриевна не смущалась откровенно писать даже императорам и об императорах. Так, 18 марта 1825 года из Флоренции она написала обстоятельное письмо Александру I, находившемуся тогда в Варшаве, в котором с грустью констатировала: ей показалось, что она оказалась в немилости у государя, который вот уже второй год избегает ее дома. Причем графиня сообщала императору, что написала ему втайне от мужа. 25 апреля Александр Павлович ответил ей: «В свое оправдание скажу вам, мадам, что вот уже несколько лет как я не на-

ношу визиты, не имея на то возможности, в силу моей все возрастающей занятости. Это моя вина, и, если дело лишь в этом, то это касается и многих других, кого я посещал в прошлом, хотя и очень редко, а сейчас не посещаю вовсе. Я и не мог предположить, что вы сделаете из всего этого такой вывод, и я бесконечно сожалею, что невольно дал вам повод для печали».

Спустя пятнадцать лет, в 1840 году, Мария Дмитриевна писала уже об императоре Николае Павловиче: «Император, у которого до сих пор нелепая мысль, что костюм влияет на того, кто его носит, более, чем когда, не навидит фраки. Странная голова у монарха! Он пашет свою обширную землю, не сея хороших семян <...> Нужны на службу люди, в них у нас нет недостатка, но какая дрянь». Или, например, в письме от 11 июня 1843 года она сообщала сыну Дмитрию: «Характер императора становится все тяжелее. Он держит всех приближенных в состоянии лихорадочного возбуждения, будто избалованный и ужасный ребенок, который не умеет и не хочет ничего выносить. Он уверяет, что не будет жить ни в Зимнем, ни в Аничковом дворцах; вероятно, он раскинет палатку на большой площади». А в письме сыну от 10 апреля 1843 года она отмечала, что государь жаловался на головокружение, очень беспокоился о своем здоровье, и добавляла: «По правде говоря, он должен беспокоиться о том, что сбился с верного пути; он начинает замечать, что ему ни в чем не везет, что все идет не так, и раздражается вместо того, чтобы хорошенько поразмыслить и исправиться».

Супруги, столь разные как внешне, так и по темпераменту, отлично подходили друг другу. Как отмечал Оттон де Брэ, «графиня имеет, по-видимому, все преимущества и недостатки, каких нет у графа; по складу ума и в обхождении она надменна и повелительна, имеет обо всем свое собственное вполне определенное мнение и подчи-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Император
Николай I.
Хромолитогра-
фия с портрета
кисти Ф. Агина.
1842 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Барон Модест
Андреевич Корф
(1800–1876),
государственный
деятель, историк.
Акварельный
портрет работы
Э.П. Гау.
Конец 1860-х –
начало 1870-х
годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

няется своим симпатиям и антипатиям. В этом отношении супруги удивительно дополняют друг друга». Правда, баварский дипломат полагал, что в рамках салонного общения «графиня Нессельроде не отличалась ни радушием, ни любезностью».

Если Оттон де Брэ считал Марию Дмитриевну помощницей графа, то упоминавшийся выше князь Долгоруков – злым гением, а точнее – «бабой-ягой»: «...жена канцлера, женщина ума недальнего, никем не любимая и не уважаемая, взяточница, сплетница и настоящая баба-яга, но отличавшаяся необыкновенною энергию, дерзостью, нахальством, и посредством этой дерзости, этого нахальства державшая в безмолвном и покорном решепке петербургский придворный люд...»

Что касается «взяток», то, по словам князя Долгорукова, ни одно назначение по ведомству иностранных дел не могло состояться без «подарка» Марии Дмитриевне, и об этом якобы знал даже император Александр I, осведомившийся однажды у графа Шувалова, «сколько он подарил графине Нессельроде». Надо, однако, учитывать, что во взяточничестве князь Долгоруков обвинял буквально всех.

Известный советский исследователь творчества А.С. Пушкина

Павел Елисеевич Щеголев собрал мемуарные отзывы о графине Нессельроде и, сравнивая характеристику, данную ей Долгоруковым, с другими суждениями, пришел к такому заключению: «Резким отзывам Долгорукова можно поверить, ибо в конечном счете основные черты характера графини изображены так же и в отзывах ее поклонников». При этом на страницах своей книги «Дуэль и смерть Пушкина» Щеголев

В.С. Садовников. Вид Главного штаба со льда реки Мойки в сторону Невского проспекта. Справа, углом к зрителю – восточное крыло, в котором на третьем этаже располагалось Министерство иностранных дел. До 1833 года

лев приводит и положительные высказывания современников о Марии Дмитриевне – Альфреда Фаллу, барона Модеста Андреевича Корфа, князя Павла Петровича Вяземского, однако называет эти характеристики «выспренными» и «грешающими одинаковым гиперболизмом». Но в то же время князю Долгорукову верит безоговорочно, как человеку, отлично знавшему высший свет и двор.

Так почему Марию Дмитриевну не любили современники? Представляется, что по причине ее влияния, богатства, положения в обществе, независимого склада ума и острого языка, а также интриг, которые она якобы плела в своем петербургском салоне, пользовавшемся большой известностью среди столичной элиты и дипломатического корпуса. Мария Дмитриевна была умной, живой собеседницей, а это – главные качества успешной хозяйки салона. Как отмечалось в «Русских портретах» великого князя Николая Михайловича, Мария Дмитриевна «была вполне светской женщиной, гостеприимной и любезной в обращении; несессеродовские обеды и повара славились по всей Европе».

ГРАФИНЯ НЕССЕЛЬРОДЕ, ПУШКИН И ПУШКИНСТЫ

Марию Дмитриевну не любят пушкинисты: она была дружна с бароном Геккерном, приемным отцом Данте, и, по некоторым сведениям, именно в ее салоне плелась интрига, приведшая к дуэли поэта с Данте. Эту версию в свое время развивал Щеголев, отмечая, что Мария Дмитриевна «судачила с Геккереном о семейных делах Пушкина, она была поверенной сердечных тайн Данте», а после дуэли «графиня Нессельроде грудью стояла за Геккеренов во время военно-судного процесса, вплоть до отъезда семьи Геккеренов». Более того, Щеголев писал, что в 1927 году советский исследователь В. Гольцев на основании записок некоего князя А.М. Голицына, написанных в XX веке, сделал вывод о том,

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ХОЗЯЙКА СТОЛИЧНОГО САЛОНА

В XIX веке светский салон – это не просто интеллектуальное, литературное и культурное пространство, но и пространство политическое. Положение в салоне, благосклонность хозяйки или ее отсутствие – все это было весьма важным. К тому же общение в салоне – серьезный канал обмена мнениями и источник информации.

Несмотря на замечание баварского дипломата Оттона де Брэ, что влияние Марии Дмитриевны проявлялось «более относительно личностей, нежели относительно событий», в действительности оно было весьма велико. Например, ледяной прием прославленному французскому писателю Оноре де Бальзаку, прибывшему в Петербург в 1843 году, былocadoан именно в столичных салонах, о чем графиня писала сыну Дмитрию 24 июля 1843 года: «Тот, кто лучше всех описывает чувства женщин, Бальзак, оказался у нас, очень удивлен, я полагаю, тем, что никто не ищет знакомств с ним. Никто, насколько, по крайней мере, мне известно, не сделал ни малейшей попытки увидеть его. Он осуждает работу Юстина, возможно, так оно и есть, но не следует его считать искренним». Как отмечал известный советский литературовед Леонид Петрович Гроссман, «в Петербурге, где вся общественная жизнь строго регламентировалась органами власти, это свидетельство Нессельроде свидетельствует о каких-то высших указаниях. Петербургскому свету было, очевидно, предписано игнорировать Бальзака». Бальзак, как известно, приехал в Россию «не вовремя» – сразу после выхода в свет книги Астольфа де Юстина «Россия в 1839 году». Поэтому он был на сильнейшем подозрении у властей и как бы отвечал перед ними за Юстина. Отсюда и ледяной прием столичного света, в результате чего Бальзак уехал из России крайне разочарован-

что автором анонимного письма Пушкину, в котором поэт фактически назывался рогоносцем, является графиня Нессельроде. Но это все только предположения. Что касается автора анонимного пасквиля, то сам Щеглов, основываясь на экспертизе почерка, доказывал, что им был князь Долгоруков. Подозрение также падало на князя Ивана Гагарина, и только в конце XX века обвинения с него были сняты. Но кто был автором злополучного письма, неизвестно до сих пор.

Александр Сергеевич Пушкин, служивший с 1831 по 1834 год в Коллегии иностранных дел (с довoleniem работать в архиве «для извлечения материалов по истории Петра Великого и к прочтению дела о пугачевском бунте»), графиню Нессельроде не любил, отзываясь о ней так: «Ужасна и опасна». Павел Петрович Вяземский писал об отношении поэта к Марии Дмитриевне: «Ненависть Пушкина к этой последней представительнице космополитического олигархического ареопага едва ли не превышала ненависть его к Булгарину. Пушкин не пропускал случая клеймить эпиграмматическими выходками и анекдотами свою надменную антагонистку, едва умевшую

говорить по-русски». В то же время, продолжает Вяземский, «женщина эта паче всего не могла простить Пушкину его эпиграммы на отца ее, графа Гурьева, бывшего министром финансов в царствование императора Александра I». Кроме того, для Марии Дмитриевны Пушкин оставался *un ami du quatorze*, то есть другом декабристов. Как видим, «теплые» чувства друг к другу питали обе стороны.

Великосветский салон. 1830-е годы. Акварель неизвестного художника

Барон Луи Геккерн (1792–1884). Гравированный портрет

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Т. Ювинс.
Портрет графини
Дарьи
Федоровны
Фикельмон.
1826 год

предоставлено Н. Золотаревой

ным. Возможно, графиня Мария Дмитриевна и не была в курсе «высших указаний», но важен сам факт того, что салон – эффективное средство формирования мнения, не общественного, конечно, но придворно-аристократического. Однако для политики и дипломатии это было весьма важным. Как отмечал барон Корф, «салон графини Нессельроде <...> был неоспоримо первый в С.-Петербурге; попасть в него, при его исключительности, представляло трудную задачу; удержаться в нем, при разборчивости и уничтожительной гордости хозяйки, было почти еще мудренее; но кто водворился в нем, тому это служило открытым пропуском во весь высший круг. В некоторые зимы она принимала ежедневно; но два

приемные дня в неделю были уже постоянно...»

Салон Марии Дмитриевны являлся местом притяжения дипломатического корпуса. Дипломаты бывали особенно частыми гостями в политическом салоне Марии Дмитриевны, а также в салоне ее матери, графини Праксевы Николаевны Гурьевой. Именно в этом салоне впервые встретила Карла Васильевича графиня Дарья Федоровна Фикельмон, более известная как Долли Фикельмон – внучка фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова и супруга австрийского посла К.-Л. Фикельмона. Она и сама была хозяйкой влиятельного и популярного петербургского салона. В конце июня 1829 года Долли прибыла с мужем в Петербург из Европы, а 22 июля записала в своем днев-

нике: «С той поры провела один вечер у мадам Гурьевой, где познакомилась со всем дипломатическим корпусом».

Первое впечатление Долли о Марии Дмитриевне было неблагоприятным: «Досадно, что при таком уме и таком сердце у нее столь мало привлекательная внешность». В другой раз она записала: «Графиню Нессельроде, у которой иногда бываю на вечерах, не назовешь любезной хозяйкой. Она очень умна и умеет, когда пожелает, быть интересным собеседником, но постоянно озабочена, часто слишком погружена в свои мысли и всегда чересчур рассеянна».

Но потом взгляд Долли на Марию Дмитриевну изменился. 21 декабря 1831 года она отметила: «Мадам Нессельроде, которую я довольно долго находила неприятной, начинает подкупать меня. Под этой ледяной оболочкой и весьма мужеподобными формами кроется довольно теплое сердце. Как жаль, что внешность человека так влияет на отношение к нему!»

О том, что Мария Дмитриевна высокомерна и холодна только на первый взгляд, писали многие современники. Например, Альфред Фаллу, известный французский политический деятель, биограф Софии Петровны Свечиной – хозяйки влиятельного литературного салона в Париже, с которой была дружна графиня Нессельроде: «Великосветские манеры, которым я удивлялся в австрийском канцлере, достались в удел графине Нессельроде; ее лицо и рост были благородны и внушительны. Те, кто видел ее на короткое время и официально, сделали ей репутацию упрямой и жесткой женщины. Но это ошибка и несправедливость <...> Графиня при дворе и даже в глазах императорской фамилии пользовалась моральным авторитетом, независимо от ее высокого положения».

Однако к салону Марии Дмитриевны отношение Долли не изменилось. 13 апреля 1832 года она пишет: «В воскресенье

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

маленький вечер у мадам Нессельроде, тягостный и несุразный». А вот запись от 17 ноября 1832 года: «Мадам Нессельроде организовала для нас два-три вечера, не очень многолюдных, таких же малооживленных и весьма докучных, как и в прошлом году». И в 1833 году: «В четверг — один из самых мрачных вечеров у Нессельроде. В пятницу маленький вечер у нас — исключительно веселый, с оживленными разговорами».

Вероятно, такое отношение Долли Фикельмон к салону графини Нессельроде является следствием конкуренции между дамами. Салон Долли, как и салон Марии Дмитриевны, был весьма популярен в столичном обществе и тоже пользовался особым успехом в дипломатических кругах.

А как относились к мадам Нессельроде прославленные хозяйки парижских салонов? Одна

из них, графиня Адель де Буань, автор блестящих воспоминаний об эпохе, отмечала, что Мария Дмитриевна оказывала исключительное влияние на своего супруга, была особой холдиной и уверенной в себе, но в то же время ревниво относи-

лась к конкуренции и не терпела в своем окружении сильных женщин. Мадам де Буань была знакома с Карлом Васильевичем еще со времен его пребывания в Гааге в начале его дипломатической карьеры и состояла с ним в дружеских отношениях,

Большая гостиная в парадных апартаментах К.В. Нессельроде. Современная фотография

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Зал в бывшей квартире канцлера К.В. Нессельроде в здании Министерства иностранных дел. Начало XX века

а сам Нессельроде через графа Шарля-Андре Поццо ди Борго, посла Российской империи в Париже, всегда передавал ей свои заверения в дружбе и интересовался новостями от нее. Но вот Мария Дмитриевна, по словам мадам де Буань, была к ней не расположена и не скрывала этого.

Очень точный психологический портрет Марии Дмитриевны создал уже упоминавшийся барон Корф. Он отмечал, что графиня Нессельроде «по необыкновенному уму своему и высокому просвещению и особенно по твердому, железному характеру, была, конечно, одиною из примечательнейших, а по общественному своему положению и влиянию на высший петербургский круг одною из значительнейших наших дам в царствование императора Николая. С суровою наружностью, с холодным и даже прензительным высокомерием ко

всем мало ей знакомым, или приходившимся ей не по нраву <...> ее, в противоположность графу Бенкendorфу, гораздо больше боялись, нежели любили». «Сокровища ее ума и сердца, — подчеркивал Корф, — открывались только для тех, которых она удостаивала свою приязнию; этому небольшому кругу избранных, составлявших для нее, так сказать, общество в обществе, она являлась уже, везде и во всех случаях, самым верным, надежным и горячим, а по положению своему и могущественным другом. Сколько вражда ее была ужасна и опасна, столько и дружба — я испытал это на себе многие годы — неизменна, заботлива, охранительна, иногда даже до ослепления и пристрастия». О том, что Мария Дмитриевна открывалась только узкому кругу друзей, вспоминала и Александра Смирнова-Россет, одна из ярких личностей

пушкинской эпохи. «Черноокая Россетти», как именовал ее великий поэт, писала о Марии Дмитриевне, с которой она встречалась в Париже: «...она была полна души и сердца. Ее никто не понимал; увидят в моих записках, какое сокровище была эта, по-видимому, grande dame <...> У графини Нессельрод был веселый, детский смех — лучший знак доброго сердца и высокой души».

СЕМЬЯ

У Марии Дмитриевны и Карла Васильевича было трое детей: Дмитрий, Мария и Елена. Старшая, Елена, родилась в 1813 году, в 1832-м вышла замуж за Михаила Иринеевича Хрептовича, камер-юнкера, переводчика в Департаменте внешних сношений Министерства иностранных дел, впоследствии тайного советника, российского посланника в Неаполе, Турине, Брюсселе и Лондоне. Детей в браке не было.

Дмитрий Карлович (1816–1891) пошел по отцовским стопам. С 1836 года он служил переводчиком и третьим секретарем Канцелярии Министерства иностранных дел, секретарем посольства в Константинополе, впоследствии обер-гофмейстером, статским советником. В 1847 году Дмитрий женился на Лидии Арсеньевне Закревской, дочери бывшего генерал-губернатора Финляндии и министра внутренних дел, в 1848–1859 годах генерал-губернатора Москвы графа Закревского. В 1850-м у супругов родился сын Анатолий. Однако брак был неудачным, Лидия предпочитала вести образ жизни, свободный от светских условностей. А в 1859 году и вовсе вышла замуж за князя Друцкого-Соколинского, не разведясь при этом с Дмитрием Карловичем.

Младшая дочь четы Нессельроде, Мария, родившаяся в 1820 году, вышла замуж за барона Льва Павловича (Албена-Леона) Зеебаха, саксонского посланника в Петербурге.

П.В. Басин.
Портрет
графа Карла
Васильевича
Нессельроде
с сыном
Дмитрием.
1823 год

ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ И ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

Но вернемся в самое начало семейной жизни супругов Несслероде. Их медовый месяц длился недолго: в декабре 1812 года император Александр I из Петербурга отправился в Главный штаб армии. Карл Васильевич был включен в свиту государя и фактически исполнял обязанности начальника Походной дипломатической канцелярии. Пока супруги были в разлуке, между ними велась постоянная переписка. Графиня — как правило, дважды в неделю — писала мужу обстоятельный письма, сочетая личные и семейные темы с политическими и светскими новостями, которые могли его заинтересовать.

После вступления русских войск в Париж 31 марта 1814 года, отречения Наполеона Бонапарта и подписания Первого Парижского трактата Мария Дмитриевна вместе с мужем оказалась в Лондоне. Император Александр I с лидерами союзников решил нанести визит принцурегенту Георгу (будущему королю Георгу IV) ради укрепления связей, оформившихся в годы войн с Наполеоном. Для Александра I этот визит оказался неудачным, диалога с принцем-регентом не получилось. Марии Дмитриевне Англия поначалу тоже не понравилась. Она писала своей сестре Елене 17 июня 1814 года: «Несколько больших и нескончаемых обедов отняли у меня все оставшиеся силы, и я себя чувствую совсем опустошенной. Если речь идет о праздниках и удовольствиях, то надо признать, что эта нация ничего не смыслит в этом деле. Приемы — это настоящая толчья; толкаются, чтобы потом протиснуться в маленькие комнатки, где находится в четыре раза больше людей, чем они могут вместить. Хозяйка дома мало о вас беспокоится. Теперь, зная, что собой представляют лондонские развлечения, я бы ни за что на свете не хотела здесь жить». Но графиня

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Венский
конгресс
1814–1815 годов.
Гравюра
Ж. Годфруа
по оригиналу
Ж.-Б. Изабе.
Граф К.В. Нес-
слероде —
девятый слева

отмечала энтузиазм, с которым англичане встречали европейских лидеров, особенно императора Александра и его свиту: «Всякий раз у вас просили позволения пожать вам руки, и вы такими трясли, что потом они начинали болеть. Пла-

това и Блюхера встречают как царей; повсюду, где они показываются, им поют национальный гимн; на улицах сопровождают их кареты, а в театре устраивают овации».

Вместе с мужем Мария Дмитриевна оказалась и на Венском

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Г. Делиус.
Венский
конгресс.
1815 год.
Карикатура

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Портрет графини М.Д. Нессельроде.
1825 год. Литография по оригиналу
А.П. Брюллова

конгрессе, на котором в перерывах между танцами и представлениями решались судьбы Европы. 30 октября 1814 года Мария Дмитриевна с легкой грустью писала сестре: «Я только что поужинала в полном одиночестве; мой дорогой супруг

после прекрасного обеда отправился любоваться Биготтини, знаменитой парижской танцовщицей, покорившей сердца всех в балете-пантомиме под названием «Нина или Безумие от любви». Она танцует с таким совершенством, что это трогает душу и вызывает слезы у самых черствых людей. Самых чувствительных зрителей просто выносят из их лож в бессознательном состоянии. Мой

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Е.И. Ботман. Портрет графа Карла Васильевича Нессельроде. Около 1870 года

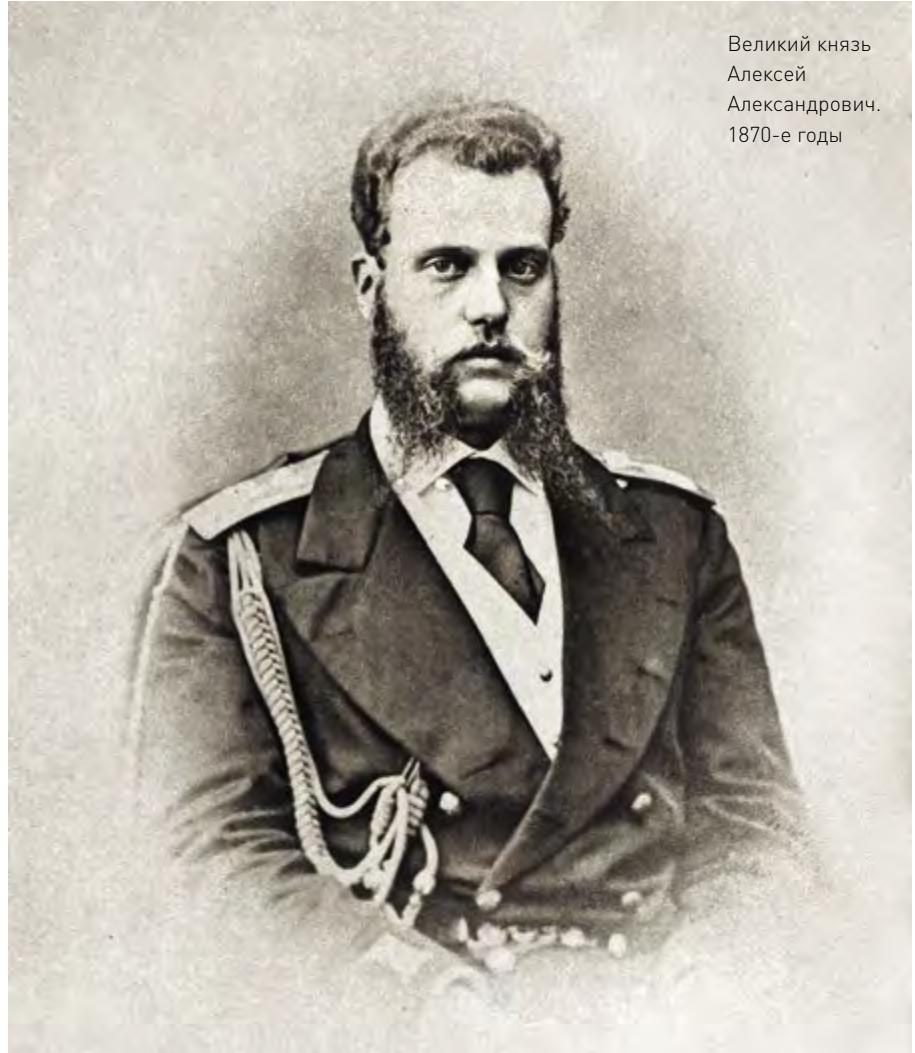
добрый Нессельрод не позволяет мне присутствовать на этом спектакле; он опасается, что на меня это может произвести очень сильное впечатление».

Однако вскоре участникам конгресса стало не до танцев: в Вену пришло известие о высадке Наполеона Бонапарта в бухте Жуан. 20 марта Наполеон без единого выстрела вступил в Париж. 25 марта Мария Дмитриевна писала сестре: «Вновь предстоит сражаться. Я рада, что наши войска не первыми выступили в поход. Если его смогут второй раз низвергнуть, и без нашего участия, я буду очень счастлива <...> В каком веке мы живем, моя милая сестра! Будем надеяться, что Бог не заставит долго продолжаться эту новую борьбу. Веллингтон уезжает завтра, чтобы встать во главе своих войск в Бельгии...» Мария Дмитриевна как в воду глядела: русские войска опоздали к битве при Ватерлоо.

РУССКИЙ МИР.RU / СЕНТЯБРЬ / 2024

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Великий князь
Алексей
Александрович.
1870-е годы

И

СТОРИЯ ЖИЗНИ
представителей пра-
вящих домов в этом
смысле поучительна:

в них упорно пытаются видеть прежде всего государственных сановников, вершащих судьбы стран и народов. И забывают при этом, что они – тоже люди, а власть – слишком тонкая и запутанная материя.

Со времен Античности и Средневековья сложилось представление, что правитель аллегорически символизирует государство и несет обязанность «отца народа», даря своим подданным наследника престола. Подобные роли по поддержанию имиджа монархии должны были играть все августейшие особы – каждый, разумеется, в силу собственных дарований. Правда, некоторые из них не всегда осознавали важность подобной миссии.

«БОЛЬШАЯ ГАСТРОЛЬ» КНЯЗЯ АЛЕКСЕЯ

Великий князь Алексей Александрович нашел свою особую нишу на ниве монаршего служения.

Глядя на этого статного и красивого баловня судьбы, фланирующего по улицам столиц разных стран, прохожие, скорее всего, понимали, что перед ними человек, привыкший к золоченым гостиным и фешенебельным особнякам с тенистыми садами. Иными словами, представитель мира праздного, богатого и счастливого. Как-то раз, прохаживаясь по парижским бульварам, много повидавший на своем веку генерал Александр Мосолов «заметил впереди себя высокого мужчину. Прохожие, видя его, останавливались, а некоторые даже восклицали: «Какой красавец!» Подойдя ближе, я узнал великого князя, в штатском платье, с покупками в руках».

Таинственный «герцог» Алексей Александрович, пользовавшийся у современников репутацией «короля богемы», наверняка вписался бы в наше время и собирал бы миллионы восхищенных подписчиков в соцсетях. Изысканный денди, он знал толк в моде и, разрабатывая фасоны

СОЖЖЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

ЖИЗНЬ ЛЮБОГО ЧЕЛОВЕКА СЛОЖНА И ПОРОЙ НЕПРЕДСКАЗУЕМА. И ЧЕМ БОЛЕЕ ИЗВЕСТЕН ИЛИ ВЛИЯТЕЛЕН ЧЕЛОВЕК, ТЕМ ТРУДНЕЕ РАЗОБРАТЬСЯ В ХИТРОСПЛЕТЕНИЯХ ЕГО СУДЬБЫ. ОДНАКО УПРЯМЫЕ ПОТОМКИ ВСЕ РАВНО ПЫТАЮТСЯ ПОДВЕСТИ ИТОГИ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ОЧЕРЕДНОГО ГЕРОЯ. НО НЕРЕДКО СУЖДЕНИЯ ИХ ОКАЗЫВАЮТСЯ ЛИШЬ ФРАГМЕНТАРНЫМИ: УВЛЕКШИСЬ НЕКОЙ, ЧАСТО ИЛЛЮЗОРНОЙ И МАЛО ЧТО ОБЪЯСНЯЮЩЕЙ, «НИТОЧКОЙ», ОНИ ВЗДЫХАЮТ С ОБЛЕГЧЕНИЕМ, ОПРОМЕТЧИВО СЧИТАЯ, ЧТО РАЗМОТАЛИ КЛУБОК ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ДО КОНЦА...

одежды, подумывал даже о создании модельного дома; страстный балетоман, он покровительствовал прелестным танцовщицам Мариинского театра и Гранд-опера; завзятый путешественник, моряк и космополит, он посетил весь мир.

Вот только в суровые предреволюционные времена на исходе XIX века и уж тем более после 1917 года «формат» героев определялся совсем иными требованиями. Так что в памяти потомков великому князю на долгие годы была отведена унизительная роль «самодовольного бездельника». Однако его личность оказалась более сложной и многогранной: став объектом обвинений и насмешек на родине, он неожиданно завоевал место в культуре Запада. И по сей день, например, многие туристы, приезжающие в Париж ради развлечений и авантюрной любви, пользуются путеводителями, содержащими маршрутыочных развлечений князя Алексея. А в ковбойском комиксе «Счастливчик Люк» (1947) бельгийца Мориса де Бевере, в популярности не уступающего «Приключениям Тинтина» и «Астериксу и Обеликсу», Алексей Александрович предстает в образе великого князя Леонида, прибывшего на Дикий Запад сражаться с бандитами.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ми. Появляется он и в известном вестерне «Мэверик» (1994) с Мелом Гибсоном и Джоди Фостер. Алексей Александрович был истинным франкофилом и в эпоху франко-русского союза, можно сказать, олицетворял в Париже Россию. Останавливался он в роскошных отелях – «Риц» или «Континентале», где в распоряжение царственного гостя отдавались целые этажи, а прислуга выполняла любые его капризы. В конце концов великий князь решил обзавестись во французской столице собственным домом. В 1897 году на авеню Габриэль, 38 он подобрал подходящее «гнездышко»: особняк, известный как Дворец с колоннами или отель «Д'Аржансон». К северу, по аристократической Фобур-Сент-Оноре, тянулись особняки знати, на юге – раскинулись обширные сады, за которыми открывались Елисейские Поля. Здесь же, вокруг старинного особняка, воз-

Пол Лоуренс Смит в роли русского князя в фильме «Мэверик» (1994)

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

М. де Бевере. Великий князь. Из серии «Счастливчик Люк». Шведское издание

веденного в 1780–1787 годах по проекту Лемуана де Кузона для вдовы писателя и министра иностранных дел Людовика XV маркиза Д'Аржансона, царил покой. Вокруг бурлит жизнь – рядом Елисейский дворец, резиденция главы Французской республики, министерства, художественные галереи, дома высокой моды. А на авеню Габриэль и сегодня чувствуешь себя словно в оазисе: тихие кафе, каштановые аллеи, никуда не спешащие прохожие. В своем особняке, напоминавшем художественный салон, князь-меценат принимал художников, модельеров, танцовщиц, балерин, музыкантов.

Но не одним меценатством прославился в Париже Алексей Александрович. С его именем связана любопытная лексическая метаморфоза. Речь – о выражении *La tournée des Grands Ducs*, появившемся в первой половине XIX века. Изначально оно подразумевало путешествие по Европе или по миру, в которое с образовательными целями отправляли отпрысков благородных фамилий. А вот во времена Belle Époque («Прекрасная эпоха» – период в Европе конца XIX – начала XX века. – Прим. ред.) выражение приобрело переносный смысл: теперь оно подразумевало походы золотой молодежи

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

по злачным местам Пале-Рояля, Монмартра и Бельвиля. Виновником этой метаморфозы спрашевливо признавали великого князя Алексея, ставшего для французов символом русского размаха, обаяния и мощи.

«Большая гастроль великих герцогов» из ночи в ночь вела Алексея Александровича и его брата Сергея Александровича по кабакам и вертепам Монмартра и Бельвиля. Августейшие принцы устраивали роскошные банкеты в дорогих ресторанах, делали до безумия высокие ставки в казино и засыпали купюрами танцовщиц в фешенебельных борделях, сомнительных варьете и низкопробных кабаре. Таких заведений тогда было немало: «Мулен Руж», «Проворный кролик», «Черный кот», «Полуночники», «Сверчок», «Мулен де ла Галет», «Мертвая крыса», «Телемское аббатство». Ресторанные залы сменялись потайными кабинетами с мягкими коврами и бархатными обоями, где посетители были надежно укрыты от внешнего мира: только немногословные слуги, служанки в белоснежных фартуках и жрицы любви. А под утро, дабы восстановить силы, «великие герцоги» похмелялись луковым супом в «Чреве Парижа» (так называли продовольственный рынок Ле-Аль с прилегающими к нему кварталами). Жизнь местных обывателей описана в одноименном романе Эмиля Золя. – Прим. ред.) и были готовы пуститься в новые «гастроли».

Российские и американские суда, стоящие на якоре в заливе Сэнди-Хук перед заходом в Верхнюю гавань Нью-Йорка. 1871 год. Гравюра из «Иллюстрированной газеты Френка Лесли»

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫ

АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА

Но первая и самая знаменитая «гастроль» князя Алексея состоялась в США. После Крымской войны (1853–1856) отношения между Российской империей и молодой Американской республикой были как никогда теплыми и дружескими – на это повлияла поддержка, оказанная Петербургом Вашингтону в Гражданскую войну. После сепрессии Южных штатов Лондон и Париж фактически взяли курс на дипломатическое признание рабовладельческой Конфедерации. Дело шло к расколу США, и великие державы рассчитывали, что Россия окажется на их стороне. Но ситуация обострилась из-за Польского восстания: слухи о возможном военном вмешательстве Великобритании и Франции в американские события и их подготовка к созданию антироссийской коалиции в поддержку поляков подтолкнули США и Россию к сближению.

В сентябре 1863 года в гавань Нью-Йорка вошла Атлантическая эскадра контр-адмирала Степана Степановича Лесовского, а на рейде Сан-Франциско встал вторая российская флотилия под командованием контр-адмирала Андрея Александровича Попова. После победы Севера и восстановления единства США отношения Петербурга и Вашингтона пошли по восходящей, чему послужил заложенный ранее фундамент дипломатического, экономического и культурного сотрудничества. Участились и взаимные визиты. В 1866 году эскадра командора Александра Миоррея доставила в Россию заместителя государственного секретаря по Морскому министерству Соединенных Штатов Густава Вазу Фокса, а в июле–августе 1867-го по России путешествовал адмирал и герой Гражданской войны Дэвид Г. Фаррагут. В августе в Ливадии император Александр II принял

Встреча великого князя Алексея в порту Нью-Йорка. Гравюра из «Иллюстрированной газеты Френка Лесли». 9 декабря 1871 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫМ

мало еще кому известного журналиста Сэмюэла Клеменса, который вскоре под псевдонимом Марк Твен опубликовал повесть «Простаки за границей», где описал аудиенцию: «... через несколько минут появился император с семейством; раскланиваясь и улыбаясь, они вошли в наш круг. <...> Каждый поклон его величества сопровождал речами словами. <...> сказал, что ему очень приятно познакомиться с нами, особенно потому, что Россию и Соединенные Штаты связывают узы дружбы. Императрица сказала, что в России любят американцев и она надеется, что в Америке тоже любят русских».

Любовь – любовью, а политика – политикой. На исходе 1870 года, воспользовавшись поражением Франции во Франко-прусской войне, Россия потребовала отменить статьи Парижского договора о запрете империи иметь флот на Черном море. Разразился внешнеполитический кризис, и в Петербурге решили вновь сосредоточить у американского побережья военно-морские

эскадры, готовые атаковать торговые суда Великобритании и ее колонии. Когда же в марте 1871 года, согласно Лондонской конвенции, права России были восстановлены, император Александр II решил визит кораблей в США не отменять, сместив акценты в сторону русско-американского союза. Пробил час Алексея Александровича.

19 ноября 1871 года группа русских кораблей – фрегат «Свят-

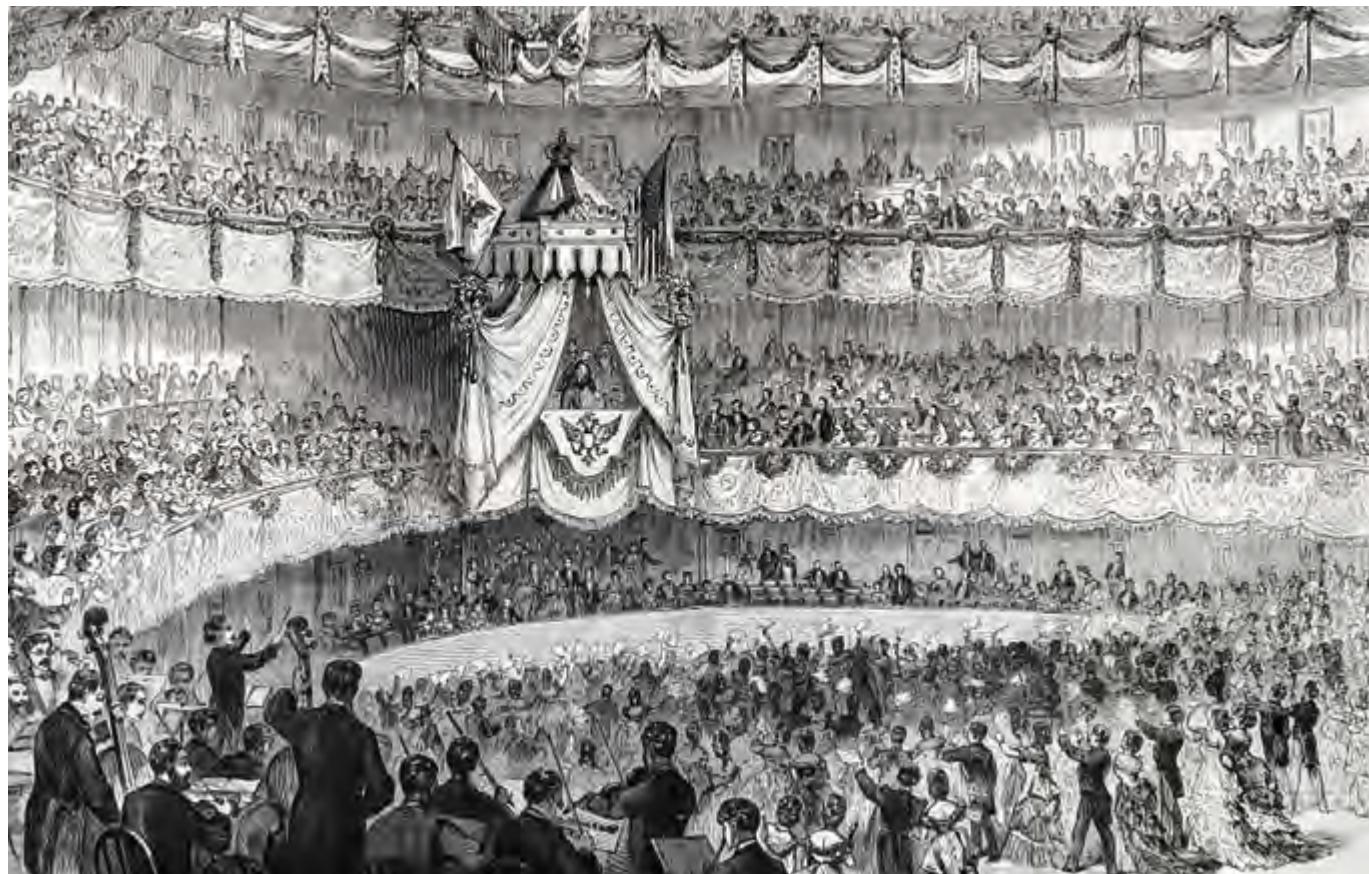
Великого князя Алексея приветствуют жители Нью-Йорка. Гравюра из «Иллюстрированной газеты Фрэнка Лесли». 1871 год

лана» с великим князем на борту, корвет «Богатырь» и клипер «Абрек» – встал на рейде в бухте Лоуэр-Бей на реке Гудзон. По свидетельству репортера «Нью-Йорк геральд», на улицах города великого князя встретило «необыкновенное, беспрерывно движущееся и волнующееся море людей... Почти с каждого балкона в дружном единении свешивались американские и российские флаги». Над Бродвеем колыхались плакаты с надписью «Представители американской нации приветствуют союзника». С балкона отеля великого князя принял парад, в котором участвовали 9 тысяч бойцов ополчения штата Нью-Йорк.

В США Алексей Александрович провел три месяца. Настоящий былинный витязь с золотистыми усами, ярко-голубыми глазами и модными бакенбардами, облаченный в синий китель военно-морского офицера, совершенно покорил Америку. К тому же молодого великого князя отличали великолепные манеры и свободное владение английским языком. «Он был

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

хорошим спортсменом, борцом, охотником и превосходным наездником, а также по-клоунником хороших сигар, тонких вин, оперы и музыкальной комедии, обладал сильным и глубоким певческим голосом. Хотя он не был особенно пластичным танцором, он демонстрировал нечеловеческую выносливость на танцевальном полу, с легкостью увлекая небольшую армаду воркующих от восхищения американок в поистине марафонские кадрили, вальсы и галопы», – пишет американский историк Сюзанна Масси. Прелестные американки, конечно, прознали о его несчастной любви и прониклись состраданием к горестям красивого принца, преисполнившись надеждами, что сумеют вернуть его к жизни. Но великий князь держался скромно, вольностей себе не позволяя и, отчитываясь перед матерью, сообщал: «Что касается моего успеха у американских дам, о котором так много написано в газетах, я могу честно сказать,

Бал в честь
великого князя
в Бостоне.
Декабрь
1871 года

что это полная чепуха. Они смотрят на меня с самого начала, как на дикое животное, крокодила или другого зверя...»

Его шестинедельное турне по Америке было насыщенным: он побывал в 34 городах, встречался с президентом Улиссом Грантом в Белом доме и преподавателями различных университетов, посещал военно-морские верфи, крепости, мэрии,

официальные приемы, пышные балы, парады, театральные постановки, выслушивал проникновенные тосты и хвалебные речи о России, «самом преданном и непоколебимом друге Америки». Великому князю рукоятели Нью-Йорк, Филадельфия, Бостон. Публика одевалась «а-ля Алексей» и носила галстуки и трости в его стиле. Рождество он встречал в засне-

Вашингтон,
Белый дом.
Президент США
Улисс Грант
представляет
великому князю
миссис Грант

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

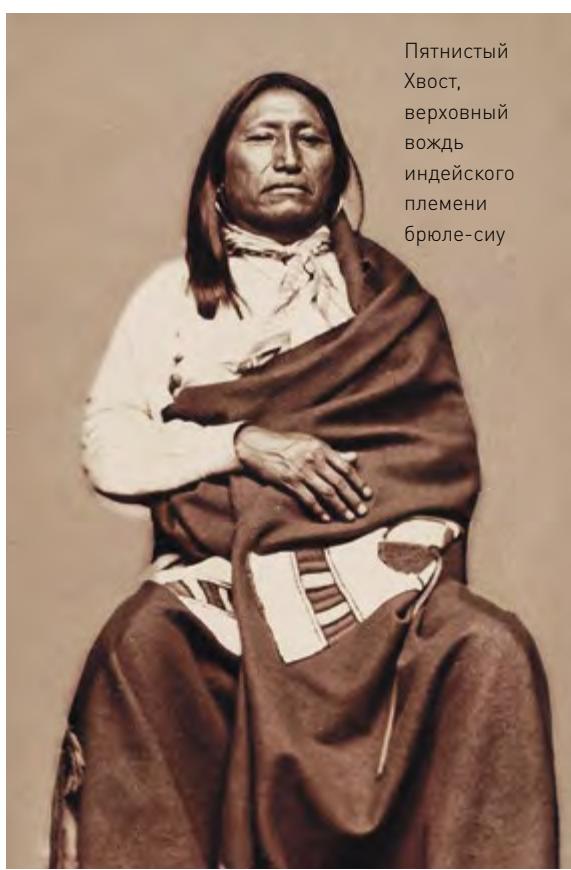

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

женном Буффало вместе с восхищенной 20-тысячной толпой во главе с бывшим президентом США, Миллардом Филлмором. Затем – краткий бросок в Канаду и дальше – на Средний Запад: Кливленд, Детройт, Чикаго. Великий князь не любил показух и помпезность, но содерживал себя: улыбался, обольщал, смеялся, восторгался и, конечно, жертвовал на благотворительность, выделив, например, мэру Чикаго Джозефу Медиллу 5 тысяч золотых рублей на восстановление города, уничтоженного октябрьским Великим чикагским пожаром. После недолгой остановки в Милуоки он направился к берегам Миссисипи – в знаменитый «город курганов» Сент-Луис, один из центров старой французской Луизианы, а оттуда на специальном поезде переехал в Омаху (штат Небраска). На всем пути перед ним расстилались бескрайние прерии Дикого Запада, поезд мчался по Великим равнинам, о которых мечтал любой русский мальчишка, читавший Фенимора Купера и Майн Рида. Здесь, в живом воплощении мира вестернов, великий князь Алексей словно воплощал их мечты. Над их реализацией американские власти поработали тщательно. В прериях полыхали ожесточенные войны с племенами сиу, шайеннов, кайова, команчей,

арапахо и апачей. Несмотря на договор о разграничении территории, заключенный с вождями могущественных сиу в форте Ларами в 1868 году, гарантировать полную безопасность августейшего путешественника было невозможно – индейцы могли атаковать белых в любой момент. Летом 1871 года президент Грант начал готовить ви-

Великий князь на грандиозном балу, устроенном в его честь офицерами Военно-морского флота США. Бруклин. Декабрь 1871 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

зит князя Алексея и раскурил трубку мира в Белом доме с одним из верховных вождей брюле-сиу, величественным Пятнистым Хвостом. Мудрый вождь не побоялся совершить долгое путешествие в Вашингтон и войти в большой каменный дом, а ведь многие индейцы полагали, что эти здания – просто груды камней, которые могут обрушиться в любой момент. В итоге Пятнистый Хвост добился разрешения для своего племени покинуть резервацию и вернуться на старые охотничьи угодья, чтобы с помпой встретить царственного гостя.

Грант распорядился приставить к великому князю почетный военный эскорт, включавший негритянский военный контингент. Приказал организовать для него охоту на бизонов – по мнению американцев, русские просто не поняли бы, если Алексея Александровича лишили бы такого «удовольствия». Этим занялся генерал Филип Генри Шеридан, прославившийся в Гражданскую войну и известный своими жестокими карательными рейдами против индейцев. Его называли «Американский Мюрат» и «Маленький Фил». Именно ему принадлежит знаменитая фраза: «Единственный хороший индеец, которого я когда-либо видел, был мертвым». Шеридан подключил к делу полковника Джорджа Армстронга Кастера – человека безрассудной отваги, ставшего в Гражданскую войну национальным героем. В январе 1872 года в стан Пятнистого Хвоста двинулись 25 фургонов с продовольствием, одеялами, котлами, топорами, табаком и одеждой, а на землях сиу в излучине Красной Ивы спешно возводился лагерь «Алексей» – штаб охоты «великого герцога», куда из Чикаго везли роскошную мебель, ковры и припасы. Но нужно было еще раз убедиться в готовности сиу: покажут ли индейцы, как они убивают бизонов, и готовы ли они устроить в честь князя большой военный танец? Переговоры с

ИСТОРИЯ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

индейцами были поручены легендарному разведчику и охотнику Уильяму Фредерику Коди, известному как Баффало Билл. Он незамедлительно отправился в долину Красной Ивы: «Погода была очень холодной... и я подвергал себя огромной опасности, так как среди сиу у меня было много врагов. Я развел костер, но из-за холода так и не смог заснуть. На рассвете я заметил свежие конские следы и по разбросанным тушам буйволов, по-видимому, убитых на кануне, понял, что нахожусь совсем близко от стана Пятнистого Хвоста. Я проехал еще несколько миль, и, спешившись, укрыл лошадь в низовье оврага, а затем ползком взобрался на вершину холма, откуда мне открылась вся местность на 4–5 миль вокруг. Дождавшись сумерек, я незаметно пробрался в индейский лагерь и, обмотав голову одеялом, чтобы было невозможно понять, белый я или краснокожий, нашел вигвам старого вождя и заглянул внутрь. Он возлежал на каких-то одеждах и сразу меня узнал... Я рассказал ему, что в Америке гостит большой вождь, который приехал к нему, преодолев большую воду, и что генерал Шеридан был бы очень признателен, если бы Пятнистый Хвост встретил его гостеприимно». Согласие было получено.

К полудню 12 января 1872 года Алексей Александрович и генерал Шеридан прибыли в охотничий лагерь. Их встретил Пятнистый Хвост, облаченный по такому случаю в военный мундир, и дружелюбно протянул «герцогу Алексею» руку. Атмосфера сложилась самая дружеская: шесть сотен индейцев, январский морозец, шампанское, тушеный кролик, филе бизона с грибами, стейк из оленя, отбивные из антилопы, пляски. Разодетые в праздничные наряды и раскрашенные сиу повергли великого князя в восхищение: он как завороженный следил за танцами, аплодировал мастерству верховой езды молодых индейцев, честно при-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

К. Бодмер.
Индейцы
охотятся
на бизонов.
1832–1833 годы

знувшись, что видел подобное только у донских казаков. Он раскрепостился и даже, по уверениям Баффало Билла, при ударил за краснокожей красоткой. «Ночь прошла приятно, и все разошлись, строя надежды на успешную охоту на бизонов. Герцог Алексей много рас-

спрашивал меня о том, как мы стреляем в бизонов, какое ружье или пистолет мы используем, и хорошую ли лошадь ему дадут. Я сказал ему, что у него будет мой знаменитый охотничий скакун Буланый Джо и, когда мы въедем в стадо бизонов, ему останется только крепче сидеть в седле и стрелять».

Так все и произошло. Первые выстрелы прошли мимо цели, но затем, получив от Баффало Билла легендарную винтовку «Лукреция Борджия», «герцог Алексей» был без промаха. Солнце уже садилось за горизонт, когда вся компания вернулась в лагерь подсчитывать трофеи. Добытый великим князем бизон оказался самым большим, с него тотчас сняли шкуру, и «королевский путешественник в своих путешествиях по миру, несомненно, часто отдыхал на этом охотниччьем трофее с равнин Америки». Во время пиры Алексей Александрович к восторгу собравшихся объявил, что ровно два года назад добыл своего первого медведя.

День рождения великого князя 14 (2) января прошел еще масштабнее: никто из праздновавших потом не мог вспомнить, сколько они опустошили ящиков шампанского. Американцы утверждали, что целое море,

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Великий
князь Алексей
и Джордж
Армстронг
Кастер
(1839–1876)

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

в котором мог бы свободно плавать русский флот. Алексей Александрович щедро раздавал подарки, пожаловав Баффало Биллу шубу, кошелек с золотыми монетами и бриллиантовую

заколку. Полковника Кастера он одарил золотыми запонками, а Пятнистого Хвоста и всех его людей – превосходными охотничими ножами с рукоятками из слоновой кости и мешка-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Великий
князь Алексей
во время охоты
на бизонов.
Гравюра из
«Иллюстриро-
ванной газеты
Фрэнка Лесли».
3 февраля
1872 года

ми с серебряными долларами. В финале праздничного действа «герцог Алексей» взял на себя миссию миротворца и настоял, чтобы генерал Шеридан и Пятнистый Хвост раскурили трубку мира. А затем, погрузившись в поезд, долго носил «Маленько-го Фила» по всем вагонам.

Впереди его ждали плавание на теплоходе по Миссисипи («Река скучная, Волга лучше», – телеграфировал он отцу), Денвер, Топика, Мемфис, Новый Орлеан и, наконец, Пенсакола. Здесь закончилось его американское турне.

Яркость и блеск путешествия оставили в тени важную часть поездки – технологическую. Вновь, как и во время плавания по Белому морю, великий князь пошел по пути, проложенному царем Петром и Великим посольством. Пока он становился на великосветских раутах и охотился на бизонов, незаметно для чужих глаз шла кропотливая работа: оставшиеся в Нью-Йорке моряки и инженеры знакомились с новейшими технологиями военно-морского и инженерного дела: логистикой морских портов, судостроительными верфями и доками, строительными и оружейными заводами, усваивали тонкости выполнения заказов российского правительства, размещенных в различных американских компаниях. В той же, например, знаменитой, но оказавшейся на грани банкротства компании «Смит энд Вессон», спасенной благодаря поставкам в Русскую армию 20 тысяч новейших револьверов 44-го калибра с автоматической системой смазки. Алексей Александрович в декабре 1871 года посетил ее фабрику в Спрингфилде и с преподнесенным ему новейшим револьвером «Смит-Вессон» III образца скакал по прериям...

В Пенсаколе его уже ждали русские корабли. 11 февраля на «Светлане» «великий герцог» отправился в испанскую Гавану, а затем, обогнув мыс Горн, – к берегам Японии и далее, на Дальний Восток. После

через Сибирь вернулся в родной Петербург. Во время плавания в каюте «Светланы» он и написал, а затем уничтожил последние страницы своего дневника. Что было в них написано, мы, скорее всего, никогда не узнаем. Вспоминал ли он поездку в США, делился ли своими переживаниями от разлуки с Жуковской, думал ли о своем родившемся в ноябре 1871 года внебрачном сыне Алексее? Во время плавания он признался Посьету, что «считает долгом совести жениться на женщине, у которой отнял все. Я могу плавать год, два, три или пять, но после этого все-таки должен исполнить то, что требует совесть». Однако исполнить этот долг он так и не сумел. По иронии судьбы потомки великого князя нашли приют как раз в США: супруга графа Алексея Алексеевича Белёвского, княжна Мария Трубецкая, эмигрировала из России, сын великого князя остался на родине, работал биологом и был репрессирован в 1931 году в Тбилиси.

ВТОРОЙ ВИЗИТ

В 1877 году Алексея Александровича ждало новое свидание с США. За пять лет многое изменилось. Не было уже в живых генерала Кастера: его застрелили индейцы сиу в 1876 году у Литл-Бигхорна. Баффало Билл отомстил за своего павшего командира, собственно ручно умертвив и сняв скальп с его убийцы, шайенна Желтые Волосы.

Как и в свой первый визит, великий князь был встречен в Нью-Йорке овациями. Адмирал Посьет вспоминал, что местный театр, где в честь князя устроили роскошный бал, украшали две большие картины: на одной был во весь рост изображен император Александр II в гусарском мундире, перед ним, склонившись, стояла семья крестьян, благодаривших «за освобождение из крепостного состояния; на левой изображен был президент Линкольн, тоже во весь рост, в статском

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Капеллан флагманского корабля в гавани Норфолка на Крещение окропляет святой водой великого князя Алексея. Январь 1877 года

сюртуке и пред ним несколько негров, равным образом выражавших свою признательность за освобождение из невольнического состояния». К сожалению, Посьет не назвал, а может быть, и не знал, имени художника. Неизвестно, где картина хранится сегодня – упоминание о ней осталось лишь в одном из дел личного фонда императора Александра II в Государственном архиве Российской Федерации.

Вместе с Алексеем Александровичем в США прибыл его младший двоюродный брат, великий князь Константин Константинович, знаменитый в будущем поэт «К.Р.». В своих бумагах он также описывал детали визита, и в частности посещение Белого дома: «6/18 апреля... в 1|2 12-го мы поехали в White House сделать визит президенту Соединенных Штатов. Мы были в полной форме не одни, а с посланником и секретарями. Evarts, министр иностранных дел (Secretary of the State Department) встретил нас на подъезде Белого дома... Он повел нас во внутренние комнаты. В одной из них, ротонде с голубой мебелью, мы увидели мужчину небольшого роста, довольно полного, в черном сюртуке; это Президент Hayes. Лицо его радушно и улыбается. Рот закрыт усами и бородой рыжеватого с проседью цвета; сверх большого выпуклого лба его седоватые волосы, спущенные с боков до половины. Президент был не один, он был окружен министрами... Hayes подал руку Алексею, но не просил садиться, а стоя вел весь разговор с ним и потом со мной и с другими. Алексей представил ему адмирала и всю нашу компанию, и затем зашел обыкновенный в подобных случаях разговор: президент спра-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

шивал, в первый ли раз Алексей в Америке, доволен ли этой страной, осведомлялся о здоровье государя и выразил желание, чтобы Алексей оставил хорошую память об этой стране. Затем, когда Алексей заговорил с другими министрами, президент говорил со мной. Он и меня спрашивал, в который раз я в Америке, узнавал о числе наших судов в Соединенных Штатах и о том, много ли судов плавают вне русских пределов, и о Кронштадте. <...> Everts опять проводил нас до кареты, и мы вернулись прямо домой. В половине пятого президент отдал визит; это небольшой improvement: Grant никогда и никому [не] отдавал визитов, даже императору Бразильскому...

Пребывание князей в Нью-Йорке омрачила Русско-турецкая война. В письме 16 апреля императрице Марии Александровне Алексей Александрович писал: «В последние дни почти во всех американских журналах появились статьи против нашей эскадры. Они говорят, что мы не имеем права стоять в их портах, так как они нейтральны и, кроме того, наше присутствие мешает и пугает торговлю. Правительство еще ничего об этом не заявляло». 2 мая эскадра покинула теперь уже не столь гостеприимные берега США.

«ПОРА И ЧЕСТЬ ЗНАТЬ»

Так великий князь Алексей вписал свое имя в историю русско-американских отношений. По распространенному мнению, после визитов в США его жизнь словно сместилась на другой вектор: обильные возлияния, разврат, бесконечные любовные интрижки и кутежи постепенно превратили жизнерадостного, любвеобильного и полного сил человека в обрюзгшего и тяжело больного жуира, всем видом своим словно бы символизировавшего глубокий кризис, переживаемый династией Романовых. Но поострежемся делать столь по-

К.Е. Маковский.
Портрет
великого
князя Алексея
Александровича

верхностные заключения, тем более что далеко идущие выводы о параллелях между судьбой отдельного человека, будущим страны и династии выглядят по меньшей мере легковесными. В конце концов генерал-адмирал и руководитель Военно-морских сил Российской империи в период масштабного технологического поворота к строительству броненосных кораблей был не единственным, кто отвечал за судьбы флота и империи. Только ли великий князь Алексей повинен в разбазаривании финансов, масштабной коррупции, логистических просчетах, которые в конечном счете привели к страшной Цусимской катастрофе? В воспоминаниях же членов династии Романовых и многих русских аристократов великий князь Алексей, пусть и со всеми его слабостями, так и остался «добрый малым», словно бы сошедшим со страниц романов Александра Дюма: обаятельный, добрейшей души человеком, воплотившим, по словам его племянника, великого

князя Кирилла Владимировича, «тип старинных русских героев». В своих записках великий князь Сергей вспоминал разговор с Николаем II 25 мая 1896 года: император неожиданно признался, что наследника хотел бы назвать в честь «любимейшего» дяди Лёли (а не царя Алексея Михайловича, как многие полагают): «Ники мне сказал, если сын – Алексей, если дочь – Татьяна». Обычно сдержаненный, Николай II глубоко переживал отставку генерал-адмирала, и 30 мая 1905 года оставил в своем дневнике горькую запись: «Сегодня после доклада дядя Алексей объявил, что он желает уйти теперь же. Ввиду серьезности доводов, высказанных им, я согласился. Больно и тяжело за него, бедного!»

Одно из последних воспоминаний о великом князе Алексее оставил его двоюродный племянник, князь императорской крови Гавриил Константинович: «Возвращались мы из Павловска в одном вагоне с великим князем Алексеем Александровичем. Он ехал в Царское Село на обед и оставался там ночевать. Мы всю дорогу разговаривали. Дядя Алексей был очень с нами мил. Почему-то, между прочим, мы говорили о Чехове. Я тоже помню, что дядя Алексей сказал, что в жизни следует все испытать. Он был очень похож на своего брата, Александра III, но красивее его»...

Незадолго до кончины великий князь Алексей Александрович достал заброшенный на долгие годы «журнал». Долго читал его, вспоминал минувшее. А затем записал: «Хотя еще не инок, но старец Алексий. Мне стукнуло 57 лет, скоро пора и честь знать! Довольно, давно довольно! Слишком много горя, гадости и грусти вижу вокруг себя». 14 (1) ноября 1908 года он скончался в Париже. Не законченный им дневник долгие годы был никому не известен. Неизвестным остается и сам великий князь – забытый и непонятый. ●

РОЗА ЕЛИЗАВЕТЫ И КРЕСТ МАРИИ

АВТОР

АЛИНА ГРИН

ОНА ЛЮБИЛА АНАПУ ЗА БУШУЮЩЕЕ МОРĘ,
СТЕПНЫЕ ПРОСТОРЫ, ЗОЛОТО ДЮН, КРИКИ
БАКЛАНОВ НАД СКАЛИСТЫМИ БЕРЕГАМИ. ЗДЕСЬ
ОНА ПРЕДСТАВЛЯЛА СЕБЯ СКИФСКОЙ ЦАРЕВНОЙ,
ПЕРЕЖИЛА МУКИ НЕРАЗДЕЛЕННОЙ ЛЮБВИ,
ОСОЗНАЛА НЕРАЗРЫВНУЮ СВЯЗЬ С РОССИЕЙ
И ПРИШЛА К ПОНIMАНИЮ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ
КАК ПОМОЩИ ЛЮБОМУ ЧЕЛОВЕКУ.

В СОЛНЕЧНОМ ЧЕРНО-
морском городе отношение к героине французского Сопротивления, преподномученице матери Марии (Скобцовой), особое. Здесь живет память о ней как о талантливой Лизе Пиленко, наследнице знаменитой семьи, основа-

тель которой посадил первую виноградную лозу на Кубани. В Анапе помнят ее и как поэтессу Серебряного века Елизавету Караваеву-Кузьмину. А еще анапчане благодарны ей – отважной градоначальнице, в революционное лихолетье вставшей на защиту горожан.

ВОЗВРАЩЕННЫЕ ИМЕНА

Старейший сотрудник Анапского археологического музея и его первый директор, Зоя Николаевна Лемякина, помнит, как в середине 1950-х годов пришла работать в тогда еще краеведческий музей. Выпускнице истфака Ростовского университета доверили возглавить отдел современной истории, который назывался «советским» и считался передовой идеологической фронта. События революции и Гражданской войны тогда подавались в соответствии с курсом истории КПСС.

При музее работала историко-революционная секция. На ее собраниях участники событий революционных лет зачитывали и обсуждали свои воспоминания. Зоя курировала эту секцию и скоро поняла, что годы репрессий приучили людей не распространяться о том, как все происходило на самом деле. Но однажды от одного из ветеранов она услышала о Елизавете Юрьевне Караваевой-Кузьминой (Пиленко), которая в 1918 году почти два месяца исполняла обязанности городского головы, пока власть в городе окончательно не перешла в руки большевиков.

В 1970-е годы в СССР стали появляться материалы о матери Марии. Стало известно о ее жизни за рубежом, монашеском постриге, самоотверженном спасении людей в оккупированном гитлеровцами Париже и гибели в печах Равенсбрюка за месяц до окончания войны. Кинорежиссер Сергей Колосов в 1982 году снял о ней фильм с народной артисткой Людмилой Касаткиной в главной роли. В 1985-м Елизавету Юрьевну посмертно наградили орденом Отечественной войны 2-й степени. Стали доступны ее

Экспозиция мемориального зала матери Марии в Анапском археологическом музее

литературные, публицистические и богословские сочинения. Выяснилось, что дед поэтессы – Дмитрий Васильевич Пиленко, потомственный казак, выбравший, несмотря на свою профессию горного инженера, военную стезю, – после окончания Кавказской войны был первым начальником Черноморского округа, который образовали на территории от Анапы до Батуми. Генерал-лейтенант Пиленко застраивал Анапу и Новороссийск, начал развивать виноградарство и виноделие на Кавказском побережье. Отец Лизы Юрий Дмитриевич, юрист по образованию, после смерти Дмитрия Васильевича продолжил дело отца: вино и консервированные фрукты семьи Пиленко получали награды на престижных выставках. 21 декабря 1991 года в Анапе торжественно отметили столетие со дня рождения Елизаветы Юрьевны и открыли посвященный ей памятник: к остроугольному камню прислонен большой бронзовый крест. На камне выгравированы строки из стихотворения поэтессы: «Нет, Господь, я дорогу не мерю, // Что положено, то и пройду». Памятник установили вблизи морского порта в сквере, который прежде назывался в честь генерала Пиленко, – рядом стоял его городской дом.

Много лет Зоя Лемякина собирала книги с автографами Елизаве-

ты Юрьевны, рисунки, фотографии, документы. Люди отдавали вещи из личных архивов, желая увековечить память о замечательной женщине. Встал вопрос о создании мемориального зала матери Марии. Зоя Николаевна настояла, чтобы он размещался в здании музея рядом с раскопом античного города Горгиппия. В этот дом Лиза приходила к своим родственникам... С детства воображение Лизы занимали древние курганы, высившиеся на просторах побережья. Два стояли прямо у ворот дома, где прошло ее детство. Неслучайно первая поэтическая книжка Елизаветы Юрьевны, изданная в Петербурге в 1912 году, называлась «Скифские черепки». В стихах курганская царевна – alter ego Лизы – борется с врагами, преодолевая выпавшие на ее долю испытания. Поэтические строки перекликаются с образами богов, людей, зверей и птиц из погребального инвентаря каменных склепов, которые археологи находили в курганах. В экспозиции показаны эти параллели.

Юрий
Дмитриевич
Пиленко,
отец Лизы

ТОЧКА ОТСЧЕТА – АНАПА

Лиза родилась в декабре 1891 года в Риге, где Юрий Дмитриевич Пиленко служил помощником прокурора. В 1895 году семья перебралась в Анапу: Юрий Дмитриевич вступил в наследство после смерти своего отца. От него остались два поместья, которые генерал Пиленко устроил на 2500 гектарах земли, полученных за верную службу. Хан Чокрак («Золотой родник» в переводе с адыгского) был первым и самым любимым детищем Дмитрия Васильевича, где он завещал себя похоронить. Здесь он посадил 8 тысяч саженцев фруктовых деревьев и по 500 черенков винограда сортов рислинг и португизер, привезенных из Франции. Растения прижились. В 1882 году, выйдя в отставку, Дмитрий Васильевич основал неподалеку от Анапы еще одно имение – Джемете. Там он тоже посадил виноград и снова получил прекрасный урожай. Лизе было неполных 4 года, когда она вместе с отцом, мамой Софьей Борисовной и младшим братом, Митей, оказалась в Анапе. Вечно волнующее море, песчаные дюны, мир плавней и лиманов стали для нее образами, определяющими понятие родины. А похожий на средневековый замок Джемете, из окон которого с одной стороны было видно море, а с другой –

степные просторы, превратился в родной дом. В 1905 году Юрия Пиленко назначают директором Императорского Никитского ботанического сада и семья переезжает в Ялту, где Лиза поступает сразу в четвертый класс гимназии и оканчивает его. Но уже весной 1906 года Юрий Дмитриевич лишился постов директора Никитского ботанического сада и директора Училища садоводства и виноделия из-за поддержки революционных выступлений студентов. Новая должность ждала его в Петербурге, семья готовилась к переезду, но в июле Юрий Дмитриевич скоропостижно скончался. После похорон Софья Борисовна продает часть семейных земель и уезжает с детьми жить в Петербург. В столице Лиза в 1909 году оканчивает гимназию с серебряной медалью и поступает на историко-филологический факультет Бестужевских курсов. Но каждое лето Лиза с мамой и братом возвращалась в Анапу, где морские соленые брызги на губах воспринимались как вкус свободы. Дом в Джемете в семье называли «сады». Позже Елизавета Юрьевна переименовала его в «Дженет» – от арабского «джаннат», что означает «рай».

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

В мемориальном зале матери Марии висит портрет Александра Блока. В начале 1908 года Лиза увидела его на литературном вечере и решила, что это именно тот человек, который знает ответы на мучившие ее после смерти отца вопросы: почему умирают самые достойные люди и есть ли Бог, если мир так несправедлив? Она нашла адрес поэта, пришла к нему, но не застала его дома. Пришла еще раз, потом еще – снова не застала и осталась ждать. Когда он появился, сумбурно высказала все, о чем думала, бродя по окраинам не любимого ею туманного «рыжего» Петербурга. Итогом той беседы стало знаменитое стихотворение Блока «Когда вы стоите на моем пути, такая же-

Старшая дочь Елизаветы Караваевой-Кузьминой, Гаяна, которая умерла в СССР в 1936 году

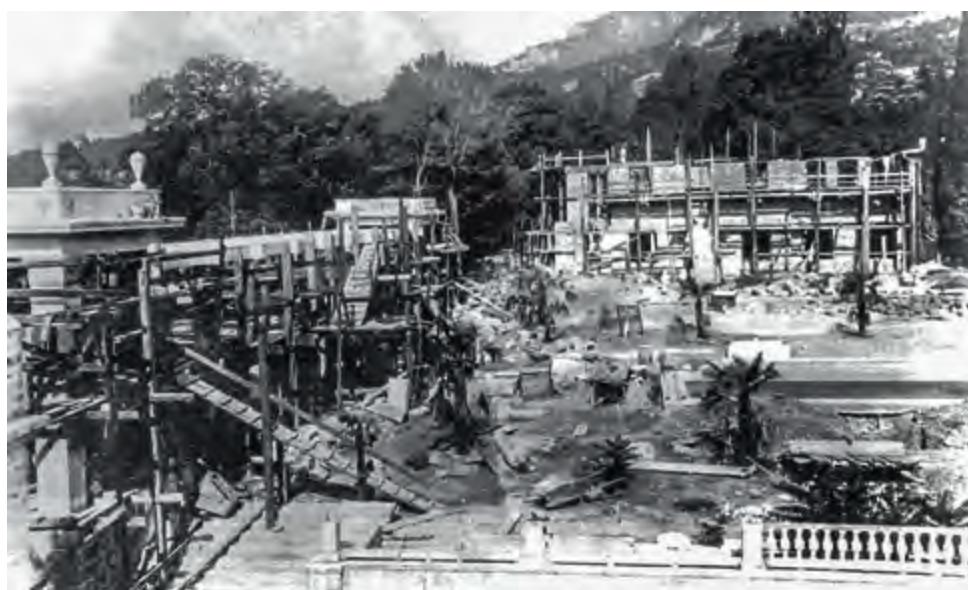

Александр Блок. 1907 год

вая, такая красивая, но такая измученная...». Он посоветовал Лизе влюбиться «в простого человека, который любит землю и небо больше, чем рифмованные и нерифмованные речи о земле и небе» и обозначил невозможность взаимного чувства. Лиза получила это стихотворение по почте с напутствием найти свой путь и бежать «от нас умирающих». Послание она разорвала. Негодование подростка вызвало то, что этот «все понимающий» человек воспринял ее, как ей тогда показалось, как девочку. В год 15-летия со дня смерти поэта уже монахиня Мария напишет в своем очерке «Встречи с Блоком» про то самое первое свидание: «Это было событие, после которого я стала взрослым человеком... Он вошел в мое сердце и не вышел уже никогда».

В 1910-м они встретились вновь. В этот год Лиза вышла замуж за юриста и историка Дмитрия Караваева-Кузьмина. Ей нравилось, что Дмитрий состоял в партии РСДРП и одно время занимался подпольной работой. Он разбирался в литературе и искусстве, сам в студенчестве писал стихи, общался с литераторами. Он же ввел Лизу в «Башню» философа Вячеслава Иванова. В этом утонченном интеллектуальном обществе черноморская царевна ощущала себя варваром. Муж представил ее Блоку. Поэт узнал ее, а она почувствовала неловкость за свой спонтанный визит двухлетней давности. Встречаясь на разных вечерах, они почти не общались, но Лиза была уверена, что многие вещи им представляются одинаково. Блок навсегда стал для

Никитский ботанический сад. XIX век

нее непререкаемым авторитетом, человеком «обнаженной зрячей души», который нуждается в защите – ее, Лизиной защите. В очерке «Встречи с Блоком» она называет его своим самым близким и самым недостижимым человеком.

Весной 1913 года Караваева-Кузьмина уезжает в Анапу. Петербургская жизнь ее гнетет, отношения с мужем разладились. В октябре она рожает dochь, которую назвала Гаяна – земная. «К земле как-то приблизилась – и снова человека полюбила...» – пишет она в ноябре Блоку. Это было первое письмо, в котором она отважилась рассказать ему о своей безраздельной любви, об одиночестве, тоске и обретении близкого человека, с которым решилась соединить свою жизнь. Кто был этот «земной человек» – отец Гаяны, – осталось ее тайной.

Лиза писала Блоку, не надеясь на ответ. Но он прислал короткое письмо: верит ее словам, благодарит, целует руки, просит думать о нем. Осенью 1914 года Лиза приезжает в Петербург, они почти каждый вечер встречаются у Блока дома и говорят до утра. Но однажды он прекратил эти встречи. Почему Блок не ответил на Лизину любовь? Может быть, она не походила на «Прекрасную Даму»? Поэту не понравились ее «Скифские черепки». Она отправила ему рукопись своей второй поэтической книги, «Дорога». Он сделал множество замечаний, и Лиза не стала ее публиковать. Книга вышла в свет лишь в 2000 году... Летом 1916 года Блок пишет с фронта Лизе о скуче на войне и ее любви. Она хотела немедленно отправиться его искать, но не решилась: не знала, хочет ли он ее видеть.

Последнее письмо Елизаветы Юрьевны Александру Блоку датируется маем 1917 года. Свое чувство к нему она пронесла через всю жизнь. В лагере смерти Равенсбрюк мать Мария читала узницам стихи русского поэта, помогая сохранить самое необходимое – желание жить.

Елизавета
Караваева-
Кузьмина.
1914 год

Стихи и рисунки
матери Марии.
Сборник
1936 года

НА ЗЕМЛЕ

Иногда в Анапу из Петербурга и Москвы приезжали друзья. В Джемете не раз гостили Александр Толстой и его жена, художница Софья Дымшиц. Уроки Софии Исааковны помогли раскрыть художественный дар Елизаветы Юрьевны. Ее работы, главным образом на библейские темы, созданы в технике энкаустики. Свои картины Караваева-Кузьмина щедро раздаривала, и, к сожалению, сегодня в музеях и частных коллекциях хранится лишь малая часть ее произведений. Любимое время года Лизы – осень. Когда урожай был собран и обработан, она бродила по берегу бушующего моря, скиталась по плавням, охотилась на уток в лиманах. «Долой Петербург, культуру, Башню, философию!» – писала она, вспоминая то время. Однако эта жизнь – только внешняя сторона той внутренней работы,

которая не прекращалась в ней никогда. «Я суща с днями, но это все нарочно, – делится она в письме Блоку. – И виноделие мое сейчас – все нарочно... Я хочу на долгое время уйти от самой себя, от пути, который мне близок... Я узнала, что не только свободно создаю свою жизнь, но и свободно выплываю душу свою, ту, которая будет в минуту смерти. И для ее жизни надо, чтобы было много бездольности, грехов, падений». Лизе «хотелось подвига, гибели за всю неправду мира». Она «мечтала встретить настоящих революционеров, которые готовы пожертвовать каждый день своей жизнью за народ». Позже она повторит слова Победоносцева, что «настоящие дела – ближние, малые, незаметные. Подвиг всегда незамечен, он не в позе, а в само-пожертвовании, в скромности». В эти годы она изучает богословие и даже сдает экзамены в Петербургскую духовную академию. Делает это «для себя» – женщины быть богословами тогда не могли. В 1915 году Караваева-Кузьмина опубликовала религиозно-философскую повесть «Юрали». Ее главный герой – поэт, странник, проповедник, мудрец, который как бы примеривает на себя евангельский путь Христа и определяет нравственные критерии, с которыми следует относиться к жизни и к поступкам людей. В 1916 году выходит ее поэтический сборник «Руфф». Библейское предание о чужестранке Руфи, ставшей праматерью царя Давида, превращается в страстную исповедь героини, которая хочет на очищенной от «темной плоти» земле «нести свой подвиг» в преддверии грядущих перемен.

ГРАДОНАЧАЛЬНИЦА

Февральскую революцию Елизавета Юрьевна восприняла с энтузиазмом. Будущее России представлялось ей как счастливая жизнь народа, создающего новое общество на христианской основе. Она добровольно передала казакам в безвозмездное пользование более 60 гектаров своих земель и дедовский дом, где долгие годы потом располагалась школа.

Весной 1917 года Караваева-Кузьмина вступает в партию эсеров. Этот шаг определил драматическую эпопею ее участия в революционных событиях, закончившуюся эмиграцией. В очерке «Как я была городским головой», написанном в середине 1920-х годов, Елизавета Юрьевна обстоятельно и с юмором рассказывает, как после Февральской революции менялась жизнь в маленькой тихой Анапе. Поначалу далекие от политики обычные жители «решаютнести свой вклад в дело революции»: проходят митинги и заседания, создаются профсоюзы и общества, а также гражданский комитет – новый общественный орган. Караваева-Кузьмина с увлечением участвует в этом. Она избирается в обновленную, «демократическую» городскую думу, где большинство составляли эсеры.

К началу 1918 года в городе был только один большевик – бывший городской голова, которого воспринимали как комическую фигуру. Но на Рождество большевики появились: с фронта вернулись местные парни, распространявшие агитаторами. Возобновились митинги. В словах приехавших было много правды о положении народа, но у них не было лидера. Но в конце января он появился. Из Новороссийска, где уже работали большевистские комитеты, приехал Павел Иванович Протапов – профессиональный революционер, заработавший чахотку в тюрьмах и ссылках. Первый митинг под его председательством постановляет создать военно-революционный комитет. Новый комитет и военизирован-

Елизавета
Караваева-
Кузьмина
в имении
под Анапой

ная рота при нем берут банк, почту, телеграф, телефон, типографию, национализируют другие городские учреждения и частные предприятия. Елизавета Юрьевна баллотируется на должность помощника городского головы, она хочет контролировать отделы здравоохранения и образования и не дать разграбить имущество. В конце февраля действующий городской голова подает в отставку, и Караваева-Кузьмина избирается на его место. Теперь она полностью отвечает за городское хозяйство и ведет борьбу с большевиками, по ее выражению, лицом к лицу. У Караваевой-Кузьмины и Протапова много общего: они почти ровесники, оба родились в Риге. Но они стоят по разные стороны баррикад. Елизавета Юрьевна называет Протапова «романтическим диктатором». Жесткость

его политики (один из героев ее повести «Равнина русская» говорит об этой политике так: «Закон наш на конце штыков») не затмила его способности быть по-своему рыцарем. «Мое положение было достаточно прочным, и я могла многое добиваться, главным образом потому, что я – женщина, – вспоминала Караваева-Кузьмина. – Большевистски настроенная масса в самом факте существования городского головы-женщины видела такую явную революционность <...> что самым фактом этим покрывались, с их точки зрения, контрреволюционные мои выступления». За смелость ей прощалось то, что большевики не простили бы ни одному мужчине. «Если я в результате какого-нибудь спора с Советом чувствовала, что дело идет к моему аресту, я заявляла: «Я добьюсь, что вы меня арестуете», на что горячий и романтический Протапов кричал: «Никогда. Это означало бы, что мы вас боимся».

Через две недели после избрания Елизаветы Юрьевны градоначальницей городская дума складывает свои полномочия. Работа управы парализована. «Сначала это положение заставило меня задуматься о целесообразности моего пребывания на посту городского головы. Я было хотела уйти. Но потом дела иного порядка заставили меня остаться».

Богородица.
Рисунок
матери Марии

НА ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН

В очерке «Как я была городским головой» Караваева-Кузьмина рассказывает, как помогала женщинам из Союза жен фронтовиков и однажды построила их по десять в ряд, чтобы идти в захваченное большевиками казначейство требовать выдачи пособия. Она помогала беженцам, спасала учителей, которых большевики арестовывали за «контрреволюционные высказывания», спасала людей от расправы.

Как-то из Новороссийска прибыла делегация матросов Черноморского флота, потребовавшая у Протапова выплаты контрибуции в 20 тысяч рублей. Он созвал митинг. Когда гости огласили свое требование, Елизавета Юрьевна попросила слова, ударила кулаком по кафедре и сказала: «Я хозяйка города, и ни копейки вы не получите». «Ишь, баба», – проговорил в наступившей тишине один из матросов. «Я вам не баба, а городской голова», – стукнула Елизавета Юрьевна кулаком еще раз. «Ишь, амазонка», – произнес тот же матрос. В результате присутствующие проголосовали против выплаты контрибуции. Матросы хохотали. Елизавета Юрьевна уже подумывала в целях личной безопасности уехать на несколько дней на виноградники, но к ней пришли просители и рассказали, что матросы привезли проскрипционный список: все бывшие городские головы Анапы подлежали утоплению. Они просили ее спасти людей. Караваева-Кузьмина встретилась с матросами. «Разговор был такой, что работала не голова, а перенапряженные нервы», – вспоминала Елизавета Юрьевна. Они щутили на тему «хорошей морской ванны», она пугала их наступающим на юг генералом Корниловым. Матросы дали обещание никого из списка не трогать. Но на следующий день она узнала, что черноморцы арестовали несколько человек и двоих – тех, кто не сумел откупиться, – вывезли на катере в море и утопили. Этот трагический случай Елизавета Юрьевна переживала очень тяжело.

В середине апреля Совет рабочих и крестьянских депутатов во главе с Протаповым упраздняет городскую управу, а ее членов делает комиссарами. Караваева-Кузьмина становится комиссаром по здравоохранению и образованию. Она заявляет о своем отказе работать от имени большевиков и уезжает в «сады». Через несколько дней, несмотря на приказ не выпускать ее из города, Елизавете Юрьевне удается ускользнуть в Новороссийск на губернскую конференцию эсеров, где ее избирают делегатом на 8-й съезд партии в Москву.

В Анапу она вернулась поздно вечером и решила переночевать у хорошей знакомой. В одиннадцать ночи женщины услышали взрыв и выстрелы. Оказалось, что накануне Протапов арестовал трех солдат, занимавшихся грабежами. Организаторы грабежей –

Распятие.
Рисунок
матери Марии

люди из военно-революционного комитета – испугались, что их раскроют, и решили убить Протапова. Покушение удалось: Протапов умер, не приходя в сознание. Следствие не проводилось. По решению собравшихся на митинг людей, троих грабителей расстреляли как главных виновников покушения...

В конце апреля Елизавета Юрьевна уехала на съезд эсеров в Москву.

СВОИ И ЧУЖИЕ

Елизавета Юрьевна не оставила воспоминаний о том, как по заданию руководства партии эсеров вела в 1918 году антибольшевистскую работу. Но в 1920-е она написала автобиографический роман «Равнина русская», где отчасти раскрывает размах действий, в которых участвовала, чтобы «спасти революцию». Герой повести Александр отправляется в Поволжье, где его единомышленники ждут чехословаков, чтобы вместе выступить против большевиков. Однако пока Александр пересекает линию фронта, белогвардейцы оказываются разгромлены, вооруженная борьба становится невозможной, и он видит только один путь изменить ситуацию – террор против лидеров большевиков. Его поддерживает сестра Катя, вместе с которой они готовят покушение на Гродского (Троцкого?). Но Катя, в отличие от брата, понимает терроризм не только как личный подвиг и жертву, но и как грех... В октябре 1918 года Караваева-Кузьмина возвращается в Анапу. Она пишет, что, «устав за полгода шатания по всей России, полгода риска и конспирации, сильно подумывала об отдыхе в своей тихой А.». Город еще в августе заняла Добровольческая армия Деникина. У нее нет сомнений, что она среди своих. Но то, чем она прежде занималась в управе, для белых выглядит преступным. В городе расправляются со всеми, кто так или иначе имел отношение к большевикам или участвовал в деятельности советов, созданных при Временном правительстве. Возле управы стоят

виселица. Казнены многие из ее знакомых. Работает чрезвычайный полевой суд, не остается без внимания ни один донос.

Заштитить Елизавету Юрьевну не смог даже брат Дмитрий – офицер и георгиевский кавалер. Караваеву-Кузьмину арестовывают по заявлению доктора Владимира Будзинского. Помимо комиссарства ей вменяется в вину инициатива экспроприировать его санатории под Анапой, а также подвалы винодельного общества «Капитал». Следующие полтора месяца она проводит в каталажке. Затем родным и близким удается добиться ее освобождения под залог и подписку о невыезде. И перенести рассмотрение дела в Екатеринодарский краевой суд. Заседание состоялось в марте 1919 года. Адвокаты предупредили, что ей грозит четырехлетний срок. На заседание по своей инициативе из Анапы приехали многие знакомые Караваевой-Кузьминой, чтобы выступить в ее защиту. По словам Елизаветы Юрьевны, их выступления «ярко рисовали ту панику, в которой находились при большевиках обыватели. Из-за этого общий тон показаний делал мою работу гораздо более героической и рискованной, чем она была на самом деле». Суд признал Караваеву-Кузьмину виновной в выдвинутых обвинениях, но квалифицировал ее сотрудничество с большевиками как вынужденное. Она была приговорена к двум неделям гауптвахты, а затем к амнистии.

В Екатеринодаре Елизавета Юрьевна знакомится с депутатом Кубанской краевой рады, членом кубанского правительства Даниилом Ермолаевичем Скобцовым. Это был выходец из бедной казачьей семьи, добившийся всего сам. Он окончил Кубанскую учительскую семинарию, преподавал в станице, потом учился в Московском университете на филологическом факультете. В Москве его захлестнули события Февральской революции, и он вернулся на родину строить новую жизнь. Даниил Ермолаевич стал для Елизаветы

Елизавета
Юрьевна
Скобцова
с детьми Настей,
Юрий и Гаяной.
Первые годы
эмиграции

Юрьевны тем самым «земным человеком», которого она когда-то хотела найти. Летом 1919 года они поженились. Теперь для поэтессы главным в ее жизни становится семья. С 1917 по 1923 год она почти ничего не пишет. Больше не привлекает ее и работа в партии эсеров. Елизавета Юрьевна убеждена: революция обернулась гибелью России, но это исполнение воли Божьей, искупительная жертва, которую принес русский народ во имя будущего всего человечества. В повести «Равнина русская» об этом много размышляют ее герои. Покушение на Гродского не состоялось, Александр арестован. А его сестра Катя после всех испытаний и разочарований становится странницей-богомолкой.

В ЭМИГРАЦИИ

В марте 1920 года Анапа взята Красной армией. Елизавета Юрьевна с Софьей Борисовной и Гаяной бегут в Новороссийск. Там им удается сесть на переполненный пароход, идущий в Поти. В Грузии в середине апреля у Елизаветы Юрьевны рождается сын Юрий. Со Скобцовыми, который эвакуировался из Екатеринодара, они встречаются весной в Тифлисе, но окончательно соединяются уже в Константинополе в конце 1920 года. В декабре 1922-го в сербском городе Сремски-Карловци у Скобцовых родилась дочь Анастасия. А в 1924 году семья окончательно осела в Париже.

Смерть маленькой Насти от менингита в 1926 году стала большим ударом для Елизаветы Юрьевны и подтолкнула ее к решению стать монахиней. 16 марта 1932 года в храме Сергиевского подворья при парижском Свято-Сергиевском православном богословском институте она приняла постриг и получила имя Мария в честь святой Марии Египетской.

В 1936 году мать Мария переживает еще одну личную трагедию: в СССР скоропостижно умирает Гаяна, уехавшая в 1935-м на родину по рекомендации Алексея Толстого.

Даниил
Ермолаевич
Скобцов

Преподобномученица
мать Мария (Скобцова). Икона

Мать Мария не затворилась в стенах монастыря. Она устраивала общежития и столовые для нуждающихся, находила еду, одежду, деньги для тех, кому они были необходимы, посещала учреждения для душевнобольных, открыла санаторий для туберкулезных больных, который позже стал домом престарелых. Елизавета Юрьевна не чуралась сама убирать в жилищах у своих подопечных, таскала мешки с провизией, которую жертвовали на рынке. Ее мало заботили собственные стоптанные мужские башмаки и заляпанная грязью ряса.

Когда гитлеровцы оккупировали Париж, мать Мария в своем приюте на улице Лурмель укрывала евреев, сбежавших советских военнопленных и французских подпольщиков, готовила документы для перевоправки их в безопасные места. Многие арестованные русские эмигранты получали от нее посылки в тюрьме. Три дня она провела на парижском велодроме, куда фашисты сгоняли евреев, чтобы переправить их в Освенцим. Отсюда в мусорных корзинах ей удалось вывезти четырех детей.

8 февраля 1943 года гестаповцы проводят на улице Лурмель обыск и арестовывают Юрия — сына матери Марии и одного из ее главных помощников.

На следующий день она сама приходит в гестапо: ее заверили, что тогда Юрия выпустят. Но обещание не было выполнено. Начинается последний, мученический путь матери Марии, закончившийся гибелью в газовой камере Равенсбрюка 31 марта 1945 года. Юрий погиб в концлагере Дора-Миттельбау в 1944 году...

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Сегодня мать Мария — национальная героиня Франции. В Париже есть улица Марии (Скобцовой), примыкающая к улице Лурмель. Здесь работает центр, занимающийся изучением и популяризацией ее наследия. На кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем ее могилы нет (место захоронения матери Марии неизвестно), но установлена памятная доска. В 2004 году мать Мария канонизирована Константинопольским патриархатом как преподобномученица. Израильский мемориальный центр «Яд-Вашем» присвоил ей звание «Праведник мира», ее имя увековечено на Горе Памяти в Иерусалиме.

Мать Мария.
Париж.
1930-е годы

Памятная доска
в Риге на доме,
где Елизавета
Юрьевна
родилась

Эмигрантам из России мать Мария запомнилась как подвижница и общественница. Она вела миссионерскую работу в Русском студенческом христианском движении, в котором состояли многие ученые и политики, высланные из Советской России на «Философском пароходе». В 1935 году она вместе с философами Николаем Бердяевым, отцом Сергием Булгаковым и литературоведом Константином Мочульским создает христианское общество «Православное дело».

За свои 50 с небольшим лет мать Мария словно бы прожила множество разных жизней. Николай Бердяев называл ее «новой душой» — поэтом, революционером и религиозным деятелем.

Время сладило противоречия и расставило новые акценты. Сегодня памятник основателю курорта Владимиру Будзинскому и памятный крест матери Марии стоят в центре Анапы в двух кварталах друг от друга. В Джемете, который превратился в застроенный отелями курорт, недавно появилась улица Семьи Пиленко...

В мемориальном зале Анапского музея мало подлинных вещей, зато почти каждый экспонат словно чудесный дар большого мира, переданный в благодарность матери Марии за все, что она сделала. Например, монахини Пюхтинского монастыря сшили такое же монашеское облачение, которое получила мать Мария, когда после пострига приехала в Прибалтику на съезд Русского студенческого христианского движения. Художник Юрий Ковалчук написал по фотографиям два ее портрета: стоящая монахиня и прекрасная дама с загадочной улыбкой. Здесь можно увидеть репродукции картин Елизаветы Юрьевны, которые хранятся в Русском музее, и фотографии ее вышивок, выполненных в Париже. Называется мемориальный зал матери Марии символично: «Возвращение на родину».

ЦВЕТЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ОРХИДЕИ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЕСТЬ В ИЮНЕ ДНИ, КОТОРЫЕ НИКАК НЕЛЬЗЯ ПРОПУСТИТЬ. КОГДА ОТЦВЕТУТ ПОЛЫХАЮЩИЕ ТЮЛЬПАНЫ, А КЛУМБЫ НАЧНЁТ ЗАЛИВАТЬ РАЗНОЦВЕТНАЯ ПЕНА ПИОНОВ, НУЖНО УСПЕТЬ ПОПАСТЬ В КОРОТКУЮ ПЕРЕДЫШКУ МЕЖДУ ДВУМЯ ЦВЕТОЧНЫМИ ПОЛОВОДЬЯМИ. И НАЛЮБОВАТЬСЯ ПЫШНЫМ ЦВЕТЕНИЕМ САМОГО ПРИХОТЛИВОГО РАСТЕНИЯ БОТАНИЧЕСКОГО САДА МГУ – ИРИСА.

ВСЕГО ЛИШЬ ОКИНУТЬ взглядом ирисовые клумбы – яркие и пестрые как узбекские хлопки или нежные как японские шелка – значит отказать себе в визуальном гурманстве. Цветок ириса, как редкая бабочка, предполагает внимательное неспешное изучение. Надо склониться над растением с узкими

листьями-клипками и надменно изломанным, знакомым по орнаментам ар-нуво стеблем, чтобы оценить его изощренную форму и причудливую окраску. Вглядеться в сиреневый бархат и голубоватый лед, сбрызнутый рябью старинных чернил. В яично-желтый и теплый телесный шёлк с растекающимся по прожилкам бордо. Полюбоваться

лепестками, то гордо возвышающимися короной, то бессильно опадающими, то изгибающимися подобно змеям. Три лепестка вверх, три – вниз. Пир для глаз. Okolo 80 родов и 1800 видов семейства касатиковых, к которым относятся ирисы, растут по всему земному шару, кроме Антарктики, Арктики и тропических дождевых лесов, рассказывает младший научный сотрудник Ботанического сада МГУ и куратор коллекции ирисов Елена Ивановна Дацюк. Среди кузенов ириса – стойкие гладиолусы, крокусы, пробивающие едва освободившуюся от снега землю, алые крокосмии, пятнистые тигриции. И все же самые разнообразные по количеству видов и выведенных человеком сортов среди касатиковых – именно ирисы. Сегодня известно более 40 тысяч их сортов и форм.

В ЧЕСТЬ БОГИНИ РАДУГИ

Ирис получил свое название в честь древнегреческой богини радуги Ириды – крылатой женщины в одеждах из искрящихся и переливающихся разными цветами капель воды. Имя цветку дал античный врач Гиппократ – разнообразные по своей окраске цветы напомнили ему радугу, рассыпавшуюся на множество сверкающих осколков. Человек заметил красоту дикого цветка и начал высаживать его у своих жилищ, постепенно доводя до совершенства каждое из его свойств. Первые садовые ирисы зацветают в апреле, последние – повторно дают бутоны в начале осени, и это делает ирисы одними из самых долгоцветущих садовых растений. Одни группы ирисов любят сухие почвы степей, другие способны расти по влажным берегам рек и озер. И по срокам цветения, и по условиям произрастания они оставляют садоводу широкий выбор. Издавна человеку было известно, что корневища ириса содержат крахмал, дубильные вещества, эфирные масла. В I веке до н.э.

греческий врач Диоскорид описал лечебные свойства ириса: отвар из корневищ использовали как противовоспалительное и успокаивающее средство, листья помогали при борьбе с цингой. Но главным богатством в корневищах цветка было ирисовое масло – ароматное, с запахом фиалки, за что их называли «фиалковым корнем». Из 1 килограмма высушенных корневищ получается всего 5 граммов масла, потому оно всегда дорого стоило и высоко ценилось. В Древнем Египте ирисовое масло входило в состав смесей для бальзамирования тел. В Древней Греции и Римской империи корневищами и цветками ириса ароматизировали вино. Путешествуя с караванами торговцев и паломников, предки садового ириса широко распространялись по Европе и Азии. Ирис («касатик») значился и в списках растений Аптекарского города Алексея Михайловича в царской усадьбе Измайлово.

В честь этого цветка получила свое название Флоренция, окруженная цветущими ирисовыми полями. На гербе города цветет алый ирис, который сего-

дня называют «красной лилией». Именно во Флоренции с 1954 года Итальянское общество ирисоводов проводит самый известный Международный конкурс ирисов. Здесь в «Саду ирисов» высажены сорта, присланые селекционерами всего мира. Ежегодно в мае на Фестиваль ириса здесь собираются профессионалы и любители, чтобы определить лучшие сорта растения. Подобные конкурсы проводятся и в других странах, но получить награду во Флоренции – самая большая честь для ирисовода.

НА ЗЕМЛЕ И ПОД ЗЕМЛЕЙ

То, что мы называем лепестком ириса, на самом деле не часть цветка, а доля околоцветника. Изначально цветок ириса был устроен проще и по строению, вероятно, напоминал современный тюльпан. Но в процессе эволюции он настолько преобразился, что теперь мало похож на своего далекого предка. Сегодня три его внутренние доли направлены вверх как зубцы короны – их называют «стандартами». А три внешние, ниспадающие доли – это «фолы». Иногда стандарты уменьшаются до размера маленьких щетинок, иногда они крупнее фолов. У некоторых ирисов фолы и стандарты одинаковы и образуют плоский цветок из шести равных долей. И все же узнаваемый облик цветка создают три падающие и три поднятые доли околоцветника, объясняет Елена Ивановна.

Если присмотреться, то на фолах некоторых ирисов можно увидеть дорожку из ворсинок. Эти выросты вдоль центральной жилки околоцветника – «посадочная полоса» для опыляющих цветок насекомых, именуемая «бородкой». По этой особенности большую группу ирисов называют бородатыми. У цветков другой группы бородки нет, и название у них соответствующее – небородатые или безбородые. Но природа помогает и им выдержать конкуренцию: небородатые ирисы привлекают насекомых ярким пятнышком на фолах – «сигналом».

Сорт Wabash
(Williamson,
1936, США)

Традиционный ирис – многолетнее корневищное растение. Его стебель видоизменяется в корневище, которое находится на поверхности земли или погружено неглубоко в почву. В нем растение запасает вещества, необходимые, чтобы пережить холод или засуху, а затем выпустить новый побег. Но есть ирисы луковичные, например нежные ирисы-подснежники иридодиктиумы, капризные сиреневые кисифиумы, выносливые юноны. Они так заметно отличаются от традиционных ирисов, что не все ботаники-систематики включают луковичные ирисы в род ирис, выделяя их в отдельные роды семейства. Самый маленький из видов рода – иридодиктиум – называют сетчатым. Своё название он получил за интересную особенность: клубнелуковица этого ириса образована одним листом, и каждый год очередной лист замещает предшественника. Мягкие ткани старого листа стягивают, от него остается только сосудисто-проводящая система, напоминающая нити – луковка ириса оказывает ся будто погруженной в сеточку.

ЦВЕТОЧНЫЕ БЛОНДИНЫ

Как и среди людей, среди ирисов есть «блондины» и «брюнеты». В клеточном соке околоцветников содержатся две основные группы пигментов. Водорасторимый антоциан отвечает за холодно-синие, лиловые, фиолетовые, голубые, сиреневые, синие, розоватые, бордовые тона, а жирорастворимые каротиноиды придают цветам теплые оранжевые, желтые, коричневые оттенки. Соотношение, концентрация, распределение по долям околоцветника этих пигментов и создают уникальное разнообразие окрасок цветка – всех, кроме черного и алого.

Чтобы не запутаться в этом многообразии, разные сочетания

Сорт Be A Dream (Niswonger, 1992, США) яркий, легко узнаваемый по золотистым основаниям фолов. Получил 1-е место на Московском международном конкурсе ТВ-ирисов (высоких бородатых) в 1998 году

окрасок ирисов получили свои названия. У однотонных ирисов фолы и стандарты одного цвета, у двутонного фолы часто темнее стандартов. Названия двуцветных ирисов, где фолы и стандарты разных цветов, еще более изысканны: у «неглекты» голубые фолы дополняют синие и фиолетовые стандарты. Сочетание стремящихся вверх белых стандартов и ниспадающих синих и фиолетовых фолов носит название «амена». Желтые стандарты и коричневые фолы образуют «вариегату». При реверсивной окраске стандарты темнее ниспадающих фолов, эти сорта окрашены чаще всего в синие и лиловые тона. Необычное сочетание светлого белого или желтого поля и контрастной темной антоциановой (от голубого и розового до коричневатого и черно-фиолетового) каймы называют «пликатой». Там яркий оттенок, идущий по краю, выцветает к середине каждого лепестка. А недавно появилась новинка – «глязиате»: у нее темная средняя область долей и светлая кайма по каждой из них. В цветке «глязиате» совсем нет теплых каротиноидных пигментов, поэтому

ми, устремленными вверх стандартами. По имени сорта, у которого впервые была описана такая окраска, она получила название «Эмма Кук». Полная противоположность пликате – «глюмината»: у нее темная средняя область долей и светлая кайма по каждой из них. В цветке «глюмината» совсем нет теплых каротиноидных пигментов, поэтому

Младший научный сотрудник Ботанического сада МГУ и куратор коллекции ирисов Елена Дацок

Клумба с историческим сортом Wabash. Это классика ирисовой селекции. В 1940 году сорт получил высшую награду Американского общества ириса – медаль Дайкса

он обретает холодную, «льдинстую» окраску. В «переливчатом» цветке несколько оттенков плавно перетекают друг в друга. Еще один интересный тип окраски так называемый «сломанный цвет». При нем несколько оттенков распределяются по цветку неравномерно, как на срезе мрамора. В Ботаническом саду МГУ растет сорт ирисов с неожиданным для цветка названием – «Гну». Немного синий, немного фиолетовый, немного беловатый, своей пестрой окраской он напоминает шкуру антилопы – у этого растения происходит нарушение в распределении пигмента.

Есть у ирисов и еще одна интересная особенность: верхний слой клеток на поверхности долей может иметь разный размер. Тогда они по-разному преломляют падающий свет, и ирис кажется более бархатистым, темным или, наоборот, искрящимся, будто осыпанным золотистой пыльцой.

Выразительный сорт Crowed Heads (Keppel, 1997, США) с реверсивной окраской цветка, получивший в 2004 году медаль Дайкса

БОРОДЫ, КРУЖЕВО, ГОФРИРОВКА

Приметным украшением бородатых ирисов оказывается та самая бородка. Сегодня селекционеры стремятся сделать ее как можно более яркой, чтобы она выделялась на фоне фолов. Например, долго бились, чтобы получить красную бородку на голубых фолах, или синюю бородку у красно-коричневых, или почти черную у белых сортов. Недавно селекционеры обратили внимание еще на одну группу, которую называют ирисами «космического поколения». Бородка на лепестках этих ирисов

удлинилась, приобрела вид небольшого рожка, перышка или плюмажа.

Современные ирисы – щеголи, ведь селекционеры помогают им покрасоваться, например, тонко продуманной гофрировкой. Ирисоводы добились, чтобы в момент формирования цветка развитие клеток верхнего слоя его лепестков шло неравномерно. Тогда избыточно разросшиеся ткани образуют маленькие складочки или широкие волны – гофрировку.

Края долей других сортов ирисов покрывает кружево. Вспомните, у тюльпанов бывает игольчатый край, а у ирисов похожие образования на лепестках соединяются в идущее по краю кружево. Когда этот признак проявился, селекционеры сначала посчитали его уродством и отбраковывали кружевные сеянцы. Но со временем они вошли в моду, а теперь селекционеры научились сочетать в одном цветке кружево и гофрировку. Небородатые ирисы также дают селекционерам поле для экспериментов. Например, новая садовая группа ирисов, так называемые псевдаты, получилась от скрещивания японского и болотного ирисов. В результате возникли растения с уникальным и легко узнаваемым обликом, мало напоминающим своих родителей. За то, что у псевдат глазок-«сигнал» оказался как тушью подведен красивым темным окаймлением, их порой называют «ирисы с тенями для глаз».

КАРЛИКИ И ВЕЛИКАНЫ

Род ирис настолько сложно систематизировать, что до сих пор нет его общепринятой научной классификации. То биологи исключают из этого рода луковичные ирисы, то выделяют в отдельный род небородатые ирисы. Так что род ирис по количеству видов то уменьшается, то прирастает, сегодня в состав рода чаще всего включают около 250 видов.

Садовая классификация ирисов тоже сложна. Уже знакомые нам две большие группы – бородатых и небородатых ирисов – в зависимости от происхождения, сроков цветения, длины цветоноса, размеров цветка делятся на более мелкие группы. Бородатые ирисы образуют две группы – собственно бородатых, а также арил и арилбредов, редких в средней полосе России. Бородатые ирисы бывают карликовыми, среднерослыми и высокими. Внутри каждой из этих групп также существуют подгруппы. Карликовые бородатые ирисы могут быть миниатюрными (цветонос не превышает 25 сантиметров) и стандартными (до 40 сантиметров).

В южных областях России есть участки, где карликовые ирисы растут в диком виде – желтые, желто-коричневые, белые, розовые, сиреневые, фиолетовые, синие... Удивительное разнообразие красок на небольшом пятаке! Дикие карликовые ирисы пытались ввести в культуру, но в подмосковных садах они, к сожалению, погибают. Правда, сотрудникам Ботанического сада МГУ удалось их обхитрить. Когда им привезли из Крыма несколько экземпляров диких карликовых ирисов, они посадили растения в обычный ящик и оставили его на грядке без полива и особого укрытия. И вот уже несколько сезонов дикие карликовые ирисы цветут в Ботаническом саду и даже дали семена. Именно эти ирисы и были прародителями современных сортов группы карликовые ирисы.

Сорта карликовых ирисов интересны тем, что очень быстро разрастаются и каждое их корневище выпускает отдельный цветонос – такое их количество позволяет создавать густые, долго цветущие яркие островки. Еще одна, также очень разнообразная группа – среднерослые ирисы. И, пожалуй, самые интересные из них – ирисы-ин-

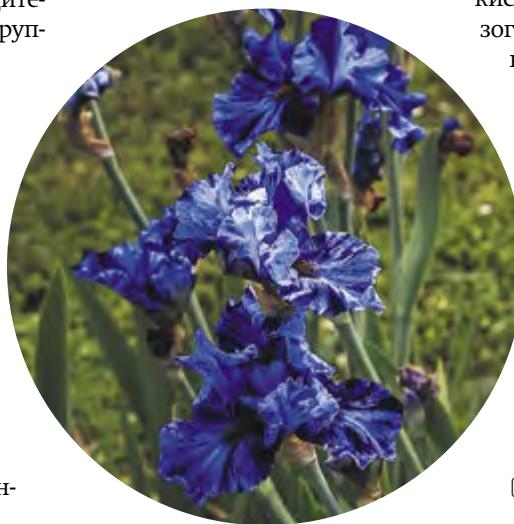
термедиа. Они получились путем скрещивания карликовых и высоких ирисов, поэтому занимают промежуточное положение по срокам цветения, размеру цветка, высоте цветоноса. Цветут эти ирисы позже карликовых. А вслед за ними распускаются самые любимые цветоводами ирисы – высокие бородатые.

К небородатым ирисам относятся сибирские, японские, хризографы и ряд других садовых групп, большинство из которых можно увидеть в коллекции Ботанического сада МГУ.

Сибирские ирисы – активно развивающаяся культура, но она все еще находится в тени своих бородатых собратьев, после поры цветения которых приходит время «сибириков». Над высокими куртинами из тонких темно-зеленых листьев взлетают стайки изысканных, грациозных цветков-бабочек. Окраска современных сортов сибирских ирисов не ограничена синим, лиловым или белым цветом. Селекционерами получены сорта ярко-желтых, богатых бордовых, глубоких черно-фиолетовых, нежных персиково-розовых окрасок.

У сибирских ирисов есть близкие родственники – ирисы-хризографы. Главная их особенность – 40 хромосом, так что они до сих пор являются редкостью для специалистов и любителей цветоводов. В природе ирисы-хризографы обнаружили только в начале XX века, они росли в Китае, Бирме, Непале и Индии на

Сложная окраска ирисов требует пристального изучения

Сорт Gnu Again (Kasperek, 1994, США) отличает довольно редко встречающаяся мраморная окраска цветка, так называемый Broken Color («сломанный цвет»)

Раннецветущий исторический сорт Forest Hills (Kelway, 1957, США) обладает редко встречающимся сочетанием чернильных бархатистых цветков и темно-коричневой бородки

влажных лугах и по берегам озер высоко в горах. В природе найдено всего восемь видов 40-хромосомных ирисов.

Первые хризографы в культуре представляли собой черную форму ириса золотисто-расписного, который получил свое имя из-за уникальной окраски цветка: на темно-фиолетовом бархатистом фоне горел яркий золотистый сигнал с тонким узором из штрихов. Окраска хризографов – голубая, бархатисто-фиолетовая, желтая, а их сигнал разукрашен рисунком из пятнышек, штрихов и линий.

НАСЛЕДИЕ ЛОКТЕВА

В России с культурой ирисов были знакомы со времен царя Алексея Михайловича. Но, скорее всего, это был какой-то вид или форма, но не сорт. Сорта появились лишь к концу XIX века. А серьезный интерес к ирису возник лишь после Великой Отечественной войны.

Большой вклад в популяризацию культуры ириса в СССР внесли известный ботаник Георгий Иванович Родионенко, а также глава секции ирисоводов при клубе «Цветоводы Москвы» Петр Федорович Гаттенбергер.

В 1992 году было создано Российское общество ириса, его организатором и первым президентом стал Сергей Николаевич Локтев. По образованию математик, он был влюблён в ирисы и приложил немало усилий, чтобы в Ботаническом саду МГУ начали заниматься селекцией этих цветов.

Сергей Николаевич наладил контакты с Американским обществом ирисоводов, ездил на съезды селекционеров, был одним из судей, оценивавших сорта ириса на конкурсах во Флоренции. По его инициативе начал проводиться Московский международный конкурс высоких бородатых ирисов. Он был увлеченным гибридизатором, вывел много сортов карликовых, среднерослых и высоких бородатых ирисов. Локтев нередко называл свои сорта в честь рок-музыкантов, поэтов, путешественников, философов: например, «Генрих Ибсен», «Витус Беринг», «Академик Сахаров», «Ерофей Хабаров», «Эдгар По».

Ранняя смерть не позволила ему завершить многие из селекционных проектов. «Продолжить его дело, к сожалению, с той степенью накала и увлеченности

сти нелегко, – говорит Елена Ивановна. – Сергей Николаевич был непростым и даже в чем-то противоречивым человеком. Педант и при этом мягкий и ранимый. С его уходом этот педантизм, настойчивость в достижении цели тоже ушли, и мы многое потеряли. Однако силами Сергея Локтева была создана сильная российская ирисоводческая школа. И сегодня на Ставрополье и Кубани, в Подмосковье и Ленинградской области работают талантливые селекционеры».

В Аптекарском огороде, из которого «вырос» Ботсад МГУ, ирисы были с момента его основания, но современная коллекция начала складываться в саду уже на Ленинских горах. Усилиями сотрудницы Ботанического сада Нины Александровны Базилевской, ученицы академика Николая Ивановича Вавилова, на новой территории были созданы коллекции декоративных растений, в том числе и сортов ириса из питомников США и Германии.

РЕЗУЛЬТАТ ОБЛУЧЕНИЯ

К сожалению, список первых сортов, которые высадили в Ботаническом саду, не сохранился, поэтому трудно судить, насколько большой была та коллекция. Но известно, что ее собирали в том числе и для научной работы. Самые значительные исследования проводила Ирина Викторовна Дрягина, изучавшая влияние ионизирующей радиации на мутагенез на примере декоративных растений. Годы юности Ирины Викторовны пришли на время Великой Отечественной войны. Оставив учебу, она пошла на фронт, стала летчицей в эскадрилье знаменитой Марины Расковой. После войны окончила учебу, затем аспирантуру в МГУ, где потом продолжила научную деятельность. В помощники она

взяла перспективного молодого ученого Геннадия Евгеньевича Казаринова. Ими была проделана огромная работа: сотни опытов по опылению и облучению растений. Было получено большое количество сеянцев, которые обладали неожиданными свойствами. Самые интересные из них были отобраны и впоследствии стали сортами.

Процедура присвоения звания сорта начиналась с того, что культивары – будущие сорта – принимала комиссия в Ботаническом саду, потом их передавали на испытания на ВДНХ. Там их также оценивали, и только после этого они могли претендовать на звание сорта. Часть этих сортов продолжали разводить в Ботаническом саду МГУ. К сожалению, не все из них сохранились. Уже не увидеть такие известные сорта Дрягиной и Казаринова, как «Олимпийский», «Гвардейский», «Марина Раскова», «Маршал Покрышкин».

На сорта ирисов есть своя мода, в коллекцию поступают новые красивые сорта, а старые не сохраняют, объясняет Елена Дацюк. Когда Елена Ивановна пришла работать в Ботанический сад, старых сортов было не так уж и много, в питомнике было высажено небольшое поле ирисов. Энтузиазм и яркие рассказы Локтева увлекли Елену Ивановну, и коллекция Ботанического сада начала пополняться ирисами разных садовых групп. До этого в ней были только высокие бородатые ирисы, потом появились карликовые, ирисы-интермедии, много новых высоких бородатых. Часть сортов привозил сам Локтев, часть дарили Ботаническому саду любители-ирисоводы. Благодаря их щедрости здесь появились, например, сибирские ирисы. И сегодня пополнение коллекции идет в основном за счет помощи цветоводов-любителей. Сейчас в коллекции Ботсада представлено большинство садовых групп ирисов, которые могут расти в условиях средней полосы России.

«ПЕРСИК В КРУЖЕВАХ»

Ирисы в Ботаническом саду МГУ высажены на клумбах в форме треугольников. Стороны такой клумбы называются «рабатки». На внешних рабатках, тех, что ближе к посетителям, высажены бородатые ирисы, на внутренних – небородатые. Ирисы не сажают дважды в одну и ту же землю. При делении и пересадке сотрудники Ботсада периодически заменяют на грядках часть земли. Они делают возвышающиеся над землей грядки из плодородной земли, а сверху засыпают слой песка на участках для бородатых ирисов. Это сложный, кропотливый и трудоемкий процесс. Но он необходим для хорошего роста и обильного цветения.

Среди ирисов у Елены Ивановны есть сорта-любимцы. Например, сорт Локтева «Макс Штирнер», названный в честь немецкого философа. У него белоснежные стандарты, а фолы удивительного темно- василькового цвета. Когда он разрастается, то дает много цветоносов. Необычный сорт «Персик в кружевах» вывела селекционер Мария Каулен. Это удивительный персиково-розовый сорт. Розовые ирисы часто капризны, но «Персик в кружевах»

растет хорошо. А московский селекционер Марина Воловик вывела белоснежный сорт «Царевна Лебедь»: у цветка лепестки украшены красивым продолжением бородки, напоминающим крыло птицы. Сорт «Римские каникулы» селекционера Ольги Рябых нежный, приглушенный, серовато-розовый, а его крупный цветок на высоком цветоносе покрывает плотное кружево.

В коллекции ирисов Ботанического сада МГУ много сортов, созданных Сергеем Николаевичем Локтевым. Сорт «Узник замка Иф» – крупный, насыщенный цвета темно-фиолетовый цветок с красивой гофрировкой на высоченном цветоносе. Сиреневато-розовый «Евгений Онегин» – нежный и воздушный. Сорт с забавным названием «Динозавр» – огромный яркий цветок с желтым верхом и теплыми красно-коричневыми фолами. Еще один сорт, выведенный Локтевым, носит название «Что есть красота»: это ирис с аккуратной гофрировкой и необыкновенным сине-фиолетовым светящимся цветом. Кстати, он – один из призеров Международного конкурса ирисов, который ранее проходил в Ботаническом саду МГУ.

Клумбы
Ботанического
сада МГУ
позволяют
проследить
всю историю
ирисов

Сорт Мигель
де Унамуно
(Локтев, 2007,
Россия) один
из сортов Сергея
Локтева, основателя
и первого президента
Российского общества ириса

В коллекции Ботанического сада также много иностранных сортов, среди них – голубой Blue For You с нежнейшими перламутровыми переливами. Рядом – еще один призер Московского международного конкурса, итальянский сорт «Зимнее море» – он действительно «холодный», внутри него будто замерзла льдинка. Это тем более удивительно, поскольку большинство итальянских сортов в коллекции Ботанического сада имели оранжевый и розовый пигменты. К сожалению, они все постепенно погибли из-за слишком холодного для них московского климата, и «Зимнее море», пожалуй, единственный итальянский сорт, который прижился здесь. Еще один сорт ириса носит необычное название Money in your pocket («Деньги в твоем кармане»). Темно-синий, с красивой светлой каймой по краю, он издалека привлекает взгляд своим контрастом.

На примере сорта Stop the Music (Schreiner, 1985, США) можно узнать, как выглядит тип окраски цветка, который называется «пликата»

ЧУЖИМ ЗДЕСЬ НЕПРОСТО

К сожалению, московский климат слишком холодный и влажный для ирисов – здесь не Краснодар, где находятся самые большие ирисовые плантации России, и не Орегон, считающийся крупнейшим центром селекции этих растений в мире. Московская погода провоцирует опасную для ирисов болезнь – бактериоз. Ирисы – это хрупкие растения, и нередко бывает, что сорт не сохраняется, «ходит», как говорят цветоводы. Тем интереснее старинные, так называемые ретросорта, ко-

торые смогли приспособиться к суровым по меркам ирисов условиям Москвы: например, Rainelf из Германии. Куртина этого сорта, выведенного в 1902 году, выглядит как стайка бабочек. На его тонких, но устойчивых цветоносах парят некрупные белые цветки с неярким рисунком пликаты...

Богатство окраски, совершенство формы цветка и другие характеристики настолько изменили облик ирисов, что они мало напоминают старинные сорта. У исторических ирисов были узкие фолы, которые в шутку называли «ушами спаниеля», а основания фолов покрыты штрихами и пятнышками. Неустойчивые цветоносы исторических ирисов часто могут сломать дождь и ветер. Однако эти сорта прошли испытание временем и климатическими условиями и всегда достойны найти место в саду.

Стремясь пополнить коллекцию новыми сортами, цветоводы часто избавляются от ретросортов. В итоге бывают потеряны многие исторические сорта. А ведь это – важнейший генетический ресурс. Сохранившиеся ретроирисы представляют собой ценность как экспонаты живого музея. В последние десятилетия важность сохранения старинных сортов начинает понимать все большее число профессионалов и любителей. Создано Общество любителей ретроирисов (Historic Iris Preservation Society), объединяющее любителей старинных сортов, сохраняющих и пропагандирующих их. В Европе и Америке существуют экспозиционные сады, в которых демонстрируются только ретросорта. В Ботаническом саду МГУ не только сохраняют, но и пополняют коллекцию старинных сортов. И на экскурсиях можно проследить эволюцию бородатых ирисов от самых первых до самых современных сортов российской и мировой селекции. ●

НАСЛЕДНИК «ОПЕРНОГО ДОМА»

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СЕГОДНЯ ОМСК НАЗЫВАЮТ ТЕАТРАЛЬНОЙ СТОЛИЦЕЙ СИБИРИ. НАЗЫВАЮТ ЗАСЛУЖЕННО – В ГОРОДЕ 14 ТЕАТРОВ. СТАРЕЙШИЙ ИЗ НИХ – ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР ДРАМЫ – В ЭТОМ ГОДУ ОТМЕТИЛ СВОЕ 150-ЛЕТИЕ.

ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ о театральных представлениях в Омске относятся к 1764 году. Тогда молодой вахмистр Иван Андреев предложил командинцу войск Сибирского корпуса генерал-поручику Ивану Шпрингеру организовать в Омской крепости собственный театр. Блестяще образованный генерал предложение поддержал.

В конце 1764 года в крепости – в здании чертежной, фактически бывшей и техническим центром, и проектным бюро, – состоялось первое представление омского «Оперного дома». Это здание сохранилось до наших дней: длинное одноэтажное, оно находится за сквером, где каждый год проходит выставка цветов «Флора», и сейчас с виду ничем не примечательно. «В сию ж зиму, к рожде-

ственской неделе, учрежден от генерала был в чертежной <...> оперный дом, где и чинили представления разных трагедий и комедий под смотрением и предводительством моим, причем на расходы со зрителей собиралось довольно денег и употреблялись на разные платья и уборы», – писал потом Иван Андреев в своих воспоминаниях, озаглавленных «Домовая летопись». И еще:

«...препровождали зиму в сочинениях планов и карт и в представлениях трагедий и комедий с великим удовольствием». Так в отдаленной сибирской крепости, не имевшей еще на тот момент статуса города, появился театр. Причем омский «Оперный дом» возник всего лишь на четырнадцать лет позднее первого русского профессионального общедоступного театра, который

создал в 1750 году в Ярославле актер Федор Волков (см.: «Русский мир.ru» №12 за 2018 год, статья «Первый?»).

Да, это был любительский театр, где выступали местные военнослужащие, чиновники канцелярий, их жены и родственники, но с репертуаром, вполне соответствовавшим столичным меркам, с постоянным художественным руководителем и режиссером. Со специально отведенным для сценических постановок помещением, с костюмами и декорациями. И это на окраине тогдашней империи...

А «Оперным домом» его назвали потому, что в те времена, как пишет сибирский исследователь Алексей Копылов, «одни и те же произведения назывались то оперой, то драмой (или комедией) с музыкой и голосами».

Здание театра и сегодня остается украшением Омска

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ЗРИТЕЛЮ

В дальнейшем профессиональный театр завоевывал свои позиции в Омске с огромным трудом. Городская дума не отпускала средств на строительство театра, не заботилась о том, чтобы обеспечить труппу хоть каким-то помещением для регулярных выступлений, отказывалась платить актерам жалованье, предпочитая, чтобы это делали частные лица.

Но вот наконец в 1872 году по предложению военного генерал-губернатора Герасима Колпаковского в Омске и близких к нему уездах Акмолинской области была открыта подписка на строительство театрального здания. Удалось собрать 2 тысячи рублей. На эти средства в мае 1874 года в городской роще по проекту архитектора Эдуарда Эзета было построено деревянное здание театра. И уже 5 сентября был дан первый любительский спектакль. В город стали приезжать профессиональные актерские труппы. Большую часть репертуара тогда составляли водевили и комедии, ставили также оперетты и драмы.

Первое театральное здание просуществовало в Омске недолго: уже в год открытия в нем случился пожар, а в конце 1877 года оно сгорело полностью.

Пять лет спустя в Омске было построено новое здание театра. Причем совершенно не приспособленное для приема зрителей: в нем не было никаких удобств, а зимой стоял страшный холода. В 1891 году его признали ненадежным с точки зрения пожарной безопасности и снесли. Спектакли начали ставить в деревянном Манеже, расположенном в одном из самых благоустроенных районов города – Казачьем форштадте.

В 1898 году на берегу Оми купец Петр Сичкарев построил театр-цирк – деревянное здание с ареной и залом на 800 человек, где помимо цирковых шли и театральные представления.

Уменьшенная
копия
прекрасного
оригинала

Театральные
интерьеры
не уступают
дворцовым

ПОД СЕНЬЮ «КРЫЛАТОГО ГЕНИЯ»

В конце XIX века через Омск прошла железная дорога и город стал быстро развиваться, следом активизировалась и культурная жизнь. Было организовано Драматическое общество, все чаще приезжали професси-

ональные театральные труппы. И вот свершилось: в 1898 году городская дума объявила конкурс среди омских архитекторов на лучший проект здания городского театра. Его победителем был объявлен известный в Омске гражданский инженер и архитектор Ильодор Хоринов.

Дума выделила, «ввиду недостаточности средств», лишь часть нужной для строительства суммы – 100 тысяч рублей (смета насчитывала 114 540 рублей). Остальные средства собрали горожане.

В июле 1901 года на центральной Базарной площади Омска состоялась закладка фундамента. Основные работы были завершены за год, но внутренняя отделка, установка отопления и электрического освещения, оборудование сцены затянулись до середины 1905 года. В 1912-м кирпичное здание театра оштукатурили; к 1915 году завершилось декоративное оформление здания. Венчающая Омский драматический театр фигура «Крылатого гения» напоминает аллегорические статуи пражского театра «На виноградах». И это неудивительно – автор у них один. Чешский скульптор Фран-

тишек Винклер, взявший себе русское имя Владимир, украшал фасады новых омских зданий по примеру европейских столиц. Выпускник Пражской академии художеств во время Первой мировой войны оказался на русско-германском фронте в должности штабного фотографа. В начале 1915 года Винклер попал в плен и оказался в Омске. Чешскому скульптору было суждено не только преобразить

степной город, но и найти здесь свое счастье в лице юной омички Елены Мусатовой.

Театр фактически был совмещен с торговым центром – в здании торговали красками, обоями, олифой, галантерейными товарами. Городские власти получали доход от электростанции при театре и от аренды его торговых площадей, компенсируя таким образом расходы на строительство.

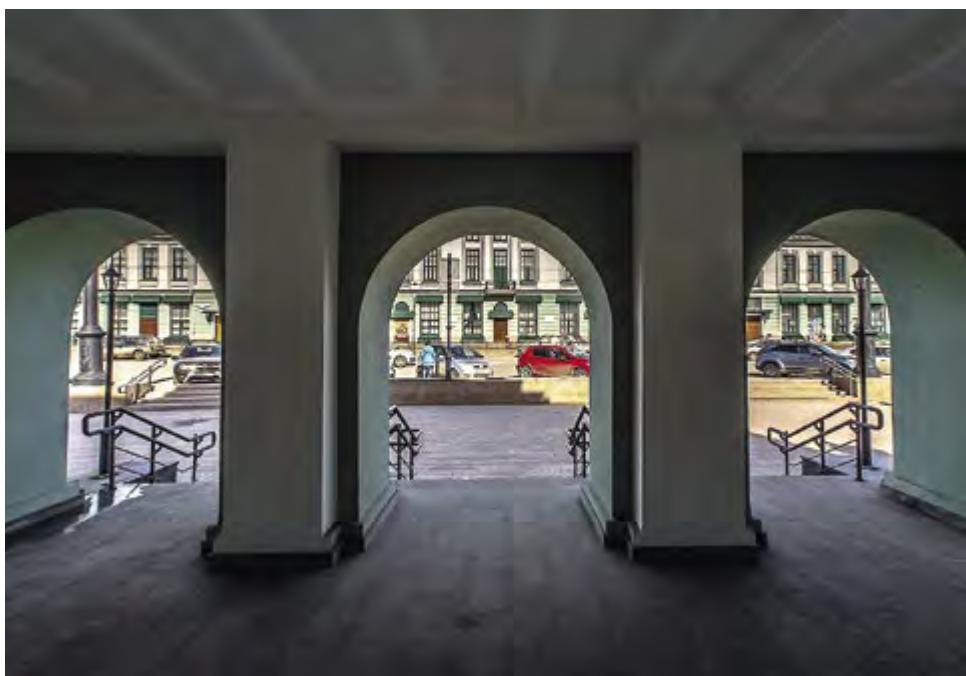
В этом зале свободных мест не бывает

Вид
с театрального крыльца

Здание театра было построено из красного кирпича в стиле эклектики. Классицизм в его облике сочетается с барочными мотивами. Здание отличается сложной объемно-пространственной композицией, с «развивающимся» характером объема. Это позволило впоследствии безболезненно возводить пристройки к заднему фасаду здания: словно «нанизывать» их на единую ось.

После того как городской театр был полностью готов к работе, в Омск прибыла театральная труппа под управлением антрепренера Евгения Долина. 24 сентября в новом театре состоялась первая премьера: омским зрителям был показан спектакль «Ревизор». В роли Хлестакова выступил сам Евгений Долин.

В годы Гражданской войны городской театр в белом Омске был центром светской жизни. О появлениях там Верховного правителя Александра Колчака регулярно сообщала местная пресса. После падения белой столицы многие актеры покинули город. Но были и те, кто остался. Они открыли новую страницу театра – уже советского.

СИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

В феврале 1920 года в соответствии с декретом Совнаркома «Об объединении театрально-го дела» Омский драматический театр был объявлен национальным достоянием. За три сезона он трижды менял название: в 1919–1920 годах – Большой театр; 1920–1921 годы – Первый государственный советский театр; 1921–1922 годы – Сибирский государственный театр. Он объединял в своем репертуаре оперное и драматическое искусство. Омск в это время был административным центром Сибири, и Сибирский государственный задумывался как художественно-показательный театр для всех сибирских городов.

Попытки составить репертуар так, чтобы он соответствовал духу времени, не удались: спектакли революционного содержания не нашли свою аудиторию. После экспериментов со злободневными пьесами острого социальной направленности режиссеры вспомнили о старой добре классике.

С 1931 по 1941 год главным режиссером Омского театра был заслуженный артист РСФСР Владимир Торский, труппа которого в основном состояла из акте-

Актеры
Омской драмы
репетируют
очередной
спектакль

Яркие афиши
ныне ставшего
достоянием
истории
театрального
сезона

ров бывшего московского Театра Корша. В ней были вокалисты, оркестр, хор, танцовщики балета. Торский организовал на базе театра курсы («Теуч» – школа театрального ученичества), где преподавались: «речь, постановка голоса, ритмика, пластика, танец, сценическая практика». Помимо драматических спектаклей Омский театр ставил и оперетты. В сезон 1934–1935 годов на его афишах появилось наименование «2-й Западно-Си-

бирский Синтетический театр». Однако вскоре театр обвинили в формализме: в спектаклях начали искать «вредную идеологию», многие его работники были ре-пресированы. В последующие годы главное место в репертуаре занимают пьесы Горького, а также спектакли о Ленине – «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты» Погодина, «Ленин» («1918») Каплера и Златогоровой. Роль вождя революции играл актер Николай Колесников.

В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ

С началом Великой Отечественной войны актеры, бутафоры и рабочие сцены стали уходить на фронт. С 23 июня 1941 года в приказах директора театра все чаще стала появляться фраза: «Освобожден от работы в связи с призывом в РККА».

В первые месяцы войны в Омск был эвакуирован Московский театр имени Евгения Вахтангова во главе с художественным руководителем, народным артистом РСФСР Рубеном Симоновым. 29 ноября 1941 года на сцене Омского театра драмы вахтанговцы сыграли первый на Омской земле спектакль – комедию Шекспира «Много шума из ничего».

Два года московские артисты работали на сцене бок о бок с омичами: три дня в неделю на подмостки выходили омские актеры и четыре дня в неделю сцену занимали гости. В общей сложности коллектив вахтанговцев проработал в Омске 22 месяца, за это время было сыграно более 600 постановок. В 1942 году появляется самый значительный спектакль – «Нашествие» по одноименной пье-

се Леонида Леонова, рассказывающей о подвиге русских людей в годы испытаний. Его поставил режиссер Театра имени Е. Вахтангова Борис Захава. Опыт ведущих мастеров сцены стал отличной школой про-

Театральные коридоры

Отражения в гранитном зеркале

фессионального мастерства для омских актеров. А главное, именно здесь началась многолетняя дружба между Омской драмой и Театром имени Е. Вахтангова, которая продолжается до сих пор. Ее укреплению многие годы активно способствовал выдающийся актер-вахтанговец Михаил Ульянов – в войну он учился в студии при Омском драмтеатре.

ХАНЖАРОВСКАЯ ЭПОХА

В 1960-е годы практически каждая новая постановка Омского драмтеатра становится открытием очередных творческих граней актерской труппы. Синтез творческих течений, стилей и жанров развивался при главных режиссерах Якове Киржнере, Артуре Хайнкине, Геннадии Тростянецком. А ведущий актер труппы Александр Щеголев впервые в истории русского театра воплотил сценический образ Толстого в «Ясной Поляне» Даля Орлова. С 1981 года при Омском драматическом работала Первая лаборатория современных драматургов и режиссеров Сибири, Урала и Дальнего Востока. Четверть века (1962–1988) театром управлял ставший легендой директор Мигдат Ханжаров. Именно в ханжаровскую эпоху Омский драматический был отмечен многочисленными наградами и стал одним из самых интересных театров страны.

В 1973 году Государственной премии РСФСР имени К.С. Станиславского был удостоен спектакль «Солдатская вдова» по пьесе Николая Анкилова. В 1983-м Омскому драматическому театру было присвоено звание «Академический».

В 1988 году Ханжаров покидает пост директора театра. В Москву уезжает Геннадий Тростянецкий. Многие мастера сцены уходят из жизни. Необходимы были колоссальные усилия, чтобы удержать и художественный уровень постановок, и зрителя.

ОТКРЫТИЕ МИРА

В 1989 году директором Омского академического театра драмы становится Борис Мездрич, мальчишкой прибегавший сюда после уроков смотреть спектакли. Труппа и репертуар заметно обновляются. Но оставшиеся актеры старшего поколения по-прежнему неподражаемы. В 1997-м на фестивале «Золотая маска» народная артистка России Елена Псарева была удостоена премии «За честь и достоинство».

Мездрич одобрял самые смелые идеи режиссеров. Например, в Омске до сих пор помнят спектакль Владимира Петрова «Церемонии зари», для которого из Мексики выписали художника Александра Луну и с помощью инженеров завода «Полет» реконструировали сцену, чтобы соорудить на ней подвижный плот.

Приходит непривычная драматургия: Ионеско и Жене, новые жанры – от бард-оперы «Московские кухни» Юлия Кима до «снов» в «Униженных и оскорбленных» Федора Михайловича Достоевского.

В 1991 году большой репетиционный зал реконструировали в малую сцену. В память о народной артистке РСФСР Татьяне Ожиговой Камерная сцена была названа ее именем.

Если раньше театр показывал свои спектакли на гастролях в Москве и других городах страны, то с 1990-х годов Омский драматический выезжает на престижные международные фестивали, часто гастролирует за рубежом. По инициативе Бориса Мездрича проводится акция «Театральные сезоны Сибири» – в Омск приглашаются ведущие мастера российской сцены.

В 1987-м по старым фотографиям была воссоздана утраченная в 1930-е годы скульптура «Крылатый гений», ставшая символом Омской драмы.

А спустя десять лет появляется единственный в стране «Театр живописи» – плод совместных усилий ведущих артистов Ом-

Виктор Лапухин руководит Омской драмой уже два десятка лет

ского государственного академического театра драмы Николая Михалевского, Татьяны Филоненко и сотрудников Омского областного музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля.

ТЕАТР БЕЗ ГРАНИЦ

В 2001 году директором Омского академического театра драмы становится Виктор Лапухин, а главным режиссером с конца 2003-го был назначен Евгений Марчелли. Его характерный и своеобычный режиссерский почерк, в котором яркий авангардизм тонко сопрягается с психологической традицией, завоевал немало по-

клонников среди ценителей театрального искусства. Спектакли, неожиданные по форме и выразительности, провокационные по своей смелости («Дачники» Горького, «Вишневый сад» Чехова, «Фрекен Жюли» Стриндберга, «Зеленая зона» Зуева). Спектакль «Дачники» долгое время был «визитной карточкой» Омской драмы. В 2001–2004 годах была проведена серьезная реставрация здания театра. В фойе зрителей встречает почти зеркальный блеск гранитных полов, над которыми трудились уральские мастера. Была восстановлена уникальная лепнина зала – и зрителям снова заулыбались лукавое лицо Арлекина, освобожденное от поздних слоев штукатурки.

В 2008 году состоялся первый Международный театральный фестиваль ACADEMIA, во время которого омичи получили возможность увидеть лучшие постановки современного европейского театра.

С 2009 года главным режиссером театра является Георгий Цхвирава. На сцене Омской драмы с успехом идут поставленные им спектакли «Поздняя любовь» Островского, «Мария»

«Золотая маска» – у этого театра их семь

Все время
в поиске

Бабеля, «Метод Грёнхольма» Гальсерана, «Без ангела» по одноактным пьесам Зощенко и Вампилова, «Бег» Булгакова, «Три товарища» Ремарка.

Омский театр драмы ведет активную гастрольную и фестивальную деятельность, является постоянным участником Национального театрального фестиваля «Золотая маска»: за 25 лет существования этого фестиваля 13 спектаклей Омского академического театра драмы были представлены в 46 его номинациях.

В 2011 году коллективу театра была присуждена премия Правительства Российской Федерации имени Федора Волкова за вклад в развитие театрального искусства России.

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

Сегодня в репертуаре театра присутствуют и современные остросоциальные пьесы, и классика зарубежной и отечественной драматургии.

9 мая 2021 года состоялась премьера художественно-документального фильма «Несломленный». Картина режиссеров Андрея Кириллова и Светланы Лазаревой рассказывает о жизни и судьбе легендарного гене-

рала, Героя Советского Союза Дмитрия Карбышева. Главные роли в нем исполнили актеры Омской драмы. Жюри конкурса «ТЭФИ-Регион 2021» назвало кинокартину 12 Канала «Несломленный» как лучшую в номинации «Телевизионный художественный фильм/сериал».

В мае 2024 года Омский драматический отметил свой 150-й день рождения. К юбилею театр подошел с солидным багажом: более 50 спектаклей только на основной сцене, семь «Золотых масок», пять премьер в год.

«На протяжении многих лет Омский драматический отличался тем, что ставил хорошие спектакли, на которые постоянно ходил зритель. Неслучайно в советские годы театр был удостоен звания академического – оно присваивалось только Верховным Советом. В Омском театре тогда служили актеры и режиссеры, которые олицетворяли театральное искусство того времени. Этому нужно соответствовать, – констатирует директор театра Виктор Лапухин. – Самое главное – это, конечно, ежедневный большой труд создания спектаклей. У нас репертуар многоожанровый. Много эксперименталь-

ных постановок – спектакль про поэта Аркадия Кутапова «Магнит», «Я увидел во дворе стрекозу» о войне в Донбассе... Театр не может выдать зрителю аксиому, как надо жить в этом мире, но театр может помочь ему найти ответ. Главная наша цель – показать зрителю где белое, а где черное. Чтобы он понял для себя что-то новое, а не просто прогулялся в театр».

К юбилею в Омской драме поставили спектакль «Омское время», в котором задействована вся труппа и приглашенные артисты. На сцене около 80 человек вспоминали и воссоздавали важные моменты из жизни театра.

«У нас большие планы на будущее – и гастроли, и фестивали. На фестиваль АCADEMIA мы в свое время приглашали коллективы со всего мира. Сейчас мир «закрылся», и мы этот фестиваль поставили на паузу. Но мы обязательно к нему вернемся, как только позволит жизнь. Мы были первыми, кто предложил фестивалю «Золотая маска» выехать в регионы. Мы стараемся идти не просто в ногу, а на шаг вперед. Хотя строй держим», – отметил Виктор Лапухин. ☩

ПАВЕЛ ЛИСИЧИН/РИА НОВОСТИ

ГОРОД У ЛЕДЯНОЙ ГОРЫ

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

В КУНГУР ЕДУТ СО ВСЕЙ СТРАНЫ, ЧТОБЫ ПОЛЮБОВАТЬСЯ УБРАНСТВОМ УНИКАЛЬНОЙ ЛЕДЯНОЙ ПЕЩЕРЫ. ОДНАКО ЭТОТ СТАРЫЙ УРАЛЬСКИЙ ГОРОДОК ИНТЕРЕСЕН НЕ ТОЛЬКО СВОИМИ НЕДРАМИ. ДИВНЫЕ ПЕЙЗАЖИ ОТКРЫВАЮТСЯ ТУТ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ И НА ПОВЕРХНОСТИ. А ЕЩЕ КУНГУР ЛЮБОПЫТЕН ЛЕГЕНДАМИ О ЕРМАКЕ И ПУГАЧЕВЕ, ЧАЙНЫМ ПРОШЛЫМ И «НЕБЕСНЫМИ ЯРМАРКАМИ» В НАСТОЯЩЕМ.

В ПРОЧЕМ, НАЧИНАЕТСЯ знакомство с городом все же с пещерами. Этого не отменить. Единицы из путешественников открывают Кунгур с краеведческого музея или обзора старинных церквей. Как ни крути, Ледяная гора была тут задолго до всех поселений, а над ее недрами природа трудилась тысячи лет. Я бывала в гротах пещеры не раз, и зимой, и летом, бывала в детстве, а потом водила своих детей, показывала это уральское чудо друзьям из Петербурга. И в этот приезд я даже думала отказаться от посещения кунгурских подземелий вовсе, но какая-то неудержанная сила не

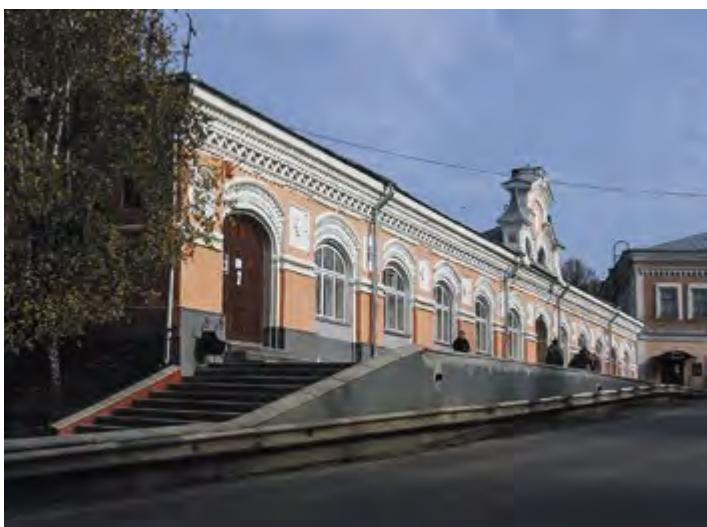
позволила этого сделать. Хотя, может, все гораздо проще. Мой визит в родные места выпал на очень жаркие дни, а в Ледяной пещере свежо, прохладно. Да и красиво! И не просто красиво – удивительно! Такого разнообразия природных красот на квадратный километр действительно мало где встретишь. В первых самых холодных гротах, Полярном и Бриллиантовом, сверкают сталагмиты и сталактиты, поражают своей причудливой формой наросшие на сводах игольчатые и листовидные снежные кристаллы. Дальше взору открываются невообразимые пейзажи, созданные водой. Капля камень то-

чит – и в Коралловом гроте это видно невооруженным глазом. Мягкая гипсовая порода здесь превратилась в затейливое кружево. В гротах Романтиков, Дружбы народов и Длинном раскинулись подземные озера. Они невероятно прозрачные, даже если местами подернуты кальцитовой пленкой, и в них живут крохотные слепые раки-гаммарусы.

А над озерами нависают отшлифованные веками глыбы – гипсы тут чередуются пластами известняка и доломита, отражая многомиллионную историю планеты. Многие породы формиро-

Посетители в Кунгурской Ледяной пещере в селе Филипповка Пермского края

Музей истории купечества в Кунгуре небольшой, зато уютный

вались тут еще в пермский период, когда в местах этих бушевало огромное море. В ход пошли скелеты моллюсков и ракообразных, а также особые известковые трубчатые водоросли. Аккуратно, шаг за шагом природа уложила свои сокровища в слоеный пирог. Идиллия, впрочем, то тут то там нарушается обвалами, воронками и даже «органными трубами», пещера также изрезана тонкими лазами, пересечена перепадами высот. Но и эта дисгармония лишь украшает подземное царство. Обвалившиеся камни образовали причудливые скульптуры: где отчетливо виден силуэт черепахи, а где – тень на своды отбрасывает гигантская крыса. Подобные пейзажи, конечно же, завораживают.

А еще завораживает ощущение тайны. С пещерой связано много легенд. Есть, конечно, совсем смешные, например про то, что пещера образовалась благодаря огромному мамонту. Или миф про уральского Минотавра – живущего в пещере черта, выбирающегося иногда на свет божий, чтобы похитить хорошеньких девиц.

Но есть предания и реалистичные, которые нет-нет да и соблазняют пытливые умы. Одно из таких рассказывает о золоте Ермака. По одной из версий, знаменитый атаман зимовал в пещере перед походом в Сибирь. Об этом повествует, например, историческая песня «Ермак взял Сибирь»: казаки «нашли пещеру каменную, на висящем большом камню». И зашли они сверх того камню, опустились в ту пещеру камену, ни мало ни много – двести человек». И вот, дескать, тут в укромном подземелье решил Ермак Тимофеевич зачем-то оставить сундук с золотом. Из похода, как известно, покоритель Сибири не вернулся, утонув в Иртыше. Сокровища, стало быть, остались бесхозными. Но никто их так до сих пор и не нашел. Равно как и золото предводителя крестьянского восстания Емельяна Пугачева, который тоже будто бы

Л. ВЕЙСМАН/РИА НОВОСТИ

в свое время решил воспользоваться пещерой как тайником. Впрочем, не нашли в пещере не только золота, не обнаружили никаких других находок, которые можно было связать с пребыванием под Ледяной горой вышеназванных исторических личностей. А кунгурские подземелья начали изучать с начала XVIII века. В 1703 году здесь побывал картограф Семен Ремезов – он составил первый план пещеры. И он же обнаружил в пещере крест и икону. Местные жители объясняли, что сначала здесь прятались от башкир первые русские переселенцы, а по-

Огромный вклад в развитие Ледяной пещеры как туристической достопримечательности внес мещанин Александр Хлебников

том под землю уходили отшельники-старообрядцы.

В 1720 и 1736 годах пещеру посещал историк и географ, основатель Перми и Екатеринбурга Василий Татищев. Он, к слову, и записал местную легенду о мамонте. И он же впервые выдвинул версию образования пещеры действием воды. В 1770-м экспедицию в пещеру организовал Иван Лепехин, он подтвердил, что «она водному элементу начало свое долженствует», а также предположил, что пещер под Кунгуром может быть много: «Везде по горам впадины явно о сем свидетельствуют».

С середины XIX века в пещере стали проводить первые экскурсии. Массового характера они, впрочем, не носили из-за неподготовленности недр к наплыву гостей. Это сегодня туристы попадают внутрь, проходя длинный и просторный коридор, а сто лет назад в пещеру вел только узкий лаз, вход в который временами то обваливался, то зарастал льдом. В 1914 году пещеру в долгосрочную аренду взял кунгурский мещанин Александр Хлебников. Путешествуя по Америке, он так впечатлился организацией экскурсий по Мамонтовой пещере, что решил перенести этот опыт на родную землю. И дело пошло. В первый же год Хлебников организовал экскурсию по пещере для сестры российской императрицы, принцессы Баттенберг, и ее дочери Луизы. Это событие даже дало название одному из переходов пещеры. Переходя из одного грота в другой, Луиза разбила коленку о каменные ступени – место это назвали «Дамские слезки». А позже Луиза вышла замуж за шведского короля, и люди придумали: если девушка поскользнется на этом месте Ледяной пещеры, найдет хорошего мужа. Впрочем, сам Хлебников старался впредь подобных инцидентов избегать, с каждым годом делая пещеру безопаснее для посетителей. А экскурсии он проводил вплоть до своей смерти в 1951 году.

ГОРОД, НЕ ВЗЯТЫЙ ПУГАЧЕВЫМ

Однако интересна, конечно, не только история пещеры, но и биография самого города. Она так же затейлива, как уральский ландшафт, она петляет в веках, отмечаясь то резкими скальными выступами, то карстовыми провалами, следует за рекой времени то безмятежно, то образуя дивные водовороты и вздыбливаясь на порогах. Даже сам город был основан не с первой попытки. Оно и понятно: место это никогда не было пусто, много кому оно было любо. Территория между двух рек с высокими холмами, защищающими от ветра, и огромной пещерой привлекала многих. Жизнь кипела тут, если верить археологам, с V века до н.э. Позже тут селились финно-угорские племена, хаживали сюда из-за гор вогулы. К моменту появления здесь русских переселенцев тут жили иренские татары.

А русские приходили разными путями. Одни откалывались от дружины Ермака во время его легендарного похода в Сибирь или после возвращения из него, разбивая хутора на Сылве, Ирени, Шакве и Кунгурке. Другие спускались с севера – из Чердыни и Соликамска. Собственно, чердынские и соликамские воеводы, дворянин Прокофий Елизаров со стольниками Петром Прозоровским и Семеоном Кондыревым, и выкупили тут земли у местных татар да заложили в 1648 году в 2 верстах от впадения Кунгурки в Ирень новый город. Название поселению дали, не мудрствуя, по уже устоявшемуся топониму предположительно тюркского происхождения: ункур – значит теснина, щель в скале, пещера. В 1662 году здесь вспыхнуло восстание башкир. Они разорили и выжгли поселение. Уцелевшие жители обратились с челобитной к царю Алексею Михайловичу, чтобы разрешил им поставить новую крепость. В 1663-м приступили к строительству, но уже на новом ме-

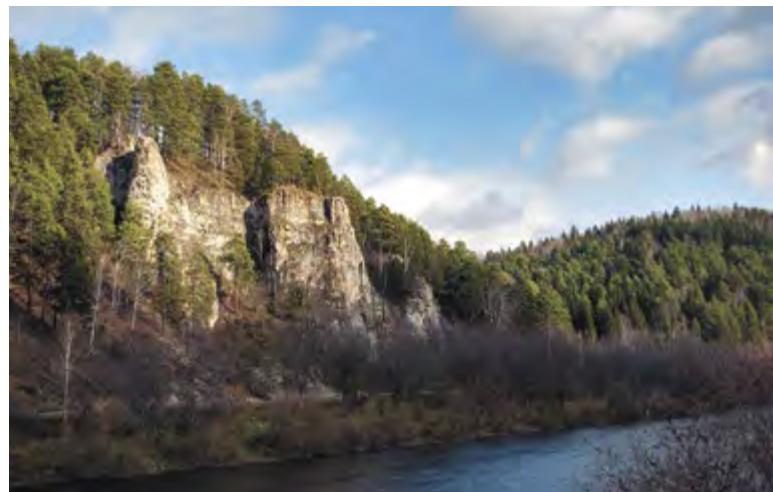
ПАВЕЛ ЛИСИЦЫН/РИА НОВОСТИ
Вид на Кунгур и сливающиеся Ирень и Сылву

сте – в 17 верстах от предыдущего. И лучшего места здесь было не сыскать: сходящиеся, вновь разбегающиеся и наконец сливающиеся Ирень и Сылва образовали почти неприступный остров, в центре – гора, вокруг – холмы. Здесь выстроили стены с восемью башнями.

Кремль, впрочем, быстро обветшал за неиспользованием его по назначению. Город развивался не как крепость, а как центр ремесленников и зарождающейся промышленности. До 1723 года тут работал медеплавильный завод, после переехавший в Пермь. В 1720 году Татищев открыл в Кунгуре Горную

канцелярию, а в 1721-м – первую горнозаводскую школу, где жители могли получить не только квалификацию горного мастера, но и общее образование. В 1724 году на Сылве заработал кожевенный завод. Жить было чем. Жить было куда. Город расширялся.

А в 1774 году к Кунгуре подступили татарские, башкирские и казачьи пугачевские отряды под началом Салавата Юлаева и Ивана Кузнецова – более 10 тысяч мятежников. И город, в котором жителей было в два раза меньше, чем в надвигающихся шайках разбойников, обуяла паника. Бунтов-

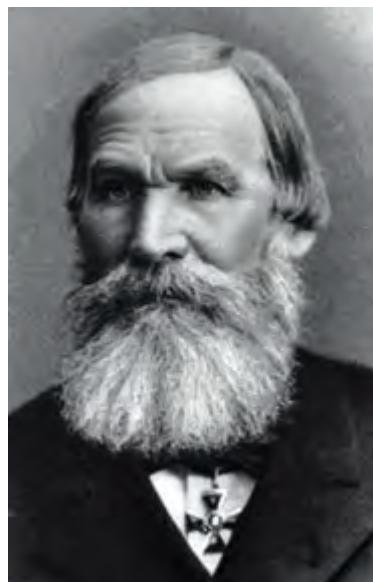
Место у камня
Ермак особенно любят туристы
с палатками

щики уже разорили и сожгли несколько окрестных селений, переманили на свою сторону многих местных крестьян и заводских рабочих: кого обещаниями несметных богатств, кого – угрозой расправы. Такой ужас надвинулся, а в городе ни укреплений, ни плана отражения атаки. Кунгурский воевода и большинство чиновников бежали в Верхнечусовские городки к Строгановым. За оборону взялись бургомистр Филипп Кротов и купец Иван Хлебников. Первый договорился с окрестными заводами о поставках ружей и пороха и добился привлечения в город военных отрядов из Казани. Второй организовал денежные сборы с купечества на вооружение горожан и сформировал народное ополчение. Свою лепту внесла и церковь. Священники разоблачили личность Пугачева. Три недели пугачевцы пытались взять город штурмом. Но каждый раз кунгуряки отбивали атаки. В последний, особенно сильный штурм жители устроили в городе крестный ход, взяв из Тихвинской церкви икону Тихвинской Божией Матери. Когда люди с иконой вышли на крепостной вал, бунтовщикам

показалось, что появилось многочисленное войско, и они, испугавшись, бежали.

Пугачев смог «взять» город только через полтора столетия. В то время, когда советская власть провозглашала новых героев и по такому случаю всюду меняла топонимику. В Кунгуре, в том самом месте, где когда-то находился оборонительный вал, с которого горожане прогнали разбойничье шайки и где был установлен памятник защитникам города, улица стала носить имя Пугачева.

За памятником купцу Алексею Губкину открывается чудесный вид на церковь Спаса Преображения

ЧАЙНАЯ СТОЛИЦА РОССИИ

В 1790 году, следя в сибирскую ссылку и проезжая Кунгур, Александр Радищев писал, что «город худо построен», а Василий Жуковский, побывавший здесь в 1837-м, отзывался едкой эпиграммой: «Город в яме – народ пьяный». Но уже начиная с 1840-х годов Кунгур становится крупным торговым центром Урала и «чайной столицей России».

Такое имя город получил благодаря Алексею Губкину – сыну купца третьей гильдии. Обстоятельства и место рождения рисовали не самую завидную участь: отсутствие образования, мелколавочная торговля, узость мыслей и интересов. Но молодого человека манил дух странствий. И он ударился в челночество. Возить пробовал разное, но скоро решил сделать главную ставку на чай из Китая – открыл фирму. И если до него в России чай продавали только крупным оптом, фактами (большие тюки, набитые разными сортами чая. – Прим. ред.), и покупатель часто даже не понимал, что входит в конкретную партию товара, то Губкин стал продавать чай определенных сортов, веса и по разной

цене. Со временем бизнес расширялся, причем не только росли объемы торговли – сеть магазинов Губкина покрыла почти всю страну, – но и открывалось производство: купец приобрел в собственность несколько чайных плантаций в Китае.

Росли, понятно, и прибыли. А с ними и притязания. Мало удовлетворить собственные потребности, какие бы они ни были, благополучной хочется видеть не только свою жизнь, но и то, что ее окружает. Губкин стал вкладываться в родной город. Не окончив даже нескольких классов гимназии, он жертвовал на различные образовательные учреждения, а потом открыл Кунгурское техническое училище и сделал его доступным для «малолетних мужского пола всех состояний, званий и вероисповеданий».

А для девочек из бедных семей предприниматель основал Елизаветинскую рукодельную школу. Оба учреждения отличались самым современным оборудованием и прогрессивными инженерными решениями: работали паровое отопление, водопровод, газовое освещение, было много мастерских, лабораторий, библиотек. Даже больницы работали и при училище, и при школе. А еще это были просто красивые здания: строгие, в классическом стиле, но элегантные – они задавали тон новому архитектурному облику города.

Город хорошел. Поднимались и другие купцы. И они тоже развивали не только торговую инфраструктуру города, но и социальную, а также религиозную. Как писал путешествующий в 1875 году по Каме и Сылве брат известного режиссера Василий Немирович-Данченко, «все тут живут тем, что даст купец. Он дает тон городу, он первый и в городской, и в земской управе. В клубе чиновники перед ним млеют, в соборе батюшка о его благотворениях произносит краткие слова. Мещане смотрят ему в глаза и еще издали снимают шапки».

ПАВЕЛ ЛИСИЦЫН/РИА НОВОСТИ

В особняке купца Дубинина теперь находится администрация города

Огромный вклад в благоустройство города и улучшение общественной жизни внесли купцы Андрей Пиликин, Михаил Грибушин, Ефим Дубинин, Алексей Чуватов, братья Чулошниковых.

Только в первой половине XIX века в крохотном Кунгуре проживало 225 купцов первой и второй гильдий. Многие из них становились гласными городской думы, мировыми судьями, возглавляли отдельные городские службы, некоторые становились городскими головами. В Кунгуре появлялись и роскошные особняки, и сиротские дома с больницами, и новые фабрики, и прекрасные церкви, и большой Гостиный двор, и школы с библиотеками. Многое сохранилось до наших дней.

О том, как развивался город во время расцвета предпринимательства, можно узнать в Музее истории купечества, что располагается в Малом гостином дворе. Музей интересен не только постоянными экспозициями, но и временными выставками и интерактивными костюмированными мероприятиями, в основном связанными с популярным напитком: «Мы за чаем не скучаем», «В гостях у самовара», «В кунгурской чайной».

ПАВЕЛ ЛИСИЦЫН/РИА НОВОСТИ

Колокольня Тихвинской церкви – это кунгурская Пизанская башня, она стоит с наклоном в 3,5 градуса

«ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ НЕЗАПАМЯТНОЙ»

А вот эстетически город со всем своим славным прошлым раскрывается буквально всюду. Кунгур у странным образом повезло, карстовая природа местности избавила его от многоэтажной застройки. И какой удивительный вид открывается теперь с высоты смотровой площадки у Тихвинской церкви! За зелеными косами берез каскадом спускаются красные

крыши маленьких домиков, внизу упругой дугой извивается Сылва, за ней красуется Преображенская церковь с тонкой колокольней и лазурными маковками.

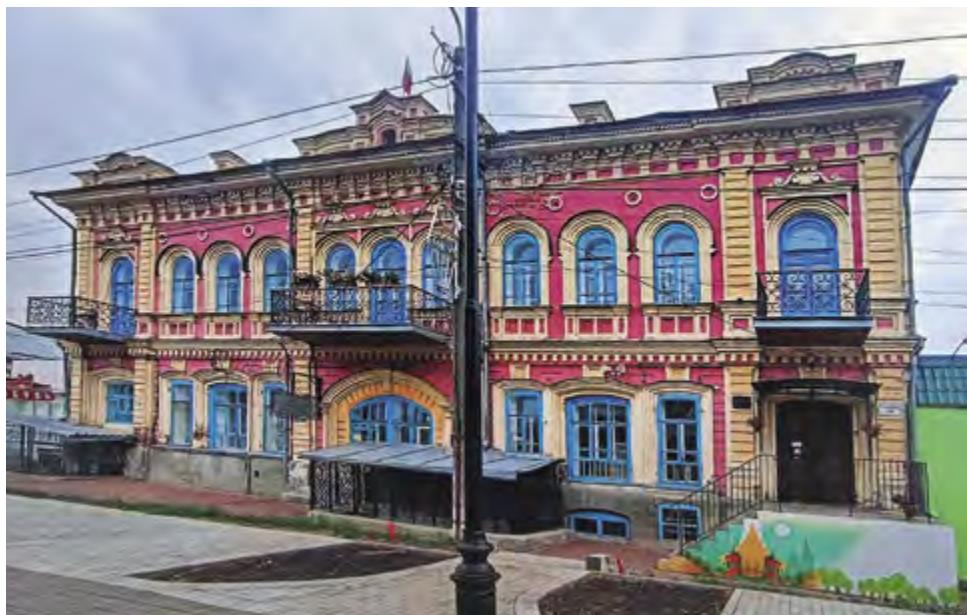
А если посмотреть в сторону Главного Сылвенского моста, глаз слепит златоглавая Успенская церковь. Еще повернешь голову – друг за другом два моста через Ирену: веселый дугобразный, увенчанный сложной фермой – Преображенский,

Мостов в Кунгуре много, и все они разные

Интерьеры особняка Цукермана сегодня радуют школьников – посетителей Дома детского творчества

и прямой, строгий как новобранец – Иренский. По другую сторону, вдалеке за Ледяной горой, опять мост – Филипповский. Кунгур – город мостов, их здесь одиннадцать. Сами по себе они, может, и не произведение искусства, но, вписанные в ландшафт со всеми этими холмами и речными изгибами, они делают пейзажи совершенно изумительными.

Но не панорамами едиными. И кадры, взятые крупным планом, приводят в настоящий восторг. Взять для примера хоть декор той же Тихвинской церкви – замысловатость ее кирпичной кладки можно рассматривать бесконечно, а сочетание русских узоров с элементами европейской готики и вовсе необычно. Общий ансамбль с Тихвинской церковью образует особняк Дубинина, ныне здание администрации города. Он тоже отличается сложностью украшений, а самое потрясающее в нем – огромный фронтон и балконы с коваными оградами удивительно тонкой работы. От особняка к мостам, петляя, спускается улица Гоголя, бывшая Поперечная. Это самая короткая улица города, но тут все

самое интересное, из сорока разместившихся на ней зданий 14 являются памятниками архитектуры. Если двигаться от администрации и памятника самовару, то первым путешественнику приветствует Гостиный двор. Затем из сквера с памятником Губкину выглядывает первое общественное каменное здание Кунгура – Городовой магистрат. Когда-то здесь останавливался Радищев, теперь тут краеведческий музей. Рядом с краеведческим стоит упомянутый ранее Музей истории купечества – розовое здание с дивными карнизами. Дальше по этой же стороне стоит нарядный дом из бутового камня – это особняк купца Софронова и библиотека имени Хлебникова. Через дорогу – Театр юного зрителя. Любопытно, что разместился он в некогда хозяйственных постройках, на складах купцов Коллаковых. А заканчивается улица лаконичной современной скульптурой «Пуп земли». Тут же, почти у самой воды, находится еще одна смотровая площадка.

Дальше вдоль реки, по улице Карла Маркса, не менее интересно. Тут и особняк купца Цукермана, и скромный дом протоиерея Антонина Знаменского, и красивое здание Кунгурского городского четырехклассного училища, где сейчас обычная школа, и праздничный особняк Кузнецова, который до революции жители иначе как дворцом не называли, и дом Грибушина – образец уральского барокко.

Бродить по Кунгuru можно бесконечно долго, сворачивать в тихие скверы, плутать в совсем узких улочках, где внезапно может открыться какой-нибудь безымянный, но удивительный дом, или подниматься на возвышенность и окидывать взором великолепные панорамы. И впору после таких прогулок писать путевые заметки, следя, допустим, примеру Мельникова-Печерского, посетившего Кунгур в 1839 году. Вот что отмечал он в очерке, опубликованном в «Москвитянине»:

ПАВЕЛ ДИСИЦЫН / РИА НОВОСТИ

Пешеходная часть улицы Карла Маркса – одно из любимых мест горожан

«Поднявшись на Бабкинскую гору и проехав три версты с половиною, мы очутились у края крутой и высокой горы Иренской. Под нею протекали и сливались Сылва и Ирень, по берегам которых раскинулся Кунгур. Направо высокая возвышенность, на которой находился собор и еще несколько церквей и домов Кунгура; налево долина, полузакрытая вы-

сокими домами. Прямо перед вами за Кунгуром белою стеновою тянется правый берег Сылвы, возвышается известковая Ледяная гора, славная своею пещерою. На ней стоят два Чудские городища, и эти памятники старинны незапамятной, кажется, так угрюмо смотрят на новый Кунгур, который у подножья их кипит торговой и промышленной деятельностью».

Дом нотариуса Глушкова современниками был оценен как «нелепица», а сегодня это памятник кунгурского модерна

ПАВЕЛ ЛИСИЦЫН / РИА НОВОСТИ

А можно посмотреть на город и глазами Василия Немировича-Данченко. И увидеть, что не так уж много и изменилось. «Город построен отлично, – отмечал путешественник. – Красивые церкви без того запущенного вида, каким они отличаются в других местах, красивые дома, где ни во дворе, ни в окнах не видать ни души. Большое и роскошное здание Губкинского приюта на несколько корпусов, сады с густою листвой своих лип и кленов, – все это подходит прямо к крутыму берегу

Сылвы, по которому сползают вниз по крутыму берегу маленькие, покривившиеся домики кунгурской бедноты... По моему мнению, это один из самых красивых городов нашего востока, да и из самых благоустроенных». Дома, конечно, постарели, поблекли, но церкви все так же красивы. Может, это сегодня и не самый красивый город востока, но точно самый интересный из старинных городков Прикамья.

А главное, он живой. Время в нем не остановилось. Здесь по-

Раз в год
небо Кунгурा
украшают
разноцветные
аэростаты

стоянно проводятся разные мероприятия и фестивали. Один из самых известных – «Небесная ярмарка». Это ежегодный праздник воздухоплавания. В дни фестиваля в небо над Кунгуром поднимаются десятки воздушных шаров. Мероприятие спортивное: аэронавты выполняют в воздухе разные задания и борются за победу. Но нельзя отменить и художественную составляющую. Неслучайно ведь местом проведения выбрали не скучную, пустынную равнину, а уральское предгорье. Есть в этом, думается, и немалое искушение: сложно управлять аэростатом, не отвлекаясь на дивные пейзажи внизу. Вот изогнулась подковой красавица Сылва, вот показался скальный ансамбль – камни Ермак, Ермачиха и Ермачонок, вот небо пронзил шпиль Тихвинской церкви – как тут сосредоточиться на спортивных задачах? Бросишь все, покориши стихии, отдашься воле ветра, глядишь, унесет куда-нибудь к Белогорскому монастырю, обители, возвышающейся над Пармой – уходящей волнами в бесконечность пермской тайгой. ■

А к «Пупу земли»
туристы приходят,
чтобы загадать
желание

СВИДАНИЕ В СЕНТЯБРЕ

автор

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

фото

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В КОНЦЕ ЛЕТА СО МНОЙ ВСЕГДА ТАК. СКУЧАЮ ПО МОСКВЕ. ВЕДЬ ЛЕТОМ ЧТО? ЛЕТОМ – ДАЧА, ГРОЗЫ, ЖАРА, КОМАРЫ, МУХИ. ЛЕТОМ МАЛИНА, СМОРОДИНА, ВИШНИ, ЯБЛОКИ. ЛЕТОМ ПРОПОЛКА, ПОЛИВКА, НАЛИВКА, НАСТОЙКА, ГРИБОЧКИ-ЯГОДКИ. ХОРОШО? КОНЕЧНО.

АБЫВАЮТ ЕЩЕ ПУТЕШЕСТВИЯ. К ним готовишься всю зиму. Экономишь. Прикидываешь. Сравниваешь. Собираешь мнения домашних. И в конце концов покупаешь путевку на теплоход! Например, по Верхней Волге – Углич, Мыскин, Калязин, Тутаев, Рыбинск, Ярославль, Кострома, Плес, Чкаловск, Кинешма. Нижний? Нет, до Нижнего Новгорода финансы доплыть уже не позволяют. Или, скорее, так: доплыть можно, но обратно – только на поезде. Ну кому это надо,

после теплохода пересаживаться на скучный тепловоз, верно? А досужие разговоры, что, мол, КИМ надоел, в нашей семье совсем не понимают! Как это – надоел?

Когда белый теплоход крадется по КИМу (Каналу имени Москвы, кто не в курсе) с его водохранилищами, бьефами и шлюзами – на север, к Волге, создается мягкое лирическое настроение, не покидающее бывалого речного туриста до самой последней стоянки, до финишного трапа в Северном речном порту. И сколько с этим каналом

связано? В моей жизни и в жизни нашей семьи – многое. Короче говоря, путешествие, плавание по реке сравнить не с чем, ответственно вам заявляю. Первый раз я шел по реке в 1972 году от Москвы до Астрахани и обратно, так что некоторый речной опыт имеется... И все же, все же... Скучаю по родному городу. И чем далее – тем больше. Аж снятся бульвары, переулки, тупички, площади, дома и домишкы, закусочные, трамваи, горочки-пригорочки, где сведущий пешеход лучше двинет вниз, а новичок обязательно попрет вверх. Пора, братцы, пора! Вот и сентябрь на дворе. В дорогу, в дорогу! Что там изменилось на родных перекрестках, что произошло? К тому же давно пугают невиданным городским масштабным благоустройством, мол, надо за пять лет обустроить тысячи улиц. Представляете перспективу? Тысячи улиц... За пять лет... А те улицы и те годы, что bla-

Пушкинский
музей
на Волхонке,
творение
архитектора
Р. Клейна,
строился
четырнадцать
лет

Александр
Сергеевич
Пушкин –
пожалуй,
самый
любимый
москвичами
памятник
столицы

Как это там у Александра Сергеевича?

Мы ждем с томлением упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.

Конечно, мы начинаем свидание с Пушкина. Вот он, позеленевший, хоть отмывают и скоблят памятник каждый год, стоит, печально склонив голову в сторону Тверской улицы... А здание «Известий» в лесах, в строительных лесах, как и было весной...

Тут – видимо, на нервной почве – срочно разыгрывается аппетит. В углу известинских хором, несмотря на ремонт, сохранилась столовая сеть с коротким сельскохозяйственным заголовком. «По борщу?!» «Почему бы и нет», – неожиданно соглашается жена.

Берем борщ московский и по куску полезного зернового хлебца. 500 рублей. Но вкус не плохой. Не домашний, конечно, но все же. Рядом уминают гречку с котлетами две дамы бальзаковского возраста в одинаковых черных футболках. На спине этих черных футболок белая крупная надпись: «Что наша жизнь? Игра!» Ух ты. Наши столики на улице, под тентом.

А в сквере напротив идет экскурсия. Экскурсовод наверняка читает что-то из Александра Сергеевича. Возможно, такое: Но вот уж близко. Перед ними Уж белокаменной Москвы, Как жар, крестами золотыми Горят старинные главы.

«Бульварами? Вниз?» «Бульварами, вниз, – опять соглашается жена, – но только давай поедем на автобусе. Столько всего навестить хочется... Пешком не выйдет».

Вот это мудро! Мы идем к знакомой остановочке, где раньше троллейбусы с неизменными номерами 15 и 31 ходили не годы – десятилетия. А теперь? Какой-то незнакомый 5А. Словно класс в школе. Зато автобус пустой. Садимся. Едем. Смотрим. Так...

гоустраивали и текли ранее, – это уже не в счет?! Как же так? «Представь, – говорит на это моя жена, пока мы едем в метро, – если все соседи в подъезде начнут друг за другом благоустраиваться. Менять, например, железные входные двери в квартиры... Начнут Барановы с первого этажа, затем Калабушкины со второго, затем Пронкины, потом Фалалеевы, потом мы... А потом все примутся по новой стеклить балконы... Первый Марисов, он давно не стеклил... За ним Копытина, это уж обязательно... А потом еще все решат навешивать кондиционеры... Это же с ума сойдешь от несмолкаемого грохота, то снизу грохочут, то сверху, то слева, то справа... И конца-края этому грохотанию не видно. И не слышно. А если еще стены в подъезде перекрасить? Почему нет? Облупились за зиму. Да и цвет не того... Красить! При плюс тридцати трех градусах тепла красить в подъезде лучше всего... Чтобы быстрее сохло!»

Памятник естествоиспытателю Клименту Тимирязеву у Никитских Ворот появился в 1923 году

Тверской, Никитский, Гоголевский... Много кругом людей в оранжевом, ох много. У некоторых обед. Едят что-то вроде доширака в пластиковом стакане. Отбойный молоток и лопата лежат рядом.

У Никитских Ворот благоустройство особенно заметно. С трех сторон заборы. И ТАСС, и Тимирязев скучают. Очень хорошо, что мы пешком не пошли. Весь правый ряд в ремонте.

А вот на Гоголевском бульваре вроде спокойнее. Поворот. Стоп. Достаточно. Выходим. Спасибо.

* * *

Остоженка! Пречистенка! Здравствуй, товарищ Энгельс! Ну и глазы, конечно, горят на солнышке храма Христа Спасителя...

Батюшки, да и храм ведь в лесах. Вон, рабочие, под самыми куполами...

Но в остальном здесь спокойно, тихо и даже безлюдно. Хамовники.

И самое демократическое кафе – из окошка – живо и на своем месте! Маленький американо – 130 рублей за стаканчик. Берем два и моментально через дорогу – на лавочку в теньке, под сибирью. По соседству с Энгельсом,

Большая Никитская улица через площадь переходит в Малую Никитскую

Памятник Фридриху Энгельсу у Пречистенских Ворот установлен в 1976 году

который отчего-то не зеленеет, а привычно строг и сер.

Пьем кофе, закуриваем и оглядываем родные Хамовники.

Сзади – Энгельс и Остоженка, бывшая Метростроевская.

Слева – палаты и особнячки Пречистенки о трех этажах в рядок.

Правее – храм Христа на месте бывшего бассейна, левее – станция метро «Кропотkinsкая», ее не переименовали. Дальше – Институт русского языка, Пушкинский музей и Волхонка...

Сколько связано с этой площадью и с этими улицами-лучами, идущими от нее, тысячу раз рассказывал, повторяться не стану. Любимое место города. Точнее, одно из самых любимых.

«Прогулка на лавочках, – говорит жена. – Как ты любишь». А я и в самом деле именно такие прогулки люблю. Сидишь и смотришь... Потом куда-то пройдешься, сменишь обстановку и снова присядешь. И снова смотришь.

Белые палаты князя Прозоровского на Пречистенке едва не снесли в 1972 году

А все ли дороги ведут к Храму?..

Вот куда этот дядя спешит – пиджак на голое тело, домашние тапочки и авоська позякивает в руке?

«Явно в тенек. Прилечь хочет. Устал», – уверяет жена.

Дядя и в самом деле неожиданно укладывается на траву под деревом, неподалеку от старинных палат, на которые тоже давно набросили строительную сетку.

Или вот люблю вывески на особняках перед нами. Такие возникают ассоциации...

В соседях: «Русская церковная лавка» – это раз, заведение «Еще вина!» – это два, и «Мясной ресторан» – это три. Три здания рядом, три вывески. Какая полнота чувств, какая сборная страсти, какая наполненность жизни. Нет, вы чувствуете?..

Или Остоженка... «Золотая миля». Самые дорогие кварталы города. Край богачей. Тут пешком не ходят. Не принято. А в 1935-м улица была Метростроевской, тут вырыли первую линию метро, и газета «Рабочая Москва», предтеча «Московской правды», сообщала читателям аккурат 16 мая: «Вчера на метрополитене открылась нормальная эксплуатация... Наплыв пассажиров превзошел все

наши ожидания. С 7 часов утра до 9 было перевезено 28 638 человек, с 9 до 12 – 56 746, с 12 до 15 – 72 662 человека, с 15 до 18 – 72 140 человек... До конца движения перевезено 350 тысяч человек.

Билеты выдаются двух цветов – желтый по направлению от станций «Парк культуры» и «Смоленская» до станции «Сокольники» включительно. Билет малинового цвета – в обратную сторону. Однако некоторые думают, что, купив один билет, они могут ездить с ним сколько вздумается... Еще наша просьба: при посадке выжидать, пока пассажиры выйдут из вагона.

Наша задача состоит именно в том, чтобы поезда метрополитена, гордо носящего имя любимого руководителя Лазаря Моисеевича Кагановича, ходили так, как ходят хорошие часы».

А 10 февраля 1936 года «Рабочая Москва» поделилась с читателями довольно неожиданным пассажем о Пушкине: «Ни Гоголь, ни Лермонтов, ни Гончаров, ни Толстой, обычно остававшиеся на ограниченной почве русских сюжетов, не давали в своем творчестве такого сближения с широкой меж-

Знаменитый арочный вход-выход на станцию метро «Кропоткинская» и на Гоголевский бульвар

Волхонка стремится на Боровицкую площадь

дународной жизнью, какое дал Пушкин. Этот своеобразный и редкостный интернационализм далекого художника также вплотную сближает его с нами».

Вот Пушкин посмеялся бы. Да и Лермонтов с Гончаровым и Толстым, пожалуй, озадаченно хмыкнули бы.

«Еще вина!» – предложил бы, а то и потребовал бы Михаил Юрьевич.

* * *

Ну-с, куда дальше? По Волхонке в Пушкинский музей? Конечно нет, в музеи мы, как правило, ходим зимой. По Соймоновскому проезду к реке? Тоже нет, знаменитые речные волжские пейзажи еще не стерлись из памяти. Пусть простит нас Москва-река. А что автобусы? Раньше на этой остановке притормаживали два маршрута.

Троллейбус №15 по бульварам возвращался на Пушкинскую. Троллейбус №5 долго рулил до Савеловского вокзала.

А как теперь?

А теперь вот подходит к нам длинный синий №6 до незвестной Дангаузеровки... Позвольте! Раньше №6 – это был отличный маршрут: через Большой Каменный мост от дома Пашкова в Замоскворечье на Софийскую набереж-

ную и до Павелецкого вокзала... При чем тут какая-то Дангаузеровка?

Но жизненный опыт подсказывает: сегодня этот вариант – лучший! Садимся? Садимся. Опыт не подвел.

Мы уверенно навестили наших друзей и знакомых, неспешно двигаясь на восток, словно разрезая город на части, на слои.

Смотрите сами.

Памятник
Александру II
Освободителю
установлен
в сквере у храма
Христа Спасите-
ля в 2005 году

Михаил
Васильевич
Ломоносов
дежурит у стен
старого МГУ

По Волхонке мы выкатились к памятнику царю Александру II Освободителю со львами.

Успели бросить взгляд на Ленинку, где на месте скромной некогда пельменной ныне ресторанная и столики на уличке. На Боровицкой площади автобус через мост не пошел. Зато показал нам князя Владимира в лучшем виде.

На Воздвиженке мы кивнули Достоевскому, отметили, что у Кремля много людей и что М.В. Ломоносов на своем законном месте – внушительно восседает у старого корпуса МГУ.

Ну и, разумеется, обратили внимание на мемориальную доску Александру Сергеевичу Пушкину на старом здании университета Московского. Адрес – Моховая, 11.

В сентябре 1832 года поэт посетил университет в компании министра народного просвещения Сергея Семеновича Уварова. Лекцию студентам в тот момент читал профессор И.И. Давыдов. За ним должен был читать М.Т. Каченовский. «Указывая на вошедшего с ним молодого человека, г-н министр сказал: «Здесь преподается теория искусства, а я к вам привел само искусство», – вспоминает тогдашний студент.

Спор о подлинности «Слова о полку Игореве», возникший тут же между Пушкиным и историком и критиком Михаилом Трофимовичем Каченовским, описан в своих воспоминаниях Иван Гончаров, будущий классик русской литературы, а тогда студент университета. «Я не припомню подробностей их состязания, – помню только, что Пушкин горячо отстаивал подлинность русского эпоса, а Каченовский вонзал в него свой беспощадный аналитический нож. Его щеки ярко горели алым румянцем, и глаза бросали молнии сквозь очки. Может быть, к этому раздражению много огня прибавлял и известный литературный антагонизм между ним и Пушкиным. Пушкин говорил с увлечением, но, к сожалению, тихо,

сдержаным тоном, так что за толпой трудно было расслышать. Впрочем, меня занимал не Игорь, а сам Пушкин.

С первого взгляда наружность его казалась невзрачною. Среднего роста, худощавый, с мелкими чертами смуглого лица. Только когда вглядишься пристально в глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство в этих глазах, которых потом не забудешь. В позе, в жестах, сопровождавших его речь, была сдержанность светского, благовоспитанного человека»...

На площади Революции восседает со своим кулачищем Карл Маркс, а почти напротив, на Театральной площади, посапывает в своем кресле у Малого театра Александр Николаевич Островский.

Островскому мы передали поклон от жителей славного города Кинешмы, а Карлу Марксу – революционный салют от Фридриха Энгельса из Хамовников.

А дальше была Лубянка, ресторанчик с убойным названием – «Контрразведка», был Ильинский сквер, где вверху памятник героям Шипки, а внизу – памятник создателям русской азбуки – святым братьям Кириллу

Храм Софии
Премудрости
Божией на
Пушечной улице
затерялся среди
гигантов

Лев Иванович
Яшин –
портрет на
торце дома на
Народной улице.
А какой же еще?!

и Мефодию, и была улица Солянка, где больше не продают чебуреков у метро, и была река Яузя, и кинотеатр «Иллюзион» в знаменитой высотке на Котельнической, и могучий Дмитрий Донской на коне в сквере на площади Яузские Ворота.

Нет, совсем не зря мы выбрали маршрут №6, без пробок доказав на нем от Пречистенских Ворот до Ворот Яузских... Правая выделенная полоса для муниципального транспорта – великое изобретение человечества.

А дальше как? Вы думаете, мы рванули штурмовать Верхнюю Радищевскую улицу? Конечно нет, мы никуда не рванули, а сели тут же на автобус №7, который мигом взял высоту и высадил нас на Таганской площади. Так...

Вот где ремонт и благоустройство кипит без устали... Бордюры меняют. И много чего еще. Под малюсенький звон местной церкви мы аккуратно обошли Таганочку с севера. Отметили для себя стабильный рынок нумизматов

Таганская
площадь
в дожде

По Восточной
улице когда-то
ходили трамваи

на Гончарной. Кивнули театру. И портрету Льва Ивановича Яшина на торце. И на Большых Каменщиках дождались автобусика №856, что трудолюбиво возит пассажиров в наши южные края почти из центра города.

Вы скажете, метро быстрее и проще? Возможно, и так, не буду спорить. Но оканчивать прогулку в метро – себя не уважать. Мы так делаем в минуты крайней усталости. Или спешки. Или погодных аномалий.

В автобусе лучше. Видишь город. Вот и совсем знакомые места. Улица Восточная, улица Автозаводская, где ведь тоже давно не ходили, не гуляли, не сидели на лавочках. Вот и река Москва...

Что там в наших краях? Не пережимают ли с благоустройством? Нет, вроде по-старому все. Тихо, привольно.

Ба, а это что такое? Верный наш друг, трамвай «Витязь», занял новый номер. 47+14. Так и написано, словно надо решить пример перед дорогой. Это что же? Соединили два маршрута? Теперь из Нагатина можно без пересадок взять да махнуть до «Университета»? Надолго ли?

Любопытно. Чем не маршрут. Осень еще не кончилась... Она только началась – осень. ☺

ОДНОДВОРЕНЬ СТАРОСТИН

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

НЕДАВНО АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
СКОСИЛ ТРАВУ У ДОМА ТАИСИИ ФЕДОРОВНЫ.
В МОЛОДОСТИ ОНА РАБОТАЛА В КОЛХОЗЕ
УЧЕТЧИЦЕЙ МОЛОКА, А ПОТОМ ПЕРЕЕХАЛА
ЖИТЬ В ГОРОД. ПРАВДА, В РОДНУЮ ДЕРЕВНЮ
ПРИЕЗЖАЛА ПОСТОЯННО. Но в прошлом году
ТАИСИЯ ФЕДОРОВНА УМЕРЛА. В ДОМ С ТЕХ
ПОР НИКТО НЕ НАВЕДЫВАЛСЯ, И ВСЕ ВОКРУГ
ЗАРОСЛО БУРЬЯНОМ ТАК, ЧТО ВО ДВОР
НЕ ВОЙТИ. НИКТО НЕ ПРОСИЛ АЛЕКСЕЯ
НИКОЛАЕВИЧА ВЫКОСИТЬ ТРАВУ, САМ РЕШИЛ
ЭТО СДЕЛАТЬ. СЧИТАЕТ, ЧТО ДОРОГА К ДОМУ
ДОЛЖНА БЫТЬ СВОБОДНОЙ. ГОВОРИТ,
ДОЛЖНО БЫТЬ ВСЕМ ПОНЯТНО, ЧТО ЛЮДЕЙ
В ПИЧИНЕЙКЕ – СЕЛЕ НА ОКРАИНЕ МОРДОВИИ –
ПОМНЯТ И ЖДУТ.

AЧТОБЫ СНОВА ВСЕ не заросло бурьяном, Алексей Николаевич здесь ячмень посеял – на корм своим козам.

Дом Таисии Федоровны держится, как говорится, на честном слове. Пазы в бревнах тряпками забиты. Крыльце покосилось. Таких домов, окруженных высохшей и увешанной паутиной сиренью, в деревне Пичинейка много.

Когда 63-летний Алексей Николаевич Старостин выходит косить траву вокруг брошенных домов Пичинейки, то неизменно вспоминает их бывших владельцев. Вот на этом месте раньше стоял дом Алексея Васильевича Батяева, его сын Владислав иногда приезжает сюда – навещает родные края. От дома Владимира Ивановича Аввакумова одна печка осталась. Он бригадиром работал в колхозе, а потом перебрался в соседнее село Ахматово. Вон там еще стоит изба Ивана Кузьмича Сухова. И он, и его жена оставались в деревне до последних своих дней, хотя переехавшие в город дети к себе звали. А вон там дед жил, Сергей Васильевич Попков. На месте его разрушенного дома теперь густые кусты черемухи.

«А тут Ольга Захаровна Егорова жила, – говорит Алексей Николаевич собаке Найде, которая крутится у ног. – Помнишь, она тебя подкармливала?»

Идти дальше, продираясь сквозь заросли бурьяна, Старостин не хочет. Теперь там не пролезешь, хотя в прежние времена эта деревенская улица тянулась еще на километр. «А сегодня вся деревня – метр на метр», – машет рукой Старостин и отворачивается...

Раньше в деревне не было нумерации домов. Но вот недавно администрация зачем-то распорядилась таблички навешать. И даже дала название единственной улице – Комсомольская. Алексей Николаевич со своей женой над этой несуразицей часто посмеивается. Анна Антоновна – его единственная собеседница в Пичинейке.

Если бы не семья Старостиных, жизнь в деревне Пичинейка дав-

Сразу видно,
что это руки
человека,
трудящегося
на земле

но прекратилась бы. Об этом Старостину часто говорила та самая Таисия Федоровна Кожандова, которая до конца своей жизни проводила здесь все лето. Приезжала постоянно, даже когда ей было далеко за 80. Всегда подробно спрашивала о делах: как перезимовали, какой урожай пшеницы сосед снял со своих полей, удачно ли продал зерно?

Алексей Николаевич говорит, что она единственная проводила все лето в Пичинейке. Другие бывшие жители обычно на один-два

дня приезжали – из Ярославля, из Свердловска... Как-то раз прибыли гости из Прибалтики, куда их еще детьми увезли родители, покинувшие деревню в далекие 1950-е по советскому оргнабору. И все они, увидев на месте родных домов заросли, ямы и печи, покрутятся-покрутятся да и идут по тропинке к единственному на всю Пичинейку обитаемому дому. Она еле заметна, ведь пользуются ею всего два человека. Последние жители деревни – супруги Старостины.

Облупившаяся
мазанка
из плетня
и глины
послужит
хозяевам
и в XXI веке

«НИВА» И «ДОН»

Алексей Николаевич носит синий рабочий комбинезон на лямках, сшитый из такого прочного материала, что в нем можно сквозь любые колючие кусты прорваться. Сносу ему нет, говорит Старостин. Последние несколько лет Алексей Николаевич работал грузчиком на цементном заводе, вот и осталась у него спецодежда.

Во дворе Старостиных нас встретила Анна Антоновна. Она – в цветастом платье и калошах. Проходим в дом, садимся за стол и продолжаем беседу, во время которой Алексей Николаевич разворачивает и аккуратно разглаживает обертку от каждой съеденной шоколадной конфеты. Жена обертку у него отбирает, он берет другую. «Ребенком мало сладкого ел, вот и осталась привычка», – улыбается Алексей Николаевич.

Он рассказывает жене, как во время прогулки по Пичинейке я пожалел деревца высохшей сирени. Старостину это явно не по душе, сирень он считает «пустым» деревом. Вот зрелице погибших от весенних заморозков посевов, которые он мне показал, это действительно печально, говорит он. Посевы Старо-

стина нынешней весной почти не пострадали, зато его соседи по полям многое пересевали. Им надо большие площади засевать. Вот у них возвратные заморозки первые всходы и уничтожили. А он со своими 20 гектарами не торопится. Соседи – крупные агрофирмы – сев заканчивают, а он только начинает. Двух дней на все про все ему хватает.

Алексей Николаевич ревностно следит за своими соседями. А они, в свою очередь, с любопытством наблюдают за тем, что творится в хозяйстве мелкого фермера из заброшенной Пичинейки. В других вымирающих деревнях люди просто свой век доживаются. А тут какой-то чудак на старой сельхозтехнике обрабатывает поля, снимает урожай и продает зерно жителям

Можно сказать, что у Алексея Старостина есть свой машинный двор

окрестных селений на корм для домашней птицы.

Гости, приезжающие посмотреть на родные места, оставленные их родителями, обязательно расспрашивают Алексея Николаевича и Анну Антоновну о своих предках. Те припоминают что могут. А потом Алексей Николаевич обычно ведет их на кладбище Пичинейки, где сам обкашивает могилы, поправляет забор и памятники. Эту обязанность он тоже взял на себя добровольно.

По пути на кладбище он обязательно обращает внимание гостей на поле, разделенное грунтовой дорогой. С одной стороны пшеница крупной агрофирмы. С другой – его посевы. Он и мне показал это поле. «Вот вы человек без опыта, сравните! – говорит он. – У моих конкурентов пшеница редкая, низкая, жидкая, среди бурьяна растет. А у меня густо, высоко, колосок к колоску стоит. У меня ухоженная, по парам сеяна. Эта высажена мелким производителем, а та крупным! Вот и разница!»

Однажды во время уборки в поле приехал хозяин той самой агрофирмы, ему было любопытно поговорить с последним жителем Пичинейки. Посмотрел

Старым покрышкам найдется применение

на «Ниву» – комбайн Старостина. Посмеялся над бедностью. Комбайн старенький, плохонький. Говорит: купи у меня комбайн «Дон»! Старостин отказался. Куда ему «Дон»! У Алексея Николаевича громадных полей нет, для его 20 гектаров и старенькой «Нивы» достаточно. «Я, в отличие от крупных производителей, не спешу ни сеять, ни убирать, – объясняет Алексей Николаевич, продолжая разглаживать конфетные фантиki на скатерти. – Но качество моего зерна особо никому не нужно. Крупные агрофирмы продают его мешками. А я – килограммами».

Старостина возмущает, что агрофирмы используют много химии, о будущем земли не заботятся. Сетует: что будет с ней завтра – им все равно, чем больше урожай, тем лучше. А когда он видит, как тяжелые, груженные зерном КамАЗы с прицепами «прут, как вагоны, по полю, словно по асфальту», то сильно раздражается: «Раньше-то грузовички возьмут два бункера и еле-еле, осторожно по полю пробираются!» Вернувшись по-

Этот безотказный труженик села надежный друг последнего жителя Пичинейки

Завершающим аккордом осенней поры будет вспашка

сле работы домой, он обязательно рассказывает об этом жене, пока она наливает воду в таз, чтобы муж умылся. Водопровода в деревне нет.

Анна Антоновна не раз предлагала мужу: может, сдать эти 20 гектаров в аренду той самой агрофирме и забыть уже про все эти хлопоты? А потом сама

себя останавливалася: не дачник же он, чтобы теплицами в огороде заниматься. Ему простор нужен. Ей хорошо известно, что значит для этого гордого и независимого человека работа на своей земле. Да и все жители прежней Пичинейки поддерживали Алексея Николаевича в желании держаться за свою землю.

Поля, которые обрабатывает Старостин, это русский чернозем

Пшеница, которая достается с таким трудом

НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Старостины, пожалуй, единственные в округе сохранили печь. Даже спят на ней. И печь голландку оставили. Воду набирают из колодца в огороде. Стальные косы-литовки, которыми пользовались еще дед и отец Алексея Николаевича, хозяева бережно хранят под козырьком крыльца. Гостей Старостины встречают радушно. Речь у них певучая, плавная.

Алексей Николаевич считает, что все самое лучшее было в прошлом веке. Выдающиеся люди для него – Герои Социалистического Труда, которых дала его родная Атяшевская земля, отличающаяся, кстати, превосходным черноземом.

«Вы живете как однодворец у Тургенева! Помните «Записки охотника», мы их в школе проходили?» – говорю я Старостину. И вспоминаю героя рассказа «Однодворец Овсяников». Он консервативен, стойко держится за патриархальные обычаи, кичлив и независим. Ориентируется на старинный обособленный уклад, а герой для него – граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский. Алексей Николаевич рассказ не помнит. Но тут же находит своеобразные минусы в современном образовании: «В первом классе мы писали перышками. В чернильницу ручки макали. А эти шариковые ручки только почерк испортили».

Между прочим, Анна и Алексей познакомились в школе села Челпаново. В старших классах Старостин ходил в эту школу из Пичинейки. Каждый день по 5 километров туда и обратно. Потом окончил курсы трактористов, а Анна в городе выучилась на кондитера. Правда, по специальности не проработала ни дня. За Алексея замуж вышла. Помнит, как он привез ее на мотоцикле в Пичинейку – показать деревню и с родней познакомить.

Приданое у деревенской девушки было незатейливое: зимнее пальто, плащ, юбки и пальто. Когда она переехала к мужу

в Пичинейку, его братья и сестры уже разъехались. Удивлялись: они стремились выбраться из деревни, а младший брат сюда молодую жену привез. Зато свекровь приняла невестку как родную dochь.

Работала свекровь телятницей на колхозной ферме в Пичинейке. Грамоты получала. За ударный труд ковер ей подарили. Когда ушла на пенсию, Анна заняла ее место. Свекровь ее учила лошадь в телегу запрягать, с телятами и бычками на ферме управляться. На лошади надо было бочку воды привезти, телят напоить, солому поменять, сено разложить. Все вручную. Вместе с Анной работали еще три телятницы. В пичинском отделении колхоза «Путь Ильича» на откорме 110 бычков числилось, на доращивании – еще 130. Плюс конюшня на 30 лошадей, которой заведовал Петр Борисович Аввакумов. «В Пичинейке один человек работал за четверых», – говорят Старостины.

Когда телят, лошадей, амбары и зерносклады перевели в центральную усадьбу в село Ахматово, Анне пришлось переквалифицироваться в доярки. Ходила в Ахматово каждый день на утреннюю и вечернюю дойку. Нужно было подоить коров, почистить, набросать на пол соломы, в кормушки – сено. Коровы поели – надо выгонять на улицу к пастуху. А в феврале отел начинается. Теленка надо принять, потом поить 20 дней. Каждая доярка отвечала как минимум за 30 коров и, соответственно, за 30 телят. Хорошо, муж приходил помогать, вздыхает Анна Антоновна. «Я не жене помогал! Своему колхозу!» – подчеркивает Алексей Николаевич.

Анна Антоновна и сейчас может перечислить своих подруг, с которыми ходила из Пичинейки в Ахматово на работу: Альбина Батяева с дочерью Марией, Лидия Прошкина, Антонина Пирогова. Но пришло время, когда по дороге из Пичинейки в Ахматово она стала ходить в одиночестве. Колхоз «Путь Ильича»

В облике
Алексея
Старостина
проглядывают
строгие черты
однодворца –
героя рассказа
И.С. Тургенева

построил в Ахматове удобные коттеджи. Все трудоспособное население из стоящей на отшибе Пичинейки туда и перебралось. Старостинам за их многолетний труд председатель колхоза квартиру в коттедже первым предложил. Они отказались. Почему они не покинули Пичинейку?

Мать Алексея из родного дома уезжать отказалась. Да и им самим нравилось самостоятельное и независимое житье. А дети Старостиных, Евгений и Наталья, быстро привыклиходить в школу пешком. Старостины остались в деревне одни после того, как в Ахматово переехали Симионовы. Они в конце улицы жили, уточняет Алексей Николаевич. Глава семьи Николай Андреевич

Еще скрипят
качели
в заброшенной
деревне...

Симионов – ветеран Великой Отечественной войны. Полна грудь наград. Жена его Евдокия ветеринаром работала. Вообще-то половина села Ахматово – это бывшие жители Пичинейки. Двадцать лет назад Старостину, который продолжал трудиться трактористом на полях местного хозяйства, говорили, что его Пичинейка умерла. А он с гордостью отвечал: «Пока мы тут живем, и деревня жива!»

Тогда Старостины еще держали двух коров и двух бычков. Но потом оставили только одну корову. За молоком к ним машина приезжала с маслозавода. Когда корова пала, супруги тяжело переживали эту потерю, решили больше буренок не заводить. Сейчас держат восемь коз и козла.

Позже купили 20 гектаров земли, старый комбайн «Нива», гусеничный и колесный тракторы и другую необходимую сельхозтехнику. Очень непросто им тогда было. Хуже всего пришлось в тот год, когда сильный ураган разметал половину крыши сарая, в котором хранилось зерно. Намокшее жито вручную перелопачивали, сарай по досочкам собирали. Правда, никакие трудности не ослабили желание Старостиных работать на своей земле...

«У НАС ВСЕ ЕСТЬ»

Окажись в Пичинейке Тургенев, он бы точно причислил к однодворцам Старостина, живущего среди полей отдельным двором. Привычка Алексея Николаевича говорить поговорками да прибаутками выдает его приверженность старине. И пусть у него нет высшего образования, зато он умудрен самой жизнью. Племянник известного поэта Сумарокова, чиновник и литератор Павел Иванович Сумароков, в «Прогулках по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году» называет однодворцев сословием странным и неопределенным и замечает, что они не смешиваются с крестьянами (однодворцы не были закрепощены, были лично сво-

бодными. – Прим. ред.). Держат обычно много домашней скотины, ходят с бородами, а вместо герба у них – борзая собака. «Всегда, – подчеркивает автор, – узнаешь однодворца». Сохранение редчайшего чернозема средней полосы России считается главной заслугой однодворцев. У них не было чересполосицы. Имея в пожизненном пользовании один и тот же участок земли, однодворец его лелеял, улучшал, вел хозяйство в равновесии с природой, стремясь не только собирать урожай, но и ухаживать за землей. Однодворцев, являвшихся потомками служилых людей XVII века, упразднили реформы XIX столетия. Кстати, любопытно, что Пичинейка была основана на реке Нуя как раз в XVII веке та-

Редкий гость
окажется в этих
пустынных
местах...

тарами, несущими сторожевую службу в Алатырском уезде. Располагались тут владения семи помещиков.

«Чьим потомком я являюсь, не знаю, – почесывает бородку Старостин. – Отец тоже землю пахал. И прадеды здесь жили. А вот про звище только я один получил». Жители соседних деревень, зная об обособленной жизни Старостины, относятся к нему настороженно. Прозвали «мироредом». Но при встрече с ним ведут себя уважительно. Еще бы! Не одному селянину он вспахивает огород трактором, помогает отремонтировать технику, а при необходимости и зерном делится. И каждый местный житель знает, куда бежать, если машина застряла в поле или улетела в кювет.

Чем сформирована его заносчивость и социальная обособленность? Да кто его знает? И пусть он не наследник служилых людей XVII века, образовавших сословие однодворцев. Но их духовным наследником его точно можно считать. Знающий себе цену Алексей Николаевич Старостин с гордостью всем повторяет: «Мы помочь ни у кого не просим! И не жалуемся! У нас все есть!»

Молоко
Старостины
любят. Коз у них
больше, чем на
этой фотографии

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ

...Я был у Старостина весной, а затем приехал спустя два месяца – в конце лета, чтобы посмотреть на его созревшую пшеницу. За это время кто-то в окруже успел назвать Старостиных отшельниками.

«Ну какие мы отшельники! – отмахивается Алексей Николаевич. – Я тут родился, вырос, работал тут, никуда отсюда не уехал. Отшельники – это те, кто уходит куда-то. А я тут всю жизнь!» Помолчав, он вдруг неожиданно добавляет: «Вот вы спрашивали в прошлый раз, предлагают ли нам отсюда переехать». Оказывается, предложений покинуть Пичинейку Старостины не слышали. Но знают, что, если уедут, многие вздохнут с облегчением. Если для крупных агрофирм 20 гектаров Старостина всего лишь какое-то недоразумение, пережиток прошлого, то для властей их одинокий двор – обузу. Дорогу к нему надо расчистить. Уличный фонарь висит – опять же расходы для администрации. Когда зимой дорогу снегом заносит, едва пробешься до Пичинейки. Правда, Алексей Николаевич сам на своем тракторе ее чистит. И пусть Старостины ни о чем никого не просят, но чувствуют, что если они переедут куда-нибудь, то власти только рады будут. Ну не вписываются они в общее течение жизни...

В этот раз Старостины были не одни. У них гостила дочь Наталья и внук Данила. Мальчик подбегает к деду и спрашивает, почему козы и собаки такие чумазые. Алексей Николаевич объясняет городскому внуку, что они прятались от солнца под днищами трактора и комбайна, потому вымазались в масле и мазуте. Зато мошка ихкусить не будет. А дождь пойдет – вымоет животинок.

При слове «дождь» Старостин поглядывает на свою старую красно-белую «Ниву». Под комбайном уже проросла трава. Диски передних колес выкрашены в белый цвет. Фонари над кабиной целые. Выгрузной шnek

45 лет Анна Антоновна и Алексей Николаевич Старостины идут по жизни рука об руку

прижат к корпусу. Любо-дорого посмотреть. От стоящего рядом с комбайном гусеничного трактора тянутся по траве черные полосы, свидетельствующие о том, что он, в отличие от соседа, место своей стоянки покидает часто.

Земля во дворе испещрена следами автомобильных шин. Много собрал Алексей Николаевич тросов, плугов, ковшей, лезвий грейдеров, побитых ржавых бочек из-под солярки. Целая коллекция «железа» громоздится в центре двора у двух больших берез. Между ними стоит мазанка, с которойсыпается глина. За мазанкой – дом Старостиных, выкрашенный бледно-зеленой краской. Слева под ивами притулилась еще одна мазанка. Главный «персонаж» двора Старостиных, конечно, зерноуборочный комбайн «Нива». Заводится он всего лишь раз в год,

когда приходит время убирать пшеницу с тех самых 20 гектаров. Обычно в это время приезжает сын Старостиных, помогает вывозить зерно на тракторной тележке. Тогда со сбором урожая всего за два дня управиться можно. Ради этих двух дней, которые Алексей Николаевич искренне считает праздничными, Старостин отмывает стекла и фонари комбайна так, что они сияют, подкрашивает колеса, начищает до блеска детали и переворачивает механизмы. Будто на парад комбайн готовит. Знает, что, как только выведет в поле свою «рухлянь» – а на самом деле легенду полей «Ниву», – на него явятся поглазеть сотрудники соседней агрофирмы. И чтобы поразить и убедить их в своей жизнеспособности, Алексей Николаевич сажает рядом с собой в кабину внука и даже дает ему на несколько секунд подержать штурвал огромной машины. Будет пыльно и жарко. Но внук останется с дедом до вечера – дышать горячим воздухом жатвы. И когда в школе на уроке литературы займет разговор о «Записках охотника», он, быть может, вспомнит эти дни, пшеничные поля, одинокий двор и раскинувшиеся вокруг просторы. Сравнит своего деда с Тургеневским однодворцем и восхитится его преданностью родному клочку земли. Но до этого ему надо еще дорасти... ●

Этих новых жителей Пичинейки Тургенев, любитель охоты с собакой, точно бы приласкал

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.RU

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/PN363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

Читайте журнал на сайте
[**https://rusmir.media**](https://rusmir.media)

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru